

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Под редакцией
доктора юридических наук **И. М. Рассолова**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2017

УДК 347.77(075.8)
ББК 67.404.3я73
И74

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Авторы:

Рассолов И. М., доктор юридических наук, профессор кафедры правовой информатики МГЮА имени О. Е. Кутафина — § 2, 3 гл. 1, § 7 гл. 2, § 1, 3, 4, 6 (совм. с Чубуковой С. Г.) гл. 3; **Агапов А. Б.**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного права МГЮА имени О. Е. Кутафина — § 7, гл. 1; **Протасов В. Н.**, доктор юридических наук, профессор кафедры теории, истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) — § 1, 5 гл. 1; **Шагиева Р. В.**, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации — § 6 гл. 1; **Грищенко Г. А.**, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры правовой информатики МГЮА имени О. Е. Кутафина — § 5 гл. 3; **Чубукова С. Г.**, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры правовой информатики МГЮА имени О. Е. Кутафина — § 4 гл. 1, § 1–6 гл. 2, § 2, 6 (совм. с Рассоловым И. М.) гл. 3.

Рецензенты:

Морозов А. В., доктор юридических наук, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); **Тедеев А. А.**, доктор юридических наук, заместитель директора Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО» НИУ «Высшая школа экономики».

Под редакцией доктора юридических наук **И. М. Рассолова.**

И74 Информационные правоотношения: теоретические аспекты : коллективная монография / под ред. И. М. Рассолова. — Москва : Проспект, 2017. — 208 с.

ISBN 978-5-392-24092-0

Авторами в монографии предложена собственная концептуальная теория информационных правоотношений, системно рассмотрена их правовая природа. Проанализированы правовые проблемы отдельных видов информационных правоотношений: отношения в сфере международного информационного обмена; отношения в сфере связи; отношения в сфере информационно-телекоммуникационных сетей; отношения в сфере электронной экономической деятельности; отношения в сфере информационной безопасности.

Законодательство приведено на 1 сентября 2016 г.

Монография представляет научный интерес не только для правоведа, но и для представителей смежных наук, занимающихся проблематикой социального управления, информационных технологий и развития информационного общества.

УДК 347.77(075.8)
ББК 67.404.3я73

ISBN 978-5-392-24092-0

© Федотов М. А., предисловие, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© ООО «Проспект», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Науку информационного права с полным основанием можно отнести к одной из новейших отраслей отечественной юриспруденции. Своим рождением она обязана тому технологическому прорыву, который был связан с появлением электронно-вычислительных машин, а следом — автоматизированных систем управления. В момент своего рождения наука информационного права еще не обрела даже приличествующего ей наименования и была вынуждена скрываться под скромной личиной «правовой информатики».

Именно в тот момент ученые-обществоведы всего мира впервые заговорили об информационной революции и информационном обществе. Однако подлинный смысл этих слов стал понятен значительно позже, когда появились новые информационно-коммуникационные технологии, сформировавшие принципиально иную сферу обитания человечества — киберпространство. Благодаря этому наука информационного права обретает в наши дни новые измерения и, выходя за пределы привычного географически локализованного мира, ставит перед собой экзотические задачи выработки оптимальных правовых механизмов регулирования поведения пользователей, юридических и физических лиц в трансграничных информационно-коммуникационных сетях. Конечно, при этом сохраняет свою актуальность проблематика, связанная с деятельностью традиционных средств массовой информации, архивов, библиотек и других, более привычных сфер приложения регулирующего воздействия норм информационного права.

Указанные процессы трансформации социума потребовали от законодателя принятия значительного количества новых нормативных правовых актов, направленных на регулирование информационных отношений. Приняты и реализуются важные нормативные документы стратегического планирования, служащие ориентиром для государственной политики в информационной сфере. Среди таких документов необходимо назвать Стратегию развития информационного общества, Государственную программу «Информационное общество (2011–2020 годы)», Доктрину информационной безопасности и т. д. Все эти факторы в совокупности обусловили резкое усиление научного интереса к проблемам правового регулирования информационных отношений.

В истории любой отраслевой юридической науки неизбежно наступает момент, когда процесс первоначального накопления научного знания и опирающегося на него нормативного материала уже завершается,

а основополагающие принципы, понятийный аппарат, концептуальные доктрины еще только формируются. Именно тогда наиболее востребованы добротные, фундаментальные исследования, касающиеся особенностей соответствующих правовых норм, отношений, институтов и т. д. Вот почему можно всячески приветствовать попытку авторов предлагаемой вниманию читателей коллективной монографии предложить собственный концептуальный взгляд на информационные правоотношения, системно рассмотреть их правовую природу.

Эта монография, безусловно, может представлять научный интерес не только для правоведов, но и для представителей смежных наук, занимающихся проблематикой информационных отношений и развития информационно-коммуникационных технологий.

*Михаил Федотов,
Советник Президента РФ, Председатель Совета
при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, лауреат
Премии Правительства РФ в области печатных
средств массовой информации*

Глава 1

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ КАК СИСТЕМА

§ 1. Общественная природа правоотношения

Прежде чем непосредственно приступить к системному исследованию и описанию информационного правоотношения, требуется в общих чертах определить его характер и границы. «Лишь получив такое общее представление об интересующем нас системном объекте, мы вправе придвинуть к нему вплотную наш исследовательский объектив и начать рассматривать его крупным планом»¹.

Для правоотношения такой подход особенно важен в силу отмеченной возможности чрезмерного наполнения философских терминов специально-юридическим смыслом, в результате чего в правовой теории они приобретают условный характер. В философии правоотношения понимаются как одна из разновидностей общественных отношений, поэтому исследование их общественной природы в основном заключается в выявлении степени соответствия сложившихся в юриспруденции признаков правоотношения признакам и свойствам отношения общественного.

Общественный характер правовых отношений в юридической науке признан давно, и на первый взгляд вопрос в дополнительной разработке не нуждается. Почти все ученые-юристы соглашаются с тезисом, что правоотношения — это общественные отношения. Однако в конкретных, детальных характеристиках правоотношения, в исследованиях его внутренней стороны (строения) единую общественным с отношением природу можно проследить далеко не всегда. Так, зачастую упускается из виду, что правоотношение есть прежде всего отношение между людьми, а не отношение между их правами и обязанностями. В связи с этим актуально замечание чехословацкого ученого-юриста В. Кнаппа, который еще в 1957 г. писал: «Необходимо подчеркнуть известное, но в теоретических юридических рассуждениях часто отодвигаемое на задний план положение, согласно которому общественные отношения, являющиеся предметом правового регулирования, во всех случаях и исключительно являются отношениями действующих людей»².

¹ Каган М. С. О системном подходе к системному подходу // Философские науки. 1973. № 6. С. 37.

² Кнапп В. По поводу дискуссии о системе права // Сов. государство и право. 1957. № 5. С. 115.

Ситуация осложняется тем, что в юридической науке традиционным объектом внимания является отдельно взятое правоотношение, а в философии в основном исследуются *виды* общественных отношений¹. Единичное общественное отношение при этом рассматривается как элемент, и его внутренняя сторона освещения не получает. Такой подход в философии обусловлен строгим пониманием категории «отношение». Тем не менее сложившееся положение затрудняет правоведам выявление природы правоотношения как общественного отношения. А эта проблема привлекает внимание ученых-юристов², ибо она нераздельно связана с важной специально-юридической проблемой — совершенствованием механизма правового регулирования поведения людей.

Общественные отношения, как обоснованно отмечает болгарский философ Панайот Гиндев, представляют собой «частный случай специфического проявления всеобщей связи между явлениями объективной действительности»³.

Другими словами, общественные отношения являются разновидностью отношений вообще. Поэтому необходимо обратить более пристальное внимание на философскую категорию «отношение».

В категориальном аппарате философской науки «отношение» — это элемент триады категорий «вещь», «свойство» и «отношение», на основе которой строится познание любого объекта действительности. «В практике познания мир непосредственно делится не на множества и элементы, но на вещи, обладающие свойствами и находящиеся в отношениях»⁴. Отношения возникают между вещами на основе их свойств. При этом философское понимание «вещи» отличается от обыденных представлений о ней. Для обозначения вещи как физического, пространственно ограниченного объекта (вещи в обыденном понимании) в философии существует термин «тело». А вещью в ней считается любой самостоятельный предмет, выделенный среди многообразия других явлений. Таким образом, в философии основной признак вещи — это то, что явление взято в аспекте *самостоятельности*. Если тот же предмет рассматривать как принадлежность другому предмету (как средство характеристики последнего), то он уже выступит как *свойство*. Свойство — потенциальное отношение, а отношение — реализованное свойство. «Вступить в отношение, — писали В. И. Свидерский и Р. А. Зобов, — всегда означает проявить общую природу с соотносящимся и обнаружить на этой основе отличие от соотносящегося»⁵.

¹ См., например: Дроздов А. В., Машков А. П., Рожин В. П. Общественные отношения, их элементы, структура и классификация // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия. Вып. 8. Л., 1967; Вырелкин В. П. К вопросу об определении понятия «общественные отношения» // Вестник Ленинградского университета. Серия «Экономика философия, право». Вып. 3. 1968. № 17; Перфильев М. Н. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы. Л., 1974; Рыбакова Н. В. Моральные отношения и их структура. Л., 1974.

² См.: Гринберг Л. Г. Исследование общественных отношений и методологические вопросы правоведения // Правоведение. 1975. № 3. С. 129–133; Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 11–15.

³ Гиндев П. Философия и социальное познание. М., 1977. С. 161.

⁴ Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973. С. 176.

⁵ Свидерский В. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970. С. 19.

Более точным представляется определение отношения, данное В. Н. Сагатовским: «Различие или тождество вещей в одном множестве, тождественных в другом множестве, называется отношением между вещами»¹. Действительно, отношение может заключаться не только в различии, но и в тождестве. А различие или тождество вещей определяются их свойствами: в отношении свойства одной вещи раскрываются через свойства другой².

Итак, отношение можно понимать как взаимоположение обособленных предметов, явлений, возможное в силу их общей природы и основывающееся на их свойствах. Отношения существуют между явлениями, а внутри отношения отсутствуют всякие элементы, поскольку «элемент» — это тоже вещь, хотя и рассматриваемая в особом смысле. Элементы в ряде случаев сами призваны продуцировать в системе целесообразные отношения и в силу своей природы могут находиться только в системе, но не в отношении. Структурные отношения связывают элементы в систему, но сами их не содержат³.

Первой и главной особенностью общественных отношений как разновидности отношений вообще является то, что они есть отношения между людьми (их коллективами). Люди обладают, с одной стороны, рядом общих свойств, а с другой — в их психофизических и социальных качествах имеются различия. Реализация же качеств, сторон социальных субъектов предопределена тем, что человек не может существовать иначе как в обществе, участвуя с другими людьми в общественном производстве. Люди «не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью»⁴.

Второй важнейшей особенностью общественных отношений является их тесная диалектическая связь с поведением людей, с их деятельностью. Связь эта имеет генетический, взаимопорождающий характер. Общественные отношения и социальная деятельность взаимодействуют, обуславливают обоюдное возникновение и развитие. «Исследуя *действительные* общественные отношения и их *действительное* развитие, — писал В. И. Ленин, — я исследую именно продукт деятельности живых личностей»⁵. Думается, что в этом же плане нужно понимать и следующее высказывание В. И. Ленина: «Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения, людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения»⁶. То, что общественные отношения «слагаются» из действий, вовсе не следует, на наш взгляд, трактовать как то, что общественные отношения состоят из действий или что обще-

¹ Сагатовский В. Н. Указ. соч. С. 176.

² Основательно проблема триады категорий «вещь», «свойство» и «отношение» разработана А. И. Уемовым. См.: Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.

³ Интересно, что категории системного подхода «элемент», «функция» и «структура» являются, по существу, идентичными категориям «вещь», «свойство» и «отношение», а отличаются от последних лишь тем, что обладают признаком целеориентированности, будучи спроецированы на объект для рассмотрения его как системы.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 441.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 427.

⁶ Там же. С. 424.

ственные отношения и поведение — это одно и то же. Хотя иногда данные слова В. И. Ленина понимаются именно таким образом. Так, Ю. К. Толстой считал: «Как видим, В. И. Ленин отмечает здесь, что общественные отношения слагаются из действий личностей, что таким образом действия личностей образуют содержание этих отношений. Следовательно, регулируя поведение людей как участников общественных отношений, право регулирует и те отношения, которые слагаются из действий людей»¹. По нашему же мнению, слово «слагаются» в данном случае означает то, что общественные отношения *возникают* из действий людей, *порождаются* их поведением.

У В. И. Ленина есть теоретическое положение, из которого можно сделать более определенный вывод на этот счет. Так, он писал о том, что идеологические отношения представляют собой лишь надстройку над материальными, «складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»².

Другая сторона диалектической связи социальных отношений и деятельности заключается в том, что общественные отношения определяют, формируют поведение субъектов. «Существуют, однако, *отношения*, — подчеркивал К. Маркс, — которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания»³. Отсюда можно сделать два вывода: а) общественные отношения относительно поведения представляют собой самостоятельное явление, ибо они определяют действия; б) общественные отношения и деятельность представляют собой взаимосвязанные явления.

С учетом сказанного можно отметить справедливость следующего замечания философов: «Общественные отношения нельзя отрывать от человеческой деятельности, но нельзя безоговорочно и ставить между ними знак равенства. Не противопоставление или безоговорочное отождествление деятельности и общественных отношений, а принцип их единства — непреложная методологическая установка познания исторической действительности»⁴.

Более подробно механизм связи общественных отношений и социальной деятельности можно представить следующим образом. Наличие и существование общественных отношений возможно прежде всего в силу того обстоятельства, что существует человеческое *множество*. Это позволяет свойствам одного человека проявиться через социальные качества другого. Однако сама *актуализация* свойств людей происходит с возникновением в какой-либо социальной сфере *необходимости в определенной деятельности*, в результате чего из всей совокупности социальных свойств выделяются нужные, и эти актуализированные свойства связывают людей в отношения, характер которых зависит уже от фактического наличия и состояния у людей данных качеств, способностей к данной деятельности. Сфера же необходимой деятельности определяется надобностью в конкретных бла-

¹ Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 5.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 149.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 192.

⁴ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981. С. 93.

гах. Схематично этот процесс выглядит так: потребность в определенных благах — необходимость соответствующей деятельности — актуализация нужных для данной деятельности свойств людей — общественные отношения — деятельность фактическая — достигнутые блага. Фактическое поведение, вытекающее из общественных отношений, служит, в свою очередь, основой для возникновения новых отношений через обретение субъектами в совместной деятельности новых социальных качеств. Весьма точно об этом высказался В. М. Соковнин: ««Наполнение» человека общественными отношениями, по всей вероятности, должно происходить благодаря тому же механизму, который реализует эти общественные отношения, и он не может быть не чем иным, как деятельностью самого человека»¹. Эта закономерность проявляется и в правовой сфере, когда юридически значимые акты поведения обуславливают возникновение правовых отношений, а последние, в свою очередь, формируют правомерное поведение.

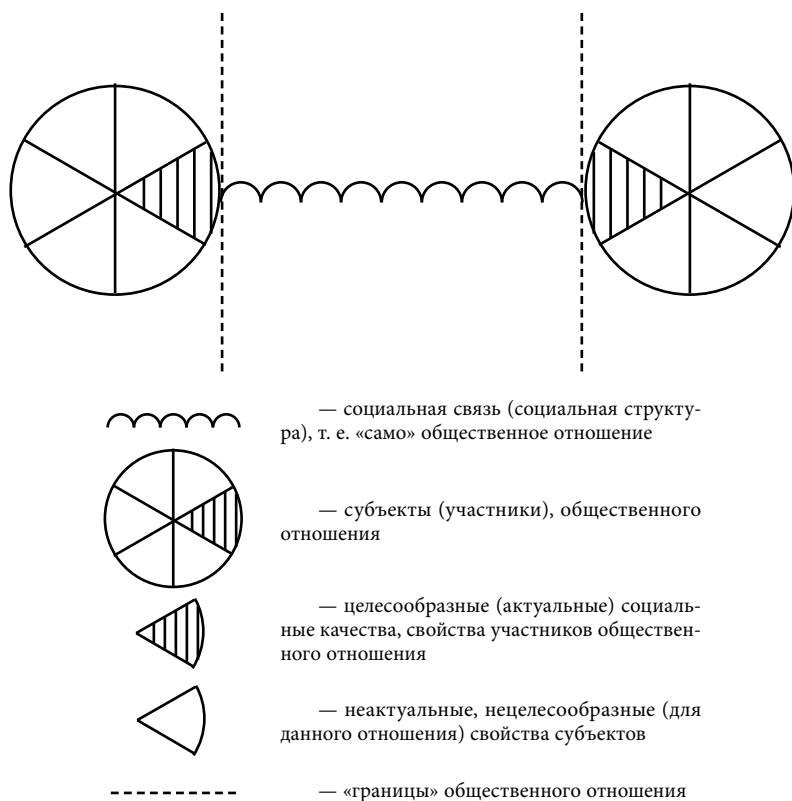

Рис. 1. Структура общественного отношения

¹ Соковнин В. М. Проблемы нормативного общения // Философские науки. 1973. № 2. С. 51.

Итак, общественные отношения как вид отношений отличает главным образом то, что они есть отношения *между людьми* и тесно связаны с их *деятельностью*. Но в интересующем нас плане они ничем не отличаются от отношений вообще: как и во всяком отношении, внутри общественного отношения нет никаких *элементов*, в том числе и поведения (см. рис. 1). Элементом может быть названо само отношение, когда речь идет о системном анализе сложной социальной структуры. Но в этом случае, во-первых, последняя рассматривается уже не как отношение, хотя бы и сложное, а как система (система отношений, в которой структурой будут отношения между отношениями); во-вторых, элементами этой системы будут менее сложные структуры или отдельные отношения, т. е. опять-таки отношения, а не какие-либо обособленные объекты (вещи). Как раз потому, из-за строгого понимания социальной связи, элементами общей структуры общества в философии считаются виды общественных отношений, их однородные совокупности, выражающие сущность той или иной сферы общественной жизни. В правоведении же, как уже отмечалось, с точки зрения строения анализируются отдельно взятое, единичное правоотношение, и именно в нем выделяются различные элементы. Следовательно, под правоотношением в юриспруденции понимается на самом деле не отношение в его собственном структурном смысле, не правовая связь, а единство этой связи и тех явлений, которые предполагаются в качестве элементов правоотношений. Другими словами, последнее рассматривается юридической наукой как некая целостность, имеющая свой состав и свою структуру. Такой подход, в известном смысле, богаче и глубже общефилософского понимания отношения, и, учитывая специфику правовой проблематики, с ним, в принципе, можно согласиться, но при том условии, что будет правильно определен круг явлений, подлежащих включению в правоотношение в качестве элементов, т. е. его *состав*.

§ 2. Информационно-правовые отношения, их сущность

Вопрос о правовой природе отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в области информационной сферы, является самым дискуссионным и сложным. Для начала следует разграничить общественное отношение вообще и правовое отношение в частности, а также дать трактовку информационным отношениям и интернет-отношениям.

По нашему мнению, общественные отношения — это присущие именно человеческому обществу связи и зависимости, в которых осуществляется индивидуальная и коллективная деятельность. Категория «общественное отношение» всегда стояла в ряду таких понятий, как «связь», «взаимодействие», «движение» и нередко получала через них свое определение. Многие исследователи различают понятие связи и отношения вообще и общественного отношения и общественной связи в частности. Дело в том, что всякая связь предполагает отношение, но не всякое отношение есть только (!) связь. Вместе с тем в юридической литературе связь и отношение чаще всего отождествляются.

Когда говорят, что связь есть отношение, то имеют в виду, что отношение основывается на связи, включает связь. Однако на уровне отношения появляется нечто дополнительное, позволяющее говорить именно об отношении, а не только о связи.

Общественные отношения как отношения между людьми по поводу тех или иных социальных благ состоят из нескольких элементов: субъектов, между которыми они складываются (участников отношений); объектов, т. е. тех социальных благ, по поводу которых возникает общественное отношение; и содержания отношений, т. е. прав и обязанностей, которые определяют поведение конкретных людей, индивидов.

Отношения объективны. Эта объективность носит специфический характер, ибо отношения не могут непосредственно восприниматься органами чувств. Общественные отношения не существуют сами по себе, вне соотносящихся сторон. Взаимодействие, осуществляемое в рамках общественных отношений, всегда оказывается выраженным вовне — в действиях и поступках людей. Различные исследователи указывают на ряд наиболее типичных разновидностей социального взаимодействия, многочисленных связей субъектов. Например, можно выделить корпоративную деятельность; эпизодическое сотрудничество; косвенную взаимосвязь (через продукты труда); взаимное информирование и противодействие. В целом общественные отношения представляют собой форму организации человеческой деятельности — практику¹.

По мнению А. Б. Венгерова, информационными отношениями («диагональными») выступают социальные отношения, имеющие технико-организационную сторону и социальное содержание, которые выделяются на определенном этапе развития общества (для целей автоматизации управления); это отношения, которые складываются в сфере управления народным хозяйством между работниками, их коллективами в процессе регистрации, сбора, передачи, хранения и обработки информации. Они носят объективный характер, т. е. облекаются в объективную материальную форму².

Информационное отношение (по сути «реальное» или «фактическое»³ отношение, входящее в предмет информационного права) можно также определить как волевое общественное отношение, в котором информация выступает благом, по поводу которого возникают права и обязанности субъектов. Поэтому информационное отношение как объект правового регулирования появляется не сразу, а на определенном этапе развития общества и технических средств обработки информации⁴. Часть информационных отношений,

¹ См. подробнее об этом: *Расолов И. М.* Общественные отношения. Обществознание: учеб. пособие. М.: Норма; Инфра-М, 2001. С. 11–15.

² См.: *Венгеров А. Б.* Право и информация в условиях автоматизации управления. Теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Б. Венгеров. М., 1975. 26 с.

³ См. об этом более подробно: *Алексеев С. С.* Общая теория права: учебник / С. С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. С. 334–335.

⁴ *Грибанов Д. В.* Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 13–14.

возникающих, изменяющихся и прекращающихся в киберпространстве, мы будем называть интернет-отношениями¹.

Правоотношение — это «возникающая на основе норм права индивидуализированная общественная связь между лицами, характеризующаяся наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства»².

Исходя из приведенных точек зрения, можно заключить, что информационное правоотношение — это собирательное понятие, включающее в себя урегулированные информационным законодательством, различные по правовой природе общественные отношения, объединенные связью с особым объектом, благом особого рода — информацией. Это благо особого рода состоит и проявляется в неразрывной связи (двуединстве) информации со своим носителем.

Т. А. Полякова среди особенностей информационных правоотношений называет следующие: эти отношения возникают, изменяются и прекращаются в информационной сфере в процессе обращения обособленной информации; они отражают особенности применения публично-правовых и гражданско-правовых методов регулирования при осуществлении прав и свобод граждан с учетом специфических особенностей и юридических свойств информации, информационных и иных объектов информационной среды; информационные отношения определяют государственную политику в области защиты информационных прав и свобод человека и гражданина. Автор считает, что многоотраслевой характер правовых отношений в информационной сфере предполагает их комплексное регулирование при сбалансированном применении различных отраслевых норм³.

Следует особо отметить, что административные отношения в информационном праве носят, главным образом, организационный характер. Они служат предпосылкой возникновения всего комплекса отношений между субъектами по поводу оборота информации. Например, отношения по регистрации сетевых средств массовой информации; отношения по использованию технических средств, Интернета (например, выдача лицензии сервис-провайдеру), создание федеральных баз данных, архивов, электронных библиотек, каталогов и т. д.

Таким образом, при регулировании информационных отношений, в зависимости от их характера, используются методы, применяемые гражданским и административным правом. Однако они базируются на предусмотренных информационным правом принципах. Поэтому в настоящее время сложились все предпосылки для признания информационного права одной из комплексных отраслей права.

¹ Характеристика этих отношений будет дана в последующих разделах данной работы.

² Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. С. 328.

³ См.: Полякова Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 20.

Анализ правоприменительной практики разных стран показывает, что информационно-правовые отношения, как и правоотношения в строгом смысле слова, возникают, изменяются и прекращаются при наличии следующих предпосылок: во-первых, если существует необходимая норма информационного права, которая распространяет свое действие на соответствующих субъектов (причем здесь речь идет о нормах преимущественно национального законодательства); во-вторых, когда субъекты выступают в качестве носителей необходимых прав и обязанностей (например, физические лица должны обладать всеми качествами полноценной личности, правоспособностью и деликтоспособностью; это особенно важно при заключении внешнеэкономических сделок в виртуальном пространстве Интернета); в-третьих, когда возникают юридические факты (скажем, имело место заключение договора купли-продажи через Интернет, открытие сайта, совершение субъектом компьютерного правонарушения и др.), т. е. конкретные обстоятельства, с которыми субъекты могут связывать возникновение, изменение или прекращение информационно-правового отношения. Кроме того, основаниями возникновения информационных правоотношений могут выступать положения законов, конституционные акты, договоры или сделки, причинение вреда или ущерба¹.

Если говорить о правоотношениях в информационной сфере, которые служат определенной формой взаимодействия субъектов (участников), то здесь возникает, изменяется и прекращается целый комплекс разнообразных правоотношений (в основном охранительных и регулятивных).

Правоотношения в данной сфере обладают рядом существенных признаков: они являются разновидностью общественных отношений; носят волевой характер; возникают на основе норм права или индивидуальных актов правомерного поведения субъектов; характеризуются наличием у сторон субъективных юридических прав и обязанностей; осуществление таких прав и исполнение таких обязанностей обеспечено возможностью обращения в компетентный юрисдикционный орган за их защитой (реализацией права притязания).

§ 3. Содержание информационных правоотношений, их виды

Регулирование информационных отношений с помощью права осуществляется посредством установления определенных информационно-правовых норм, т. е. путем установления правил поведения субъектов информационных отношений и применения норм информационного права. Информационно-правовые нормы регулируют взаимоотношения граждан, средств массовой информации, организаций между собой, их взаимные права и обязанности и вследствие этого придают этим регулируемым отношениям особый характер, характер информационно-правовых отношений; субъекты данных отношений выступают в качестве носителей специфических, информационных

¹ См.: *Расолов М. М.* Информационное право: анализ и решение практических задач. С. 5–6.

прав и обязанностей. Поэтому можно сделать вывод, что информационные отношения между самыми разнообразными участниками — гражданами, редакциями СМИ, телестудиями, предприятиями, организациями, фирмами и др., в которых последние участвуют в качестве носителей прав и обязанностей, установленных нормами информационного права, называются информационно-правовыми отношениями (или информационными правоотношениями).

Следовательно, любая норма информационного права реализуется только посредством информационно-правовых отношений: обязывая одних участников (субъектов) этих отношений к совершению конкретных действий и предоставляя конкретным лицам право требовать, руководить данными действиями, информационное право устанавливает специфические информационно-правовые коммуникации между участниками правоотношений, т. е. информационно-правовые связи между людьми. В итоге к информационно-правовым отношениям относятся те общественные отношения, которые отражены в нормах информационного права и регулируются ими.

Необходимо подчеркнуть, что эти информационные отношения в рамках права характеризуются через совокупность следующих специфических признаков: наличие специальных субъектов информационной деятельности государства, его органов, средств массовой информации, предпринимательских структур, граждан и проч.; наличие специальных объектов информационной деятельности — информационных инструментов (информационные технологии, информационные сети, сооружения связи и другие инфраструктуры информации); опосредованность через информационные правоотношения указанных субъектов и объектов.

При этом по своей направленности информационные правоотношения подразделяются на активные информационные действия, пассивные информационные действия, посредническую информационно-правовую работу, вспомогательные информационные действия, а также на организационные имущественные и неимущественные правоотношения.

По субъектному составу можно выделить отношения: между производителями информации и информационными посредниками; между информационными посредниками и обладателями информации; между обладателями информации, информационными посредниками, производителями информации и потребителями.

По целям информационные правоотношения подразделяются на регулятивные и на охранительные (деликтные).

По содержанию выделяют материальные и процессуальные информационные правоотношения. Причем материальные регулируются материальными нормами информационного права, а процессуальные устанавливают определенный порядок или процедуру (например, по поводу разрешения индивидуальных и коллективных разногласий в информационной сфере).

Интересную классификацию информационных правоотношений предложили М. А. Лапина, А. Г. Ревин, В. И. Лапин. Они полагают, что по соотношению прав и обязанностей в содержании правоотношений их можно

разделить на две группы: вертикальные (в данном случае один из участников подчинен другому, например, отношения между вышестоящими и нижестоящими органами власти, между соподчиненными должностными лицами) и горизонтальные, когда участники не подчиняются друг другу. Характерным признаком вертикальных информационных отношений является то, что они могут возникать на основе одностороннего волеизъявления, исходящего от должностного лица или органа, наделенного необходимыми полномочиями. Горизонтальные информационные отношения возникают между неподчиненными органами государственной власти, учреждениями, организациями, гражданами. Авторы показывают, что горизонтальные отношения чаще всего возникают в связи с реализацией информационных прав граждан в информационной сфере¹.

Данная позиция привлекает внимание еще и потому, что один из основоположников информационного подхода к праву, А. Б. Венгеров, называл информационные отношения «диагональными», т. е. и не «вертикальными», и не «горизонтальными»; и в этом изначально состояла суть этого нового типа правовой связи.

Кроме того, по государственной принадлежности физических и юридических лиц, закрепляемой в законодательных актах, можно выделить отношения: между отечественными и зарубежными потребителями информации; между зарубежными и отечественными производителями информации; между отечественными информационными посредниками и иностранными гражданами и др.

Модельный информационный кодекс стран-участников СНГ 2008 г. выделяет два вида отношений, которые регулируются информационным законодательством: информационные и информационно-инфраструктурные. Согласно Кодексу информационные отношения — это общественные отношения, возникающие в процессе создания, распространения, использования, хранения и уничтожения (утилизации) информации. Информационно-инфраструктурные отношения — это общественные отношения, возникающие в процессе создания, распространения, использования, сохранения и уничтожения (утилизации) информации, а также в процессе деятельности субъектов информационной инфраструктуры, предоставления информационных услуг и выполнения работ в информационной сфере, использования информационных технологий и ресурсов и обеспечения информационной безопасности (ст. 9 Кодекса).

В целом сущность информационно-правовых отношений в обществе можно охарактеризовать следующим образом:

- во-первых, данные отношения определяются объективными экономическими отношениями, основанными на многообразии форм собственности, в том числе и на информационных продукты и технологии; чаще всего они представляют собой общественные отношения свободных субъектов: граждан, средств массовой информации, организаций и т. д.;

¹ См. подробнее об этом: *Лапина М. А., Ревин А. Г., Лапин В. И.* Информационное право. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 52.

- во-вторых, информационные правоотношения — это отношения указанных субъектов, предусмотренные и урегулированные нормами информационного права, которые выражают идеи свободы и демократического развития личности в информационно-правовой сфере;
- в-третьих, информационно-правовые отношения являются средством решения задач в области формирования единого информационно-правового пространства страны, защиты прав журналистов, информационного обмена, укрепления информационной безопасности и многих других.

Говоря о содержании информационного правоотношения, здесь можно выделить две стороны: материальную (взаимная реализация прав и обязанностей субъектов, выразившая в определенном поведении) и юридическую (субъективные юридические права и обязанности).

Анализ также показал, что рассматриваемые информационные правоотношения имеют свою определенно социально-правовую структуру и состоят из следующих компонентов: субъектов; объектов; информационных прав (правомочий); информационных обязанностей.

Рассмотрим подробнее состав отношений, регулируемых информационным правом.

Субъектами выступают участники информационных отношений. Под субъектами «понимаются люди и их объединения, выступающие в качестве носителей... прав и обязанностей»¹.

Объект информационного отношения — это все те материальные, духовные и иные социальные блага, действия (воздержание от действий), продукты творчества (результаты авторской, изобретательской и иной деятельности), по поводу которых субъекты информационного права вступают в информационно-правовые отношения и что лежит в основе их интересов, прав и обязанностей.

В этой связи мы считаем плюралистический подход к пониманию объекта информационных правоотношений наиболее правильным. Согласно монистической теории объектом правоотношения выступает лишь поведение обязанного лица (О. С. Иоффе). Причем ряд авторов считает, что объектом информационного правоотношения являются действия сторон, а его предметом — информация (сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления), документированная информация, информационные продукты и услуги².

Следует отметить, что в информационных правоотношениях объектами являются разнообразные информационные ресурсы, информация, зафиксированная на разных носителях: программы, базы данных, печатные произведения, тиражи газет, книг, журналов, аудио- и аудиовизуальные материалы, рекламные продукты, сами компьютеры, информационные системы, средства связи и многое другое. Именно эти объекты часто попадают в поле зрения информационных споров, сделок, договоров, соглашений

¹ Матузов Н. И. Правовые отношения // Теория государства и права. М.: Юристь, 1997. С. 481.

² См., например: Лапина М. А., Ревин А. Г., Лапин В. И. Информационное право. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 51.

и т. д. Некоторые виды информации могут выступать объектами не во всех информационно-правовых отношениях, и на них налагаются определенные ограничения. Например, деятельность по организации и проведению азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, в том числе подвижной связи, запрещена (ст. 5 Федерального закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»¹. Только при определенных условиях включаются в открытые информационно-правовые отношения сведения, составляющие государственную тайну (ст. 5, 17 Закона РФ «О государственной тайне»).

В информационных правоотношениях объектом являются определенные действия, поступки и поведение субъектов права. При этом действия, поведение могут быть объектом информационного права в очень широком спектре разнообразных правоотношений. Так, согласно абз. 2 ст. 31 Закона РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления не вмешиваются в творческую деятельность граждан и их объединений, государственных и негосударственных организаций культуры за исключением, когда такая деятельность ведет к пропаганде войны, насилия, жестокости, расовой, национальной, религиозной, классовой и иной исключительности или нетерпимости, порнографии².

Объектом информационного права может быть воздержание от отдельных поступков. Это имеет место в тех случаях, когда норма информационного права, регулирующая определенные отношения, запрещает те или иные действия. Например, Федеральный закон «О библиотечном деле» запрещает соответствующим государственным органам и должностным лицам принимать решения, ущемляющие законные интересы библиотек и их пользователей. Если такие действия будут иметь место, они могут быть обжалованы в судебном порядке (ст. 15).

Право в информационной сфере как компоненте информационного правоотношения представляет собой правомочие субъекта информационного права действовать по определенной программе и требовать законного поведения от своих партнеров. Так, автор на топологию имеет исключительное право использовать эту топологию по своему усмотрению (например, воспроизведение топологии полностью или частично; продажа и иное введение в гражданский оборот топологии), поскольку это соответствует ст. 1454 ГК РФ, и требовать законного поведения других относительно своей топологии. Статьи 1454, 1456 ГК РФ устанавливают механизм защиты прав на топологию. На основе этих норм в указанных случаях устанавливаются информационные правоотношения между автором или иным правообладателем, права на топологию которых нарушены, и соответствующими судебными

¹ РГ. 2006. № 97. 31 дек.

² РГ. 1992. № 248. 17 нояб.

органами; на последних лежит обеспечение защиты прав указанных субъектов правоотношений. Автор топологии или иной правообладатель имеет право требовать от соответствующих судебных органов этого обеспечения (объект информационного права) и достигает этого своим требованием, обращенным к этим органам.

В данном случае мы имеем пример сложных информационно-правовых отношений — два субъекта, соответствующие судебные органы, совокупность нарушенных прав автора на топологию и др. На практике же информационное правоотношение чаще всего становится более упрощенным: после анализа ситуации названный автор делает собственный выбор и будет обращаться в один конкретный суд с требованием о восстановлении нарушенных прав.

Субъективное право в рассматриваемой области — это гарантируемые нормами права, вид и мера возможного или дозволенного поведения участника информационного правоотношения. А обязанность есть вид или мера должного или требуемого поведения. В содержании названного права отражается обеспеченная указанными выше источниками информационного права возможность, а в содержании обязанности — закрепленная этими источниками необходимость. Носитель возможности уполномочен на совершение определенных действий, а носитель обязанности выполняет конкретные поставленные задачи, функции.

Следовательно, субъективное право выступает в качестве определенной возможности в информационной сфере, которая разноаспектна и может включать в себя возможность: положительного поведения субъекта (например, провайдера при заключении договора поставки); требовать необходимого поведения от своего партнера (например, от провайдера к клиенту-покупателю по договору); прибегнуть к определенным мерам воздействия (например, в случае неисполнения стороной договора своей обязанности исполнять его условия); пользоваться на основе своего права определенным благом, преимуществом.

Иначе говоря, субъективное право в информационном праве может выступать в форме: права-поведения, права-пользования, права-требования и права-притязания.

В зависимости от ситуации в информационной сфере на первый план при реализации субъективного права может выходить одна из обозначенных форм. В общем, все указанные формы могут составлять единое целое и саму структуру субъективного права. Оно служит средством удовлетворения интересов субъектов информационных отношений, и прежде всего уполномоченных лиц. Поэтому субъективное право может быть нами рассмотрено как определенный порядок реализации своих действий в рамках информационных отношений.

То или иное правомочие субъекта в информационной сфере связано с нормой информационного права, поскольку если те или иные действия или факты не регламентированы данной нормой, то оно не будет считаться информационно-правовым отношением и его участники не добьются своих поставленных целей и задач.

Под стать субъективным правам выстраиваются и обязанности субъектов интернет-отношений, которые тоже включают в себя разные компоненты. Это прежде всего необходимость совершать определенные действия либо воздержаться от их совершения; необходимость одного субъекта отреагировать на обращенные к нему справедливые требования другой стороны; необходимость нести ответственность за неисполнение взятых обязательств; необходимость не препятствовать другой стороне пользоваться преимуществами и благами, на которые та имеет право. Таким образом, в этой сфере можно выделить обязанность активного поведения; обязанность пассивного поведения (воздержания от определенных действий); обязанность претерпевания определенных мер воздействия, исходящих от государства. Обязанность устанавливается в интересах всех субъектов, участвующих в информационных отношениях. Это неременное условие и гарант их эффективной реализации.

Обязанность как компонент информационно-правового отношения выражается в том, что субъект информационного права как участник правоотношения призван и должен действовать определенным образом, по строгой программе, т. е. не должен совершать определенных действий либо воздерживаться от их совершения.

Обязанность субъекта как элемент информационного правоотношения — это не только юридическая, но и социальная обязанность. Эта обязанность отличается от других видов обязанностей (скажем, моральной) тем, что она лежит на участнике информационного правоотношения, и если будет проигнорирована последним, то этого участника принудят к исполнению его обязанностей, применят к нему определенные меры государственного принуждения. В этом смысле речь идет лишь о юридической обязанности, об обязанности в информационной сфере. Обязанность на стороне одного (одних) субъекта (субъектов) соответствует праву на стороне другого (других). Так, обязанности производителя и участвующего в доставке обязательного экземпляра документа (производитель должен произвести и доставить документ) соответствует право получателя (библиотеки, архива и др.) требовать доставки указанного документа (ст. 6, 7 Федерального закона «Об обязательном экземпляре документов»). Право Торгово-промышленной палаты РФ требовать от юридических лиц не практиковать вскрытие информационных систем и сетей передачи данных соответствует обязанности юридических лиц не совершать подобных действий (ст. 3, разд. 4 и др. Национального кодекса деятельности в области информатики и телекоммуникаций).

Надо заметить, что в области информационно-правовых отношений права и обязанности далеко не всегда распределяются между субъектами права таким образом, что, скажем, на стороне одного субъекта лежит только право, а на стороне другого — только обязанность. Так, в случае коммерческого распространения продукции средство массовой информации, согласно ст. 25 Закона РФ «О средствах массовой информации», по договору одна сторона (скажем, печатное издание) обязуется передать другой стороне продукцию (книжному магазину журналы, буклеты и др.), причем последняя обязуется принять эту печатную продукцию, реализовать ее и внести первой определен-

ную плату. Очевидно, что на обоих участниках правовых отношений лежат прежде всего обязанности по отношению друг к другу: одна сторона обязана передать свою продукцию, а другая — ее принять, продать и уплатить за нее. Однако соответственно этому обе стороны здесь имеют по отношению друг к другу и права: первая сторона, скажем, может требовать возврата ей продукции СМИ, а вторая — передать последнюю.

На практике в системе информационно-правовых отношений обязанности и права тесно связаны друг с другом: праву соответствуют обязанности, а обязанности соответствуют право, кто пользуется правами — несет и определенную обязанность, на кого возлагаются обязанности — получает и определенные права. Эта неразрывная связь прав и обязанностей очень отчетливо приведена во многих нормативных актах информатики. А в ст. 16 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» права и обязанности субъектов в области защиты информации представлены в единой совокупности как единое нормативное образование. Информационное законодательство предоставляет участникам своих правоотношений широкие права в области информации, информатизации и защиты данных. На субъектов права оно возлагает и обязанности — соблюдать нормы информационного права, защищать информацию от несанкционированного доступа, не допускать правонарушений в информационной сфере. Вся совокупность этих прав и обязанностей и характеризует правовое положение наших граждан в цивилизованном информационном обществе.

§ 4. Объекты информационных правоотношений

Вопрос об объекте правоотношения в юридической науке решается неоднозначно. В рамках монистической концепции объектом правоотношения являются действия сторон (участников правоотношения).

В рамках плюралистической концепции объектом правоотношения является предмет деятельности субъектов права, по поводу которого они вступают в правоотношения, осуществляют субъективные права и исполняют субъективные обязанности.

Люди всегда участвуют в правоотношениях ради удовлетворения каких-либо политических, культурных и иных социальных интересов и потребностей. Эта цель достигается с помощью субъективных прав и обязанностей и юридических действий, направленных на их осуществление, которые, в конечном счете, приводят к приобретению и потреблению вещей, к пользованию различными социально-культурными благами, к пользованию различными услугами.

Средства удовлетворения различных интересов, потребностей личности и общества чрезвычайно разнообразны. Это, прежде всего, предметы внешнего мира, результаты деятельности людей, которые отделяются от самого процесса деятельности. Результат деятельности людей может быть представлен в виде материального или идеального блага.

Материальные блага в их естественном состоянии или произведенные людьми называются вещами. Примерами таких объектов информационных правоотношений являются:

ношений может служить техника, входящая в состав информационной системы и призванная обеспечивать реализацию информационных процессов, или технологическая система, обеспечивающая работу информационно-телекоммуникационной сети. Согласно ст. 16 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» оператор информационной системы в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, обязан обеспечить недопущение воздействия на технические средства обработки информации, в результате которого нарушается их функционирование.

Идеальные блага также могут быть представлены в виде продуктов (результатов) деятельности. Так, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) являются объектами гражданских правоотношений (ст. 128 ГК РФ). Отдельную группу идеальных благ составляют личные неимущественные блага — честь, достоинство, личное имя, тайна частной жизни и т. д.

Но в ряде случаев интересы участников правоотношения (или интересы общества, которым служит деятельность государственной организации) удовлетворяются непосредственно самим действием обязанного лица, выступающим в силу этого объектом правоотношения.

Например, когда речь идет об оказании различных услуг, объектом правоотношения служат именно эти услуги. И независимо от того, оплачивается или нет услуга тем лицом, которое ее получает, она перестает быть средством удовлетворения потребности. Так, в договоре об оказании услуг по обеспечению доступу к информационным ресурсам сети Интернет, которое граждане и организации заключают с провайдером — поставщиком услуг в сети Интернет, объектом прав заказчика выступает услуга — выполнение работы по обеспечению доступа в сеть.

Придерживаясь плюралистической концепции к пониманию объекта, под *объектом информационного правоотношения* будем понимать те материальные и духовные блага, по поводу которых субъекты информационного права вступают в информационные правоотношения, осуществляют субъективные права и исполняют субъективные обязанности и предоставлением и использованием которых удовлетворяются интересы субъектов информационного правоотношения.

Объекты информационных отношений весьма разнообразны.

Первую группу объектов информационных правоотношений составляют информация как благо особого рода и производные от нее информационные объекты: документированная информация, реклама, база данных и т. п.

Современный уровень развития научного знания еще не позволяет дать точного и законченного определения того основополагающего понятия, как информация.

На общелексическом, бытовом уровне понятие «информация» чаще всего толкуется как сведения, сообщения, передаваемые от человека человеку и осведомляющие о каких-то явлениях, событиях, процессах¹.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1952. С. 220.

Однако это не исчерпывает всего содержания данного понятия. Так, существует информация об окружающей действительности, которую человек получает через свои органы чувств, и она далеко не во всех случаях исходит от другого человека (температура окружающей среды, рельеф местности, время суток и т. п.).

В процессе развития наших представлений о мире в рамках различных наук формулировались частнонаучные определения понятия информации, исходя из целей проводимых научных исследований. Вместе с тем многие современные представления о содержании данного понятия связаны с человеком и его способностью мыслить.

Отождествление информации со сведениями или фактами, которые теоретически могут быть получены и усвоены, т. е. преобразованы в знания, составляет суть антропоцентрического подхода к определению понятия информации. Этот подход в настоящее время применяется наиболее широко и в российском законодательстве.

В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информацией понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (ст. 2). Данное законодательное определение не претендует на универсальность, но в настоящее время успешно используется в рамках юридической науки.

Следует отметить, что информация как объект правоотношений обладает рядом уникальных свойств.

В первую очередь следует отметить такое основополагающее свойство информации, как *идеальность*. Идеальное — это то, чего в природе нет, но что конструируется человеком в соответствии с его потребностями, интересами, целями, что подлежит реализации на практике¹. Пока информация находится в памяти человека, она идеальна. И перенос ее на материальный носитель (запись на бумаге, на носителях информации в компьютере и т. д.) не означает, что информация материализуется. Материален лишь носитель информации. Сама информация по-прежнему идеальна, ибо она осталась в памяти ее создателя или человека, который был с ней ознакомлен.

Именно поэтому оказались несостоятельными попытки распространения на информацию института вещной собственности. Несмотря на то, что носитель информации является вещью, информация в правовом смысле не может рассматриваться как вещь. Это связано с тем, что, когда мы передаем вещь, мы передаем при этом зачастую весь объем прав (владения, пользования и распоряжения). Но когда мы передаем зафиксированную на материальном носителе информацию, мы в правовом смысле передаем сам носитель и сумму каких-то прав по распоряжению содержащейся на нем информацией (например, право ее дальнейшего распространения). Саму же информацию мы лишь сообщаем и, таким образом, можем передать лишь право пользования и право распоряжения. Право владения (господства над вещью) может быть передано лишь на носитель, но не на информацию,

¹ Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. М., 1998. С. 172, 173.

которая на нем зафиксирована, ибо она осталась в памяти автора документа и останется в памяти всех, кто прочитает эти сведения.

Правовой институт интеллектуальной собственности также в полной мере не может быть применим, поскольку не любая информация является результатом творческой деятельности.

Эти моменты поставили перед юристами задачу сформулировать особый правовой режим информации, который нашел свое отражение в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Еще одно важное свойство информации — *неисчерпаемость*. Информация может иметь неограниченное число пользователей, использоваться неограниченное число раз и при этом оставаться неизменной. Именно это свойство выводит ее из разряда материальных ресурсов, отношения по поводу которых регулируются в рамках других отраслей права.

Информация не подвержена (в отличие от большинства вещей) физическому старению и обладает такой особенностью, как возможность неограниченного тиражирования. Это великое свойство информации предопределяет прогресс человечества, ибо благодаря ему осуществляются постепенное наращивание знаний и передача их от поколения к поколению. Таким образом «в современных условиях информация становится стратегическим ресурсом, от эффективного использования которого зависят перспективы развития экономики, формирование информационного гражданского общества, обеспечение безопасности государства и граждан»¹.

Однако свойство неисчерпаемости информации дает и побочный эффект: возможность произвольного распространения сведений, одновременного нахождения их в полном объеме в нескольких местах и одновременного использования любым количеством субъектов (в том числе и конфликтующими сторонами). Свойство информации как бесконечного ресурса предопределяет конструирование в праве систем ограничения на доступ и распространение информации, именуемые институтами тайн. С ним также связано большое количество проблем установления авторства.

Следующим свойством информации, основанным на идеальности, является ее *самостоятельность как объекта отношений*, независимость от среды, в которой она находится, от носителя, на котором сведения зафиксированы.

Исходя из этого при передаче информации, закрепленной на материальном носителе, передача прав на носитель должна сопровождаться передачей прав на использование информации. Ценность сведений также никоим образом не может быть поставлена в зависимость от стоимости их носителя.

Право на информацию закреплено в информационном законодательстве, а право собственности и иные вещные права на материальные носители, содержащие документированную информацию, устанавливаются гражданским законодательством (ст. 11 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

¹ Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: учебник / под ред. Б. Н. Топорнина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 139.

Идеальность информации определяет такой важный аспект осуществления информационных отношений, как *субъективность восприятия* информации. Одна и та же информация может быть по-разному воспринята различными субъектами информационных отношений.

Восприятие информации — процесс преобразования сведений, поступающих в социальную, техническую систему или живой организм из внешнего мира, в форму, пригодную для дальнейшего использования.

На процессы восприятия информации влияют следующие факторы:

- потребность в информации — это осознанная индивидом необходимость получения и использования в практической деятельности полученных сведений;
- интерес к информации — это, прежде всего, выделенность какой-либо информации из функционирующего в обществе потока, внимание к ней, направленность мысли на нее;
- социокультурный уровень личности. Этот фактор характеризует владение личностью определенной суммой знаний и культурных ценностей;
- наличие информационных барьеров. В качестве информационных барьеров в социальной системе могут выступать физиологические особенности человека (например, острота слуха и зрения).

С целью снижения субъективности восприятия информации объектом правоотношений, как правило, является не любая информация, а документированная информация, т. е. информация, закрепленная на материальном носителе.

Качественной характеристикой информации, имеющей принципиальное значение для включения ее в качестве объекта в какие-либо правовые отношения, является ее *субъективная ценность*, т. е. значимость для конкретного субъекта. Причем для различных субъектов информация будет иметь различную ценность.

В праве ценность информации выражается прежде всего в стоимостных характеристиках тех действий, которые следуют за получением информации. В качестве примера здесь можно привести, скажем, факт разглашения сведений, составляющих государственную тайну. В данном случае величина уголовно-правовой санкции ставится в зависимость от материального эквивалента ущерба, нанесенного противоправным распространением указанных сведений.

При правовом регулировании важную роль играет увязывание информации с целью, для которой она была получена. Например, факт противоправного доступа к сведениям, составляющим коммерческую тайну, из праздного любопытства может иметь одни правовые последствия, а то же действие с целью их последующей продажи конкурентам — существенно иные последствия.

Вторую группу объектов информационных правоотношений составляют действия (бездействия), поступки субъектов права.

Так, государственные органы, являющиеся учредителями (соучредителями) средства массовой информации, вправе требовать от редакции данного средства

массовой информации публиковать свои официальные сообщения в порядке, регулируемом уставом редакции или заменяющим его договором, а равно иные материалы, публикация которых в данных средствах массовой информации предусмотрена законодательством Российской Федерации (ст. 35).

Примером нормы информационного права, запрещающей определенные действия субъектов, может служить ст. 3 Закона РФ «О средствах массовой информации»¹, согласно которой не допускается цензура массовой информации, т. е. требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей.

§ 5. Функционирование правоотношения

«Не будет преувеличением сказать, — писал М. А. Гурвич, — что развитие или движение процессуального правоотношения представляет собой одну из самых существенных черт в его характеристике»². Немаловажное значение имеет этот аспект и в исследовании материальных правоотношений.

В теории системного подхода *функционирование* есть процесс реализации целесообразных свойств системы, обеспечивающий ей достижение цели. Применительно к правоотношению это означает прежде всего то, что субъекты ведут себя в соответствии с их положением в правоотношении, реализуют свои права и обязанности.

Система может не только функционировать, но и дисфункционировать. В дисфункционировании реализуются свойства системы, не отвечающие стоящей перед ней цели. При этом и функционирование, и дисфункционирование может быть как динамическим, так и статическим (в правоотношении соответственно — действия и бездействие субъектов). Динамическое функционирование представляет собой один из аспектов динамики правоотношения в целом, которая охватывает возникновение правоотношения и все изменения, происходящие с его элементами, вплоть до прекращения. Так, предусмотренные нормами права смена участников или изменения в их правах и обязанностях относятся к *развитию* правоотношений, но его функционированием может быть признано, на наш взгляд, лишь поведение субъектов.

Развитие системы есть изменение ее качества. Внутренний механизм развития таков, что в процессе его меняются состав системы или отношения между ее элементами (структура), либо то и другое вместе. В то же время изменения в составе, как правило, приводят к изменению структуры. Поэтому последняя является самой глубокой характеристикой системы. Изменение

¹ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // РГ. 1992. № 32. 8 февр.

² Гурвич М. А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения // Труды ВЮЗИ. Т. 38. М., 1975. С. 24.

качества в процессе развития системы отражается в изменении ее цели. Смена цели не должна приводить к полному перерождению системы. В качественно преобразовавшейся системе наряду с новыми элементами и отношениями — элементы и отношения прежней. Они, будучи условием перехода к новому качеству, в процессе развития отрицанию не подвергаются¹.

Так, правоотношение в своем развитии может проходить несколько стадий. В пределах каждой стадии в правоотношении происходит количественное накопление структурных изменений, которые затем перерастают в качественные, что находит проявление и в *преобразовании* цели правоотношения, и в переходе его в новую стадию. Такая динамика характерна в первую очередь для процессуальных отношений.

Итак, к функционированию правоотношения относится только поведение субъектов, причем только правомерное поведение. Но, как представляется, не всякое. И здесь есть свои ограничения. Например, если правовая норма моделирует варианты поведения, не соответствующие закономерностям общественной жизни, а содержание прав и обязанностей, в свою очередь, не отвечает общей цели правоотношения, то вряд ли обусловленное этими правами и обязанностями поведение можно назвать функционированием. Правоотношение в данном случае не достигнет запланированной цели, ибо оно уже с момента возникновения не является системой. Если же права и обязанности сформулированы адекватно поставленной цели, но социально бесполезной оказывается последняя, то правоотношение придется признать системой, хотя и социально неэффективной.

Следует также учитывать, что объем поведения, реально совершаемого каждым из участников конкретного правоотношения, всегда выходит за рамки функционирования последнего, ибо субъекты по отношению к данным правам и обязанностям могут вести себя правомерно, неправомерно и нейтрально. Нейтральным применительно к определенному правоотношению будет поведение, совершаемое его участниками в иных правовых и неправовых социальных связях. Неправомерное поведение составляет уже дисфункционирование правоотношения и является следствием реализации негативных качеств субъектов. Отклонения могут быть «в системе *личностных свойств* субъекта, к которым относятся его мировоззрение, опыт, установки, стереотипы, ценностные ориентации, а также особенности внутренней системы нравственного и социального контроля, в том числе правосознания»².

Понятие функционирования характеризует не просто правомерное поведение каждого из субъектов, а сочетание, комбинацию актов их правомерного поведения, необходимую для достижения цели правоотношения. Можно сказать даже, что функционирование — это «поведение» правоотношения в целом. Рассматривать акты поведения целостно, во взаимном сочетании в рамках функционирования требуется по той причине, что целевое назначе-

¹ Основы системного подхода и их приложение к разработке территориальных автоматизированных систем управления. Томск, 1976. С. 48–54.

² Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1979. С. 23.

ние правоотношения может не совпадать с целями того или иного субъекта и вообще может им не осознаваться. В. Н. Кудрявцев обоснованно подчеркивает различие цели создания правовой нормы и цели субъекта, поведение которого в ней моделируется¹. В этом плане, на наш взгляд, можно различать:

а) цель *создания* правовой нормы, под которой понимается формирование определенного типа правоотношений и общий социальный эффект ее длительного действия;

б) цель (назначение) правовой нормы в правовом механизме, которая заключается в том, что в конкретной юридико-фактической ситуации она возлагает на субъектов определенные обязанности и предоставляет им определенные права, образуя тем самым такую систему, как правоотношение;

в) цель правоотношения, которая задается нормативной моделью правоотношения;

г) цель совместного правомерного поведения субъектов;

д) цели самих субъектов.

Функционирование правоотношения может заключаться в сочетании различных форм поведения субъектов: в обоюдном бездействии участников, в активном поведении одного и бездействии другого, в действиях обоих субъектов. Особенности в функционировании правоотношений обусловлены различиями в достижении их целей. Так, цель может непосредственно достигаться активным поведением, однако если ему предшествует бездействие субъекта, предусмотренное нормами права, то оно и должно быть отнесено в правоотношении к его функционированию, поскольку соответствует закономерностям регулирования сферы общественной жизни и является условием выполнения задач, стоящих перед правоотношением. По этому вопросу в теории имеются и другие мнения. «В правоотношениях, выражающих динамическую функцию права, — утверждал С. С. Алексеев, — можно обнаружить такие моменты в развитии, когда они сначала реально существуют в виде «чистых» правовых связей. Так, налоговые отношения обычно возникают только как правовая связь, в силу которой налогоплательщик обязан уплатить сумму налога, а финансовый орган вправе требовать уплаты налога. В этом случае еще нет никакого фактического (материального) содержания: перед нами «чисто» правовая, «чисто» идеологическая связь между лицами»². Р. О. Халфина, критикуя С. С. Алексеева за его попытку конструировать «чисто» правовую связь между лицами в правоотношениях, выражающих динамическую функцию права, и не соглашаясь с тем, что в правоотношении могут быть (на том или ином этапе развития) права и обязанности без соответствующего фактического (материального) содержания³, тем не менее допускает, что «в процессе развития правоотношения возможны такие моменты, когда существует лишь правовая связь, а реальное отношение возникает позже»⁴.

¹ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1979. С. 34.

² Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций В 2 т. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 261.

³ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 210.

⁴ Там же. С. 210.

По нашим представлениям о функционировании правоотношений, механизм связи правоотношения и регулируемого правом фактического поведения выглядит иначе.

Во-первых, правоотношения в виде правовой структуры существует как «чистые» правовые связи всегда, *постоянно*, поскольку правовая структура не содержит в себе никаких элементов: ни прав и обязанностей, ни поведения субъектов. Она существует как самостоятельное правовое явление и не сливается с регулируемым поведением, не «вбирает» его в себя в виде содержания или каким-то иным образом.

Во-вторых, думается, сама по себе связь между правовой структурой и регулируемым поведением никогда не имеет никаких временных разрывов: ни с начала возникновения правовой связи, ни в процессе ее развития и функционирования. Дело в том, что правоотношение либо функционирует, либо дисфункционально. В других состояниях оно находиться не может¹. И если поведение субъектов правомерно, то это означает, что правоотношение «живет» и действует. В оценки характера связи правовой структуры и поведения необходимо учитывать отличие и соотношение связи фактического поведения с субъективной юридической обязанности от его соотношения и связи с субъективным правом. Так, поведение субъекта правомерно и в тех случаях, когда он не использует своего права. Обязанность же актуальна постоянно, она всегда требует исполнения или соблюдения и, таким образом, служит своего рода индикатором функционирования правоотношения. Если поведение участников по поводу их обязанностей остается правомерным, значит, обязанности реализуются, а правоотношение осуществляется. Например, если наниматель платит за жилое помещение своевременно, то он и в периоды между внесением платы относительно данной обязанности ведет себя правомерно. Кроме того, в промежутках между уплатой нанимателем квартирной платы реализует свою обязанность по предоставлению жилого помещения другой субъект — наймодатель, и, таким образом, в функционировании правоотношения как сочетании актов правомерного поведения его участников никаких временных разрывов не наблюдается.

§ 6. Информационно-правовая деятельность в системе информационных правоотношений

Несмотря на востребованность правовой категории правоотношения в современной юриспруденции, сам термин «правоотношение» употребляется для обозначения двух нетождественных правовых явлений. Во-первых, им обозначают определенное средство правового воздействия на общественные отношения. Понимаемое в узком смысле, оно предстает как взаимосвязанная совокупность персональных субъективных прав и юридических обязанностей, возникших на основе норм права. Во-вторых, результат такого воздействия

¹ В отличие от субъектов, которые, как это было отмечено, могут относительно конкретных юридических прав и обязанностей вести себя не только правомерно или неправомерно, но и нейтрально.

тоже называют правовыми отношениями. Здесь имеются в виду общественные отношения, которые приобрели определенную форму под регулирующим воздействием права. Именно в таком, широком смысле правоотношение выступает как общественное отношение, урегулированное правом.

Главное предназначение правоотношения заключается в том, что оно *выступает специфическим каналом реализации норм права*. Уже давно сложилось представление о правоотношениях как главных средствах перевода требований нормы права в практическую жизнь¹.

Сможет ли правоотношение исполнить эту роль, оставаясь лишь правовой связью (идеальной формой)? Представляется, что только теоретическое представление о правоотношении как единстве материального содержания и юридической формы следует признать наиболее устоявшимся и заслуживающим специального рассмотрения применительно информационного правоотношения.

Общественные отношения, являясь объектом правового регулирования, выступают затем в ходе реализации права в качестве формы и содержания *осуществляемой деятельности*, причем как в идеальном, образном, так и в реальном, фактическом виде. Они возникают и существуют «идеально», пока складываются и функционируют в образе той модели, которая намечена в соответствующей правовой норме, и наполняются живым содержанием, когда данная модель находит конкретное жизненное воплощение в реальном поведении участников этих отношений².

Государственная воля находит свое воплощение в тех юридических формах, в которых складываются регулируемые отношения, индивидуальная — в конкретных действиях субъектов правореализации. Согласованность индивидуальной воли с государственной, их общая направленность способствуют единству юридического и фактического содержания этих общественных отношений, обеспечению претворения намеченного законодателем в повседневную жизнь на всех ступенях происходящих при этом процессов.

Соответственно, правовые отношения предстают как такие обусловленные всей предшествующей деятельностью людей взаимосвязи, взаимозависимости или обособления (разграничения) субъектов правоотношений, которые, возникнув идеально в форме их субъективных прав и юридических обязанностей, затем имеют тенденцию к развитию в соответствии с последними в форме различных реальных действий и операций этих субъектов, т. е. в форме правовой деятельности. Как видим, деятельность как субстанция правовой действительности выступает сразу в нескольких ролях — и в качестве предпосылки возникновения правоотношений, и в качестве одной из форм их бытия, и в качестве содержания процесса, приводящего к изменению или прекращению конкретного правоотношения.

В. Н. Кудрявцев, исследуя правовое поведение, приходил к аналогичному выводу: «Таким образом, поведение, регулируемое правом, включает в себя: а) вступление в правоотношение; б) его реализацию; в) изменение

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. М., 1982. С. 93.

² См. подробнее: Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань, 2005.

или прекращение правоотношения»¹. Сами же правоотношения приобретают в зависимости от различных действий их участников неодинаковые формы бытия. Единство правовой деятельности и правовых отношений обеспечивается одинаковым субъектным составом (субстратом²) и тех, и других.

В связи с этим становятся понятными предлагаемые в правоведении определения правоотношения как *«специфической формы социального взаимодействия субъектов права с целью реализации интересов и достижения результата, предусмотренного законом или не противоречащего закону, и также иным источникам права»*³.

Субъективные права, юридические свободы, юридические обязанности и полномочия осуществляются в реальном поведении соответствующих участников правоотношений. В состав правоотношения может входить не любое поведение, а только *соответствующее требованиям нормы права*, отклоняющееся же поведение выходит за его рамки (но оно может стать юридическим фактом, влекущим возникновение другого, охранительного правоотношения, в котором реализуется санкция правовой нормы).

Будучи только *правомерным*, данное фактическое поведение как элемент реализующегося правоотношения должно не только соответствовать осуществляемой правовой норме, но и направляться теми субъективными правами и юридическими обязанностями, которые возникли у его участников⁴, позволяя им достичь той цели, ради которой они вступили в это правоотношение. При этом данная цель не должна противоречить той, которая была намечена законодателем для данной правовой нормы.

Данные общетеоретические положения могут быть вполне востребованы при рассмотрении информационно-правовых отношений. Однако понимание правового отношения как единства юридической формы и фактического содержания выдвигает в центр нашего анализа информационно-правовую деятельность, без уяснения правовых особенностей которой представления относительно информационно-правовых правоотношений окажутся неполными. Невозможно представить систему информационно-правовых отношений как совокупности информации, информационной инфраструктуры, субъектов, без их действий по осуществлению сбора, формированию, распространению и использованию информации, т. е. без информационно-правовой деятельности.

К сожалению, в юридической науке до сих пор имеются единичные исследовательские разработки, посвященные деятельности в информационно-

¹ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 43.

² Субстратом социальных форм движения является человек, целенаправленная деятельность которого лежит в основе всех социальных изменений (см.: Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983. С. 661).

³ Общая теория государства и права: академ. курс. В 2 т. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 279.

⁴ На это обстоятельство особо обращают внимание в юридической литературе: «Из этого следует, что фактические действия и бездействие субъектов правильного, законного правоотношения основываются на возникших субъективных правах и юридических обязанностях и осуществляются в соответствии с ними, а не последние «подстраиваются» под эти осуществленные действия и бездействие» (Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В. М. Сырых. М., 2008. С. 431).

правовой сфере. Считается, что одним из первых в литературе по информатике об информационной деятельности как особой категории поставил вопрос В. А. Герасименко¹. Известно, что А. Б. Венгеров рассматривал информационно-правовую деятельность как новое направление в юридической работе². И. Л. Бачило считает, что «информационная деятельность» как целенаправленная система модульно объединенных операций (манипуляций) с информационным ресурсом во имя достижения ожидаемого результата всегда осуществляется в определенной информационной среде. И только в современных условиях, когда информацию возможно выделить как особый предмет труда или творчества, может идти речь о самостоятельном социальном значимом виде человеческой деятельности. В процессе осуществления информационной деятельности, равно связанной с информационными технологиями и коммуникациями, ею различаются такие категории активности субъектов в области информатики, как действия, деятельность, деяния. Действительно, идеология максимального использования информационных технологий, создания информационного общества, политика государства в сфере практической информатики реализуется через организационные и функциональные структуры людей и их ассоциаций. Основой их жизнеспособности является деятельность субъектов в каждом конкретном случае. Если определять содержательную характеристику деятельности по предметной сфере, то можно говорить об информационной деятельности как о виде социально-экономической деятельности. Все наиболее значимые блоки этой деятельности по целям представлены в п. 4 ст. 29 Конституции РФ о праве на информацию: искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. И. Л. Бачило приходит к интересному выводу: в указанной статье Конституции РФ конструкция ориентирована на действия, дозволенные и закрепленные как право их осуществлять.

Сказанное не означает, что действия по реализации права гражданина на информацию не могут переходить в деятельность стабильную, профессиональную, но для этого потребуются и другие механизмы — оформление этой деятельности в установленном порядке (контракт, договор, лицензия и т. п.).

Таким образом, все виды деятельности в области информатизации, где осуществляются процессы соединения технологий, ресурсов и действий по использованию результатов объединения энергетики информации и технических средств при реализации личных, корпоративных и общественных интересов, образуют, по мысли И. Л. Бачило, сферу информационной деятельности, которую она определяет следующим образом: информационная деятельность — это профессиональная деятельность в области создания, сбора, поиска, накопления, обработки, хранения, предоставления, представления, распространения, охраны и защиты информационных ресурсов, информационных технологий и использования средств связи, осуществля-

¹ См.: Право и информатизация общества. М., 2002. С. 324.

² См.: Венгеров А. Б. Категория «информация» в понятийном аппарате юридической науки // Советское государство и право. 1977. № 10. С. 74.

емая в рамках правового статуса организации (юридического лица, органа государственной власти и местного самоуправления), персонала этих субъектов в соответствии с их правами и обязанностями, а также действия физических лиц по удовлетворению потребностей в информации и средствах информатизации при соблюдении законодательства¹.

Особенно ценным представляется выделение И. Л. Бачило трех уровней информационной деятельности: общего характера — информационное обеспечение потребностей всех участков работы органа, организации, служащих, работников любой профессии и частных лиц; специальной информационной деятельности — осуществляемой соответствующими субъектами, решающими задачи в области массовой информации и информатизации, обеспечивающими консультативную, экспертную и аналитическую работу для неограниченного круга потребителей; специализированной информационной деятельности — решение задач по формированию и использованию государственных информационных ресурсов, технологий и коммуникаций в области развития информационной индустрии и инфраструктуры, осуществления инноваций на основе информационных технологий, обеспечения информационной безопасности общества, государства, личности. При этом автор считает, что по всем означенным направлениям информационной деятельности возможно моделирование правовой работы и возникает вопрос о правовом оформлении отношений двух или нескольких субъектов в сфере информатики².

В другом монографическом издании обращено внимание на следующие особенности информационно-правовой деятельности: «Эта деятельность с правовой точки зрения является определенной совокупностью информационно-правовых действий, совершаемых конкретными субъектами и требуемых информационным законодательством. У этих действий есть юридическая цель, без констатации которой они теряют свое содержание. На практике информационно-правовые действия (шире — информационно-правовая деятельность) направлены на сбор и обработку правовой и иной информации, ее оценку, принятие решений, создание программных продуктов, разрешение споров и т. д. В процессе этой деятельности решаются цели и задачи правового регулирования и в случае нарушения законодательства принимаются определенные меры в судебном порядке.

Кроме того, информационно-правовая деятельность направлена на обеспечение реальных условий для развития и защиты всех форм собственности на информационные ресурсы, создание и совершенствование федеральных и региональных информационных систем и сетей, обеспечение их совместимости и взаимодействия в едином мировом виртуальном пространстве; создание условий для эффективного информационного обеспечения граждан и других потребителей на основе государственных информационных

¹ См.: *Бачило И. Л. Информационное право: основы практической информатики: учеб. пособие.* М., 2001. С. 157–158.

² Там же. С. 159, 165–168, 178–189.

ресурсов, обеспечение национальной безопасности в области информации и информатизации и многое другое. Кроме того, информационно-правовая деятельность направлена на обеспечение реальных условий для развития и защиты всех форм собственности на информационные ресурсы, создание и совершенствование федеральных и региональных информационных систем и сетей, обеспечение их совместимости и взаимодействия в едином мировом виртуальном пространстве; создание условий для эффективного информационного обеспечения граждан и других потребителей на основе государственных информационных ресурсов, обеспечение национальной безопасности в области информации и информатизации и многое другое»¹.

Данное предельно широкое понимание информационно-правовой деятельности может послужить отправной точкой при исследовании ее специфических черт, тем более что в цитируемом исследовании достаточно подробно представлен теоретический анализ общественных отношений, возникающих в ходе осуществления информационно-правовой деятельности в кибернетическом пространстве и регулируемых интернет-правом. В настоящее время право кибернетического пространства выступает как объективно обособившаяся внутри различных отраслей права (и прежде всего международного частного, публичного права и информационного права) совокупность взаимосвязанных правовых норм, положений, статей, норм морали и др., объединенных общностью регулирования отношений в среде Интернета. На наш взгляд, комплексность интернет-права позволяет распространить полученные при изучении этой сферы выводы на информационно-правовую деятельность в целом.

Тем не менее, с позиций проводимого нами теоретического исследования правового отношения в информационно-правовой сфере можно уточнить некоторые параметры в характеристике информационно-правовой деятельности как элемента фактического правоотношения. Прежде всего, информационно-правовая деятельность предстает как совокупность всех волеизъявлений субъектов, специально предпринимаемых в информационно-правовой среде, в целях организации удовлетворения их разнообразных информационных потребностей способом, признаваемым обществом и государством правильным, справедливым, а также в случае необходимости — юстициальным и юридически значимым с точки зрения всех юридических источников информационного права.

Главная особенность информационно-правовой деятельности заключается в том, что она носит комплексный характер, так как пронизывает все срезы российского правового пространства — частное и публичное, материальное и процессуальное, внутригосударственное и международное. Это подтверждается всеми исследователями, которые пытались осуществить теоретический анализ информационно-правовой деятельности. И. М. Рассолов отмечает: «Информационно-правовая деятельность различных субъектов права в Интернет носит международную окраску и осуществляется в интересах всех

¹ Рассолов И. М. Теоретические проблемы интернет-права. М., 2002. С. 27.

субъектов интернет-отношений, на базе норм международных договоров и национального законодательства». В дальнейшем он пишет, что развитие деятельности в Интернете порождает различные споры между субъектами соответствующих отношений. В свою очередь, разрешение интернет-споров вызывает необходимость уточнения ряда процессуальных положений, например связанных с допустимостью совершения процессуальных действий с использованием интернет-технологий, а также с применимостью тех доказательств «сетевых» юридических фактов (событий), которые перестают существовать «в материальной форме». Следует согласиться с его мнением, что для более эффективного рассмотрения споров с «сетевой спецификой» должны шире применяться внесудебные способы, в том числе примирительные процедуры и специализированные третейские суды, а в ряде случаев — административные, моральные и этические процедуры¹.

В рассматриваемом контексте справедливо и мнение о том, что информационное право не является в чистом виде публичным, оно является также и частным правом, носит смешанный частно-публичный характер, так как «регулирует не только информационные отношения, вытекающие из деятельности государственных органов, средств массовой информации, общественных организаций, а также и частноправовые отношения различных субъектов информационной деятельности с гражданами, с предпринимательскими структурами»². При этом важно отметить, что взаимопроникновение частноправовых и публично-правовых начал в информационной сфере носит не искусственно сконструированный характер, а обусловлено органикой, природой самого информационного пространства. Игнорирование его комплексного характера, недооценка императивного начала в информационно-правовой сфере чреваты серьезными потерями. Об этом свидетельствует, например, российская практика применения электронной подписи, электронных денежных средств и др. Электронный документооборот дал дополнительный инструментарий для совершения многих преступлений.

В современном мире электронный бизнес стал переходить в новое качество. Если на первом этапе для регламентации режима электронной подписи заключались предварительные соглашения между контрагентами о регламенте документооборота и процедурах разрешения конфликтов, происходил физический обмен ключами, сертификатами, то сейчас требуется осуществление юридически значимого электронного документооборота без какого-либо предварительного контакта между абонентами. В этом случае на плечи государства ложится значительная работа по созданию и регламентации национальной и международной инфраструктуры открытых ключей³.

В целом принцип сочетания частного и публичного начала при регулировании информационной деятельности нашел свое закрепление в Окинавской

¹ *Рассолов И. М.* Теоретические проблемы интернет-права. М., 2002. С. 28, 82; Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. проф. М. М. Рассолова. М., 2004. С. 703–705.

² *Рассолов М. М.* Информационное право. М., 1999. С. 10.

³ См. об этом: *Шепанский С. Б., Телегин П.* Минюст в сфере правового регулирования ЭЦП // Минюст России: история и современность: сборник. М., 2003. С. 30.

хартии глобального информационного общества: «Частный сектор играет жизненно важную роль в разработке информационных и коммуникационных сетей в информационном обществе. Однако задача создания предсказуемой, транспарентной и недискриминационной политики и нормативной базы, необходимой для информационного общества, лежит на правительствах. Необходимо позаботиться о том, чтобы правила и процедуры, имеющие отношение к информационным и коммуникационным технологиям, соответствовали коренным изменениям в экономических сделках с учетом принципов эффективного партнерства между государственным и частным сектором, а также с учетом транспарентности и технологической нейтральности»¹.

Еще в большей мере это касается переплетения международно-правового и внутригосударственного начал в структуре информационно-правовой деятельности. Как отмечается исследователями, правоотношения, возникающие в рамках «киберпространства», необходимо регулировать не только и не столько на государственном, сколько на надгосударственном, наднациональном уровне. Российскими учеными уже было доказано, что для отношений в области информации и коммуникации первостепенное значение имеют общепризнанные принципы и нормы международного и внутригосударственного права².

В связи с тем, что в рамках системы правовой деятельности выделяют ее парные виды (публично-правовую и частноправовую, материально-правовую и процессуально-правовую, регламентированную соответственно внутригосударственным и международным правом), полагаем, что в условиях информационного общества неизбежно обособятся еще две взаимодействующие подсистемы правовой деятельности. Таковыми будут выступать информационно-правовая деятельность (во всех ее существующих на сегодняшний день модификациях и тех, появление которых даже трудно предположить) и иная правовая деятельность, обслуживаемая первой³.

Продолжая исследование информационно-правовой деятельности с позиций выделения основных магистральных направлений в структуре правовой деятельности, и здесь можно усмотреть ее всепроникаемость и глобальность. Полагаем, что информационно-правовая деятельность может иметь место как составная часть в любой из различаемых при этом разновидностей правовой деятельности. Именно с таких широких позиций в юридической литературе относятся к вопросам информатизации всей правовой системы, охватывая не только нормотворческий процесс, но и процессы правоприменения.

¹ Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломат. вестник. 2000. № 8.

² См.: Кудряшов С. М. Действие общих принципов международного права в информационной сфере // Право и политика. 2001. № 6; Сафолина М. Н. Информационное общество: к вопросу об отдельных аспектах изменения теоретико-правовых подходов к правовому регулированию общественных отношений // Гос-во и право. 2006. № 4. С. 83.

³ Из этого предположения вытекает то, что формирующееся информационное право претендует на более высокий статус, чем отрасль права. Справедливости ради надо заметить, что идею относительно «особого» положения информационного права в системе права уже давно высказывают специалисты в этой области (см.: Бачило И. Л. Информационное право: основы практической информатики: учеб. пособие. М., 2001. С. 23–24; Право и информатизация общества. М., 2002. С. 40, 176–177; Голоскоков Л. В. Правовые доктрины: от древнего мира до информационной эпохи. М., 2003. С. 172, и др.).

менения, правоисполнения, формирования и оценки уровня правосознания и правоповедения¹. В частности, в системе прикладных юридических наук в последнее время успешно развивается правовая информатика, в рамках которой разрабатываются научные проблемы информатизации правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, правовые аспекты информационной безопасности, электронного документооборота, роль сети Интернет в юридической деятельности².

Означает ли это, что информационно-правовая деятельность, играя в целом «обслуживающую роль», не должна рассматриваться в качестве самостоятельного направления правовой деятельности и лишь в совокупности с другими собственно-правовыми видами способна быть юстициабельной и породить юридически значимые последствия?

В аспекте различения в структуре информационно-правовой деятельности правовых, организационных и идеолого-психологических способов можно указать на явное преобладание организационных и идеолого-психологических. В целом можно даже заметить ее некий дополнительный, вспомогательно-посреднический характер. Оценка важности и значимости информационно-правовой деятельности в отрыве от той прикладной роли, которую она обеспечивает в рамках правовой системы совместно с другими направлениями правовой деятельности, лишает ее содержательной ценности. На это прямо или опосредованно указывают многие специалисты в области информационного права. Например, рассматривая возможности Интернета в правовой сфере, А. В. Морозов обосновывает идею о том, что Интернет позволяет решать проблемы транснациональной передачи данных и сокращает до минимума время, требуемое для представления правовой и иной информации. Внедрение интернет-технологий в правовую систему позволит обеспечить доступ к информационным ресурсам максимальному количеству заинтересованных пользователей (субъектов права), независимо от того, является ли пользователь органом государства, коммерческой организацией или физическим лицом. Это положение важно в контексте реализации прав и свобод человека и гражданина, сформулированных в Декларации прав и свобод человека и гражданина³.

Только с учетом соотношенности включаемых в содержание информационно-правовой деятельности организационных и воспитательных мер с правовыми действиями всех субъектов, взаимодействующих в рамках правовой системы, можно правильно оценить некоторые спорные проблемы современной юридической теории и практики. Так, отвечая на вопрос, является ли Интернет субъектом права нового типа или нет, Д. С. Пушкин пояснил, что вступающие в правоотношения в среде Интернета субъекты самостоятельно осуществляют свои права и несут обязанности и нет необходимости объединять их в такой «множественный субъект». Среда Интернета как суперкомпьютерная сеть, как он пишет в своей работе, не создает новых

¹ См.: *Бачило И. Л.* Глобальная информатизация и право // Факт: Информационно-аналитический журнал. 2000. № 5. Режим доступа: <http://www.fact.ru/www/arhiv5s81.htm>. Загл. с экрана.

² См., напр.: *Чубукова С. Г., Элькин В. Д.* Основы правовой информатики. М., 2004.

³ См.: *Морозов А. В.* Система правовой информатизации Минюста России. М., 1999. С. 348–364.

объектов и товаров, а лишь предоставляет возможность для их создания, размещения и доступа к ним пользователей сети¹. Большинство российских ученых-юристов пришли к выводу, что при определении понятия «Интернет» необходимо отойти от его технической первоосновы. Так, И. М. Рассолов говорит, что Интернет и другие информационно-телекоммуникационные сети образуют кибернетическое пространство². Не случайно в современном правоведении именно такое представление о сети Интернет, закономерно-стях ее построения и управления, а юридическое определение «Интернет» как кибернетического пространства могло бы решить проблему описания его правовой сущности³.

Очень важный вопрос поднимает в своем исследовании Т. А. Полякова, которая пишет о том, что информация играет не только положительную социальную роль, но и является опасным средством воздействия на личность. В связи с этим возникает проблема информационно-психологического воздействия на здоровье, сознание и поведение человека, которая требует своего правового решения. Думается, что с рассматриваемыми особенностями информационно-правовой деятельности связано использование при обеспечении информационной безопасности значительного объема методов поощрительного и рекомендательного характера⁴.

Становится очевидным, что информационно-правовая деятельность может рассматриваться как самостоятельный вид правовой деятельности только в своей сопоставимости с остальной, традиционной правовой деятельностью, осуществляемой в современном российском обществе. В связи с расширением ее диапазона появились новые профессии и усложнились требования к специалистам, работающим в данной области. Программисты, системщики разных профилей, информационные посредники с различной специализацией в системах и сетях: операторы, эксперты, аналитики, блогеры. Одновременно формируются экспертные и аналитические информационные службы, ориентированные на подготовку проектов решений, стратегий и прогнозов. Появились специализированные информационные фирмы, компании, центры, советы и иные образования в государственном и частном секторах деловых и экономических, политических, культурно-просветительских структур. Как видим, в ее состав должна включаться не только специальная и специализированная, но и информационная деятельность общего характера. Что же касается ее общей направленности на обслуживание потребностей остальной правовой деятельности, то вряд ли это может послужить основанием для отрицания ее самостоятельности. Как известно, процессуально-правовая

¹ См.: *Пушкин Д. С.* Интернет и противоправные деяния (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10.

² *Рассолов И. М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2009. 384 с.

³ См.: *Актуальные проблемы права: учебник / под ред. Р. В. Шагиевой.* М.: Норма; Инфра-М, 2016. С. 443.

⁴ См.: *Полякова Т. А.* Теоретико-правовой анализ законодательства в области обеспечения информационной безопасности РФ. М., 2002. С. 4.

деятельность направлена на обслуживание материально-правовой, что не является препятствием для ее выделения в качестве самостоятельной разновидности. К тому же, настаивая на широком (с точки зрения охвата как организационных, воспитательных, так и собственно порождающих правовые последствия волеизъявлений) понимании правовой деятельности в целом, мы оказываемся в состоянии охватить понятием «информационно-правовая деятельность» все ее многообразные проявления и модификации в формирующемся информационном обществе России.

Итак, информационно-правовая деятельность должна нами анализироваться как совокупность всех действий и операций субъектов, специально предпринимаемых в целях организации удовлетворения их разнообразных информационных потребностей способом, юридически значимым с точки зрения всех источников информационного права.

§7. Юридическая ответственность за нарушения информационного законодательства

За нарушения информационного законодательства установлены меры публичной, частноправовой и корпоративной ответственности.

Меры юридической ответственности дифференцируются в зависимости от существа информационного правонарушения. При совершении проступка применяются меры административной ответственности, установленные КоАП РФ и законодательством об административных правонарушениях субъектов Федерации.

Совершение информационных правонарушений, влекущих значительную общественную опасность, квалифицируется как преступление в соответствии с УК и уголовно-процессуальным законодательством.

Цивилистические правонарушения представляют собой наиболее распространенный вид противоправных деяний.

Частноправовая (цивилистическая) ответственность обусловлена неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Применительно к информационному законодательству цивилистическое обязательство предусматривает оказание услуг или выполнение работ.

Цивилистическая ответственность отличается от публичной ответственности особенностями квалификации вины. Совершение виновного правонарушения по общему правилу обязательственного права является необходимой предпосылкой квалификации вины, за исключением обязательств, обусловленных неосновательным обогащением, а также в тех случаях, когда федеральным законом или гражданско-правовым договором прямо предусмотрено объективное вменение (см. ч. 1 ст. 401, п. 2 ст. 1102 ГК). Избирательные правила квалификации вины установлены применительно к обязательствам вследствие причинения вреда. В отношении таких обязательств объективное вменение допускается только в случаях, прямо предусмотренных цивилистическим предписанием федерального закона, но не договором, как это установлено общими правилами обязательствен-

ного права (ср. абз. 1 п. 1 ст. 401 и п. 2 ст. 1064 ГК). Объективное вменение правонарушения предусмотрено в отношении отдельных из рассматриваемых обязательств, например, применительно к возмещению вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги (см. абз. 1 ст. 1095 ГК). При квалификации правонарушения, обусловленного неосновательным обогащением, не принимаются во внимание психологические критерии вины физического лица, применительно к ним не учитывается волевая, целенаправленная направленность вредоносных действий (см. п. 2 ст. 1102 ГК), что свидетельствует и о применении квалифицирующих признаков объективного вменения также и в этих случаях.

В отличие от публичных деликтных отношений квалификация виновного гражданского правонарушения несовместима с атрибутами презумпции невиновности, во всяком случае с основным из них, а именно — с возложением на публичных должностных лиц бремени доказывания вины. Общие правила обязательственного права возлагают на лицо, подозреваемое в совершении деликта, подтверждение своей невиновности (см. п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064, п. 1–3 ст. 1073, п. 1 ст. 1076, п. 2 ст. 1079 ГК).

Для гражданских правонарушений характерны присущие только им атрибуты квалификации индивидуальной и корпоративной вины.

Квалификация признаков виновного деяния физического лица сопряжена с установлением психологических критериев вины в виде умысла и неосторожности (абз. 1 п. 1 ст. 401 ГК). Однако в отличие от аналогичных публично-правовых критериев индивидуальной вины они не рассматриваются в качестве основополагающего правового института, во всяком случае дефиниции умысла и неосторожности отсутствуют, что означает квалификацию вины исключительно по усмотрению судьи¹.

В отличие от публичных правонарушений при установлении критериев неосторожного деликта учитываются квалифицирующие признаки так называемой «грубой неосторожности» (п. 4 ст. 227, п. 1 ст. 693, ст. 697, п. 1, 2 ст. 901, абз. 2 п. 1 ст. 963, п. 2 ст. 1083, п. 2 ст. 1104 ГК). Применительно к психологическим критериям вины, определенным п. 1 ст. 401 ГК, атрибуты неосторожного деяния отождествляются ГК именно с признаками «грубой неосторожности». Квалификация этой формы вины сопряжена с установлением противоправных действий физического лица, пренебрежительно относящегося как к самому асоциальному действию, так и к его особо вредоносным последствиям, обусловленным причинением реального или потенциального имущественного ущерба, физического (телесного), морального или репутационного вреда.

Признаки «грубой неосторожности» устанавливаются судьей применительно к конкретному гражданскому деликту и свидетельствуют об особой общественной опасности правонарушения, посягающего на значимые частноправовые и публичные имущественные интересы.

¹ И это, разумеется, снижает действенность правовой защиты законных прав и интересов физического лица, подозреваемого в совершении деликта.

Гражданско-правовой ответственности присуща особая избирательность форм индивидуальной вины. Квалификация неосторожного деяния с признаками «грубой неосторожности» применительно к цивилистической ответственности достаточно распространена, что особенно очевидно в сравнении с административной ответственностью¹, которая, как известно, не индивидуализирует форм неосторожной вины, в отличие от уголовной ответственности с ее строгой формализацией атрибутов неосторожного деяния (ср. ч. 2 ст. 2.2 КоАП РФ и ч. 1, 2 ст. 26 УК). Во многих случаях установление признаков деликта сопряжено только с выявлением вины в форме умысла (см. ст. 169, п. 2 ст. 406, п. 1 ст. 578, п. 4 ст. 720, ст. 948, п. 3 ст. 962, п. 1 ст. 963, п. 1 ст. 965, п. 3 ст. 1083, п. 4 ст. 1090, ст. 1108, п. 1 ст. 1117 ГК) или, как это было показано выше, в форме «грубой неосторожности».

В отличие от гражданско-правовых деликтов и административных проступков установление квалифицирующих признаков деяний, совершенных по легкомыслию или небрежности, в тех случаях, когда выявление признаков неосторожного преступления является необходимой предпосылкой для его квалификации, представляет собой обыденное явление уголовно-процессуальной практики.

Подобная формализация психологических критериев вины в форме умысла и неосторожности сочетается в цивилистике с достаточно редкими предписаниями, устанавливающими обязательную квалификацию индивидуальной или корпоративной вины. Общая ответственность организаций и физических лиц при условии выявления признаков виновного деяния установлена только ст. 538 и п. 1 ст. 12531 ГК, в остальных случаях обязательная квалификация деликта регламентирована избирательно, применительно к деяниям, совершенным юридическими лицами (п. 2 ст. 547 и ст. 1253) или публичными физическими лицами (п. 2 ст. 1070 и п. 3 ст. 1081 ГК).

Презумпция объективного вменения деликта представляет собой исключительное явление, присущее только цивилистической ответственности. Констатация объективного вменения гражданского правонарушения независимо от установления признаков вины предусмотрена п. 2 ст. 404, п. 2 ст. 1064, п. 1 ст. 1070, абз. 3 п. 2 ст. 1083, абз. 1 ст. 1095, ст. 1100, абз. 3 п. 3, п. 4 ст. 1250 ГК). Правила объективного вменения применяются как к индивидуальным, так и к корпоративным деликтам, причем в отношении отдельных цивилистических деликтов квалификация правонарушения независимо от вины не исключает исполнение нарушителем обязанностей, обусловленных минимизацией причиненного им имущественного ущерба, морального или репутационного вреда (см. п. 5 ст. 1250 ГК). В отличие от гражданско-правовой ответственности установление дополнительных

¹ Прямое указание в КоАП на неосторожную вину как необходимый квалифицирующий признак проступка представляют собой достаточно редкое явление и предусмотрено главным образом при совершении правонарушений в сфере транспортной деятельности, а также при нарушениях ПДД (см. ч. 2 ст. 715, ст. 910, ч. 1, 2 ст. 11.5, ч. 1 ст. 11.151, ч. 1 ст. 11.152, ч. 2 ст. 11.152, ч. 2 ст. 12.30, ч. 1 ст. 19.79 и ст. 19.16 КоАП).

обременений при совершении публичного правонарушения, в том числе и исполнения обязанностей, обусловленных фактом его совершения, возможно только в отношении виновного деяния (см. п. 4 ст. 4.1 КоАП РФ).

Правила избирательного применения признаков и форм виновного деяния в зависимости от существа информационного правонарушения применяются также при квалификации взаимного (обоюдного) правонарушения, в случаях, когда его возникновение обусловлено обеими сторонами деликтного отношения (см. п. 1, 2 ст. 404 ГК). Указанные квалифицирующие признаки свойственны только правонарушениям обязательственного права и не применяются к публичным правонарушениям.

Применительно к корпоративному деянию установлены субъективные критерии вины, согласно которым юридическое лицо, подозреваемое в совершении деликта, обязано привести факты и обстоятельства, свидетельствующие о том, что им были приняты все меры для надлежащего соблюдения обязательства (см. абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК)¹.

Надлежащее исполнение цивилистических прав и обязанностей в этих случаях сопряжено с точным соблюдением гражданско-правовых предписаний, пренебрежение которыми организацией квалифицируется в качестве правонарушения, что свидетельствует о тождестве субъективных критериев корпоративной вины, установленных ГК и КоАП РФ (ср. абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК и ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ).

Гражданское право устанавливает особые правила регламентации применительно к публичным и частноправовым корпоративным правонарушениям. Прежде всего различаются правонарушения публичного органа и публичной организации. Цивилистические правонарушения, совершенные федеральным органом исполнительной власти, подлежат возмещению за счет казны РФ (см. п. 9 ст. 81, п. 7 ст. 51 ГК). Различия деликтов, совершенных публичной организацией, обусловлено существом правонарушения и значимостью причиненного им имущественного ущерба, морального, репутационного вреда (см. п. 2, 3 ст. 1073, абз. 2 п. 2 ст. 1074 ГК). Во всяком случае, негативные последствия публичного корпоративного правонарушения более значимы и превышают размер имущественного ущерба, морального, репутационного вреда при совершении деликта частноправовой организацией (см. абз. 3 п. 3 ст. 673 ГК).

Совершение информационного правонарушения государственным органом или организацией в указанных случаях влечет за собой возмещение имущественного ущерба или компенсацию морального, репутационного вреда в соответствии с правилами, установленными административным законодательством, поскольку цивилистические предписания не применяются к публичным имущественным отношениям, обусловленным виновным правонарушением, совершенным органом исполнительной власти или публичной организацией (п. 3 ст. 2 ГК). Иные правовые последствия влекут

¹ В данном случае очевидны реминисценции с субъективными критериями корпоративной вины, установленными ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ.

за собой виновные гражданские правонарушения, совершенные частноправовой организацией, ущерб в этих случаях возмещается за счет корпоративного имущества (см. абз. 3 п. 3 ст. 673 ГК). Подобные деликтные имущественные отношения не имеют публично-правовой основы, их возникновение не обусловлено властной соподчиненностью их участников и в этих случаях применяются гражданско-правовые предписания.

Свои особенности присущи также квалификации информационного правонарушения, совершенного частноправовым и публичным физическим лицом. Вредоносность деликтов, совершенных должностным лицом частного или публичного права (см. соответственно абз. 1 п. 1, п. 3 ст. 531, п. 1 ст. 1070, ч. 3 ст. 1081 и п. 1 ст. 531 ГК), несоизмерима с негативными последствиями деяния физического лица, не наделенного полномочиями должностного лица (см. п. 3 ст. 28, п. 3 ст. 230 ГК). Подтверждение судом статуса должностного лица и установление причинно-следственной связи совершенного им деликта с неисполнением возложенных на него обязанностей представляет собой важный атрибут квалификации вины должностного лица.

Применительно к другим признакам, необходимым для квалификации вины, следует особо отметить установление судом юридических фактов, свидетельствующих о наличии юридически значимых обстоятельств непреодолимой силы, крайней необходимости и необходимой обороны. Вышеуказанные обстоятельства избирательно учитываются и в юрисдикционных действиях, связанных с квалификацией проступков и преступлений.

Обстоятельства непреодолимой силы следует рассматривать в качестве переменного признака, наличие таких обстоятельств несовместимо с квалификацией вины, либо оно не влияет на такую квалификацию в случаях, когда это предусмотрено федеральным законом или договором (см. п. 3 ст. 401 ГК), или применительно к нарушениям интеллектуальных прав, непосредственно ГК (см. абз. 3 п. 3 ст. 1250 ГК). Об избирательности применения фактов и обстоятельств непреодолимой силы при квалификации административных правонарушений свидетельствует и КоАП РФ, во всяком случае судья или юрисдикционный орган обязан учитывать наличие таких обстоятельств в процессе публичного доказывания вины, а также на стадии назначения административного наказания (см. ч. 2, 3 ст. 4.1, ч. 2, 3 ст. 4.2 КоАП РФ). Наличие таких обстоятельств имеет важное процессуальное значение при квалификации корпоративной вины, обусловленность проступка обстоятельствами непреодолимой силы несовместима с его вменением в ответственность.

Совершение гражданского правонарушения в состоянии крайней необходимости по общему правилу свидетельствует об отсутствии вины, во всяком случае причинитель вреда, представивший факты и обстоятельства, свидетельствующие о его причинении в состоянии крайней необходимости, не возмещает вред, что свидетельствует о его невиновности (см. п. 2 ст. 1064 и ст. 1066 ГК).

Совершение проступка в состоянии необходимой обороны может учитываться судьей в качестве обстоятельства, смягчающего административную

ответственность, при этом не имеет никакого значения тот факт, что статус необходимой обороны КоАП не установлен¹. Судья или юрисдикционный орган при возникновении таких обстоятельств могут использовать квалификацию таких обстоятельств ГК в качестве правоустанавливающего факта (см. п. 2 ст. 4.2 КоАП РФ).

Причинение вреда в состоянии крайней необходимости влечет за собой различные публичные и частноправовые последствия. Отсутствие признаков виновного деликтного деяния, совершенного в состоянии крайней необходимости, не влияет на возмещение вреда. Причинитель вреда обязан его возместить даже в тех случаях, когда он устранил опасность, угрожающую ему самому или третьим лицам. Позитивные действия причинителя вреда, защищающего правоохраняемые публичные и частноправовые интересы, не влияют на существо деликтного отношения, несмотря на то, что такие действия не рассматриваются КоАП в качестве противоправных (ср. абз. 1 ст. 1087 ГК и ст. 2.7 КоАП).

При квалификации гражданского правонарушения принимается во внимание не только юридически формализованное деяние, но и правила делового обихода, моральные, нравственные правила, нарушение которых влечет за собой установление правоограничений или иные юридически значимые последствия. Нарушение «нравственных принципов общества» в соответствии с абз. 2 п. 3 ст. 1084 ГК влечет за собой отказ в возмещении вреда, причиненного правомерными действиями. Публичное право устанавливает юридически значимые атрибуты «правомерных действий», в случае, если такие действия сопряжены с реальным или потенциальным причинением вреда, они квалифицируются как противоправные. Цивилистическое законодательство различает публичные деликты, возникновение которых обусловлено правомерными и противоправными действиями органов государственной власти, муниципальных органов или их должностных лиц (см. ст. 16, 161, абз. 1 п. 3 ст. 1064, 1069 ГК).

Любые действия должностных лиц органов исполнительной власти, правоохранительных органов юридически формализованы в законах и подзаконных (в том числе ведомственных) нормативных правовых актах. Основное предназначение публичного и, прежде всего, административного законодательства заключено в создании надлежащих средств юридической защиты частноправовых лиц от властного произвола. Публичное должностное лицо вправе принимать юридически значимые действия только в тех случаях, когда они прогностически обоснованы и негативные последствия наступать не могут, в противном случае должностное лицо обязано воздержаться от осуществления потенциально вредоносных действий. Применение мер пресечения, административных наказаний и иных публичных санкций возможно

¹ Лицо, совершившее правонарушение в состоянии необходимой обороны, в соответствии со ст. 19 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, не привлекалось к административной ответственности, что, во всяком случае, свидетельствует о значимости учета соответствующих фактов и обстоятельств также и применительно к юрисдикционным действиям, установленным КоАП РФ.

только на основе предшествующей аналитической оценки неблагоприятных возможностей их применения. Таким образом, единственным критерием позитивной или негативной властной деятельности является ее реальная или потенциальная вредоносность, такую деятельность невозможно оценивать на основе абстрактных критериев «правомерности» и «противоправности» в тех случаях, когда действия публичных должностных лиц могут повлечь за собой причинение имущественного ущерба, телесного (физического), репутационного или морального вреда.

Основной критерий «правомерности» действий физического лица заключен в их «разумности и добросовестности» (ср. п. 3 ст. 53, абз. 2 п. 1, п. 2, 3, 5 ст. 531 ГК). Понятия, заимствованные цивилистическим законодательством из свода моральных и нравственных предписаний, зиждутся на традициях правил делового обихода, присущих русскому гражданскому праву имперского периода развития, и ныне используются избирательно применительно к существу и предназначению конкретного отношения. Подтверждение «недобросовестных и неразумных» действий имеют важное значение для квалификации вины частнопроводного должностного лица. Как правило, эти нравственные понятия фиксируются в их взаимосвязи, однако имеются примеры и их изолированного применения, в тех случаях, когда существо правонарушения характеризуют только «недобросовестные» или «неразумные» действия нарушителя, рассматриваемые в деликтном единстве с «несправедливыми» действиями (ср. абз. 1 п. 5 ст. 531, абз. 1 п. 2 ст. 1101 ГК).

Нравственная терминология гражданского законодательства модернизируется применительно к понятиям и определениям, заимствованным из политико-правового обихода и не имеющим ничего общего с традициями имперского гражданского права. Особую значимость для квалификации деликта имеет выявление противоправных признаков, посягающих на «нравственные принципы общества» и «противоречащих общественным интересам» (см. соответственно п. 3 ст. 1064 и абз. 2 п. 2 ст. 1065 ГК).

Общественно-политические термины и определения используются применительно к признакам корпоративного правонарушения, совершенного частнопроводной организацией, в отличие от них понятия, заимствованные из свода нравственных цивилистических правил, характеризуют противоправную деятельность непубличных должностных лиц.

Использование нравственных и общественно-политических терминов и определений в правоприменительной, в том числе и юрисдикционной, деятельности сопряжено с объективными трудностями в силу их неконкретности и юридической бессодержательности. Формализованные требования, выражающие существо и предназначение терминов и определений в регламентации административного и иного публичного отношения, присущи исключительно публичной законотворческой деятельности и не используются применительно к гражданскому законодательству со свойственным ему заимствованием публичного понятийного аппарата. В отличие от дефиниций, характеризующих публичные имущественные отношения

(см. ст. 242, 243 ГК), термины и определения деликтного права презюмируются применительно к соответствующим публично-правовым определениям (см. п. 1 ст. 401, ст. 1066 ГК) либо, применительно к дефинициям корпоративной вины и грубой неосторожности, отсутствуют вовсе.

Термины и определения деликтного права в вышеуказанных случаях механически воспроизводят соответствующие публично-правовые определения, вуалируя тем самым адаптивность их применения в процессе регламентации конкретного деликтного отношения.

Глава 2

СУБЪЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

§ 1. Понятия и виды субъектов информационных правоотношений

Сегодня в связи с появлением в законодательстве большого количества новых субъектов информационных правоотношений (организатор распространения информации, блогер, информационный посредник, владелец поисковой системы и др.) имеется потребность в уточнении понятия субъекта информационного правоотношения и их классификации, в анализе содержания информационной правоспособности и дееспособности субъектов права, в развитии общетеоретических положений о системной организации субъектов правовой жизни, их функциональной характеристике и взаимосвязи.

В целях формирования общетеоретической концепции субъектов информационных правоотношений необходимо определить общие закономерности их становления и правового закрепления в действующем законодательстве, а также рассмотреть качественное изменение объема правовых возможностей субъектов в современных условиях информационного общества.

Именно по этой причине весьма значимым представляется исследование наиболее общих тенденций формирования основ правового статуса новых субъектов российского информационного права — обладателя информации, информационного посредника и др.

Вместе с тем, в свете дальнейшего развития информационного общества, требуется переосмысление вопросов правового оформления положения традиционных субъектов правоотношений, включая само государство, органы государственной власти, субъекты РФ, муниципальные образования, хозяйствующих субъектов и, юридических и физических лиц.

Раскрывая понятие субъекта правоотношения, невозможно обойти стороной существующую дискуссию по вопросу соотношения понятий «субъект права» и «субъект правоотношения»

В отечественной юридической науке проблема субъектов права развивается как в рамках общей теории государства и права, так и на уровне отраслевых наук.

Субъект права как теоретико-правовая категория является многоаспектным явлением. В известной работе «Субъект права: теоретическое исследование» ее автор, С. И. Архипов, рассматривает его с разных сторон: в качестве лица (юридической внешности); правовой воли; совокупности правовых

связей, правовых отношений; как правовое сознание; как правового деятеля; в качестве социально-правовой ценности; как правосубъектность¹.

При этом все выделенные аспекты до конца не исчерпывают понятия субъекта права. В специальной литературе субъект права также рассматривается, например, в качестве субъекта правонарушения, в качестве стороны, участника правового процесса, как носитель (субъект) правовой культуры и т. д. Исследование различных аспектов научной трактовки субъектов права приводит к выводу о том, что они, находясь в процессе непрекращающегося социального развития, способны постоянно приобретать новые качества, поэтому всегда существует возможность выделения новых аспектов их теоретического понимания.

В последнее время большинство правоведов считает недопустимым отождествление понятий субъекта права и субъекта правоотношения. Несмотря на их видимое сходство и безусловную органическую взаимосвязь, их не следует признавать в качестве равнозначных².

Разграничивая понятия субъекта права и субъекта правоотношения, в юридической науке выделяются три основных признака различия между субъектом права и субъектом правоотношения:

а) субъект правоотношения является динамической категорией, поскольку через правоотношение субъект права реализует свои субъективные права и юридические обязанности. Субъект правоотношения — это субъект права, но только ставший участником правоотношения, деятельно реализующий только часть из целого ряда своих прав и обязанностей, которыми он, будучи субъектом права, потенциально обладает;

б) субъект права как категория выступает абстракцией более высокого порядка, а понятие «субъект правоотношения», как правило, имеет более конкретизированный характер;

в) круг субъектов правоотношения по объему не совпадает с кругом субъектов права³.

При этом субъект конкретного правоотношения обладает рядом признаков, позволяющих отграничить его от абстрактного субъекта права.

Во-первых, к числу таких свойств, признаков следует отнести свойство обособленности лица. Субъекту конкретного правоотношения необходимо иметь нормативно-установленную форму.

Во-вторых, субъект должен обладать признаком индивидуализации, таким как обозначение, наименование субъекта права для целей его участия в правовых отношениях. Без этого невозможны ни договорные отношения, ни отношения собственности, ни само закрепление за ним субъективных прав и юридических обязанностей, осуществление полномочий и т. д. Кроме

¹ См.: *Архипов С. И.* Субъекты права: теоретическое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 469 с.

² См.: *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 504–505; *Мальцев Г. В.* Социалистическое право и свобода личности (Теоретические вопросы). М., 1968. С. 33–34.

³ См.: *Кистенев К. И.* Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 16.

индивидуализации самих лиц, правом также предусматривается возможность индивидуализации производимых ими товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг. В частности, устанавливаются правила маркировки товаров, использования товарных знаков, их регистрации.

В-третьих, субъект права должен иметь способность и возможность волеизъявления. Это означает, что он должен понимать характер и последствия совершенных им деяний и нести ответственность за них, т. е. обладать правосубъектностью.

Отличительной особенностью субъектов информационных отношений является информационная деятельность.

Категория «информационная деятельность» является сравнительно новым понятием. Она как разновидность социальной деятельности представляет собой одну из фундаментальных категорий информационной правовой науки.

Так, И. Л. Бачило, рассматривая информационную деятельность как основу правоотношений в информационной сфере, выделяет три вида такой деятельности: общую, специальную и специализированную¹.

Под информационной деятельностью общего характера автор понимает деятельность в качестве пользователя общедоступной информации и средств информатизации, которая свойственна всем категориям субъектов. Общая информационная деятельность реализуется в процессе осуществления субъектами их прав на информацию через действующие информационные системы и информационно-коммуникационные технологии национального (государственного) уровня.

Специальная информационная деятельность осуществляется органами, организациями и профессионально ориентированными работниками, которые решают задачи в области управления, производства, массовой информации, обеспечивают консультативную, экспертную, аналитическую работу для неограниченного числа пользователей. Специальная информационная деятельность связана с осуществлением служебной работы в рамках государственных органов и органов местного самоуправления и ограничена правовым статусом каждого субъекта.

Специализированная информационная деятельность охватывает такую деятельность, в результате которой решаются задачи по формированию и использованию информационных ресурсов, информационных технологий и коммуникаций, создается инфраструктура определенных информационных систем, реализуется рынок в области информационно-коммуникационных технологий, обеспечивается информационная безопасность и т. п. Специализированная информационная деятельность обеспечивает создание технологической, технической информационной продукции, обеспечивает их рынок, формирует рынок информационных и технологических заслуг на базе функционирующей информационной инфраструктуры.

Далее И. Л. Бачило определяет **информационную деятельность** как *профессиональную* деятельность в области создания, сбора, поиска, накопления,

¹ См.: Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов / И. Л. Бачило. М.: Высшее образование; Юрайт-издат, 2009. С. 72–73.

обработки, хранения, распространения, предоставления и представления, охраны и защиты информационных ресурсов, информационных технологий использования средств связи, осуществляемую в рамках правового статуса субъекта.

Очевидно, что данная дефиниция, привязанная исключительно к профессиональной деятельности, сразу исключает из анализируемого понятия выделенный ранее автором общий вид, в рамках которого любой пользователь реализует свой интерес в общедоступной информации и средств информатизации.

В самом широком понимании информационная деятельность рассматривается как деятельность, обеспечивающая сбор, обработку, хранение, поиск и распространение информации, а также формирование информационного ресурса и организацию доступа к нему¹.

Таким образом, *под субъектом информационного правоотношения признается участник конкретных информационных отношений, обладающий правосубъектностью, которому информационно-правовыми нормами предписано действовать (поступать) определенным образом или воздержаться от конкретных действий с целью осуществления незапрещенной законом информационной деятельности.*

Очевидно, что все виды информационной деятельности осуществляются как частными лицами, так и государством и муниципальными образованиями. Иными словами, обобщающая категория «информационная деятельность» складывается из 1) публичной информационной деятельности и 2) информационной деятельности частных субъектов.

По «степени заинтересованности» при осуществлении публичной информационной деятельности, которая характеризует волевой аспект действий (бездействия) субъекта информационных правоотношений, а также соотношение публичных и частных интересов, применение одними в отношении других субъектов принудительных мер воздействия позволяет разделить все многообразие субъектов информационных правоотношений на следующие виды:

- 1) публичные субъекты (публичные образования);
- 2) коллективные субъекты, которые в свою очередь представлены:
 - а) субъектами, осуществляющими властные полномочия,
 - б) субъектами, не связанными с властными полномочиями;
- 3) «индивидуальные субъекты».

Субъекты информационного правоотношения могут прилагать определенные усилия для достижения позитивного интереса, используя правомерные средства и методы.

По этому же основанию их можно разделить на: 1) активных и 2) пассивных участников информационных правоотношений.

Для информационно-правовой науки важно, что частная информационная деятельность имеет двойственную природу, так как, с одной стороны,

¹ См., например: Тихомиров В. П. Введение в информационный бизнес / В. П. Тихомиров, О. В. Голосов, С. А. Охрименко и др. / под ред. В. П. Тихомирова, А. В. Хорошилова. М.: Финансы и статистика, 1996.

регулируется нормами информационного права, а, с другой, — нормами других отраслей, в частности гражданского права.

По объему информационных прав можно выделить следующие субъекты информационных правоотношений:

— *производители информации* — лица, которые обладают всеми полномочиями в отношении создаваемых ими информационных продуктов;

— *обладатели информации* — лица, самостоятельно создавшие информацию либо получившие на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации (ст. 2 Закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации»);

— *потребители (пользователи) информации* имеют право использовать информационные продукты в личных целях, обладают ограниченным правом на распространение информации. Это: граждане, организации, органы государства, органы местного самоуправления, общественные объединения, осуществляющие поиск информации (ст. 1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ¹);

— *информационные посредники* оказывают информационные и иные услуги другим субъектам по специальным договорам (операторы связи, сервис-провайдеры и др.);

— *органы надзора и контроля в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций* (имеют комплексную правосубъектность);

— *юрисдикционные органы* по рассмотрению информационных споров (вспомогательные органы).

Правовые статусы указанных субъектов подробнее будут рассмотрены далее.

§ 2. Информационная правосубъектность

Несмотря на наличие различных точек зрения на понимание субъекта права, законодатель по-прежнему подходит к определению субъекта права формально-юридически, т. е. через правосубъектность.

Правосубъектность выступает в качестве самостоятельной правовой категории, не поглощающей понятия «субъект права» и свидетельствующей о правовой способности субъекта иметь права и обязанности, быть их носителем на любой стадии проявления (приобретать, осуществлять, изменять или прекращать), а также отвечать за неправомерную реализацию и исполнение.

Утверждая общность правосубъектности как научной категории, большинство ученых признают, что правосубъектности как реальное правовое явление имеет отраслевой характер². При этом конкретизированный отраслевой характер правосубъектности выражается через правовой статус субъекта права.

¹ РГ. 2009. № 25. 13 февр.

² См.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук. М.: Норма, 2008. С. 194.

В настоящий момент в научной литературе различается общая, отраслевая и специальная правосубъектность.

Общая правосубъектность — это способность лица в рамках данной политической и правовой системы быть субъектом права вообще. Вопрос об общей правоспособности представляет собой социально-политический вопрос, признает ли право данных индивидов, организации, общественные образования субъектами права или нет.

В современном обществе не может быть людей, не наделенных общей правоспособностью. Это важнейшая предпосылка и неотъемлемый элемент политико-юридического и социального статуса личности. Правоспособность — не естественное, а общественно-правовое качество субъектов, носящее абсолютный, универсальный характер. Оно вытекает из международных пактов о правах человека, принципов гуманизма, свободы, справедливости. Обязанность каждого государства — должным образом гарантировать и защищать это качество. С правоспособностью связано появление еще не оформленной в смысле воли готовности лица к самостоятельному выполнению правовых функций. При этом воля правового лица может замещаться волей других субъектов права, действующих от его имени на основании закона (родителей, опекунов, попечителей и др.).

Анализируя проблемы теории субъектов права, С. И. Архипов делает вывод, что единство права, правовой коммуникации невозможно без общеправовых субъектов, без общеправовой правосубъектности, которая обогащается различными отраслевыми компонентами. Выделение отраслевой правосубъектности, на его взгляд, имеет условный характер, т. е. допустимо при том неперменном условии, что она рассматривается в качестве элемента общей правосубъектности, единой родовой связи лица с правопорядком. Как только данное условие игнорируется, забывается об этом допущении, то представления о субъекте права, а также о единой правовой коммуникации, общем правовом пространстве перестают отражать существующую правовую реальность¹.

Отраслевая правосубъектность — это способность лица быть участником правоотношений той или иной отрасли права. Очевидно, что тот или иной комплекс отраслевых прав и обязанностей лицо может иметь и осуществлять только в том случае, если оно способно сознательно понимать их содержание. Иными словами, социальной основой отраслевой правосубъектности является способность лица к определенным видам сознательной деятельности, которая зависит от совокупности его физических, интеллектуальных, психических и иных физиологических способностей и особенностей.

Кроме этого, при установлении правосубъектности государство учитывает не только способность к сознательной деятельности, но и экономические, политические, духовные, культурные и другие факторы.

Современное состояние разработанности проблемы информационной правосубъектности как вида отраслевой правосубъектности едва ли можно

¹ См.: *Архипов С. И.* Субъекты права (теоретическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 13–14.

признать удовлетворительным. Практически во всех учебниках по информационному праву о правосубъектности участников информационных отношений либо упоминается вскользь, либо не упоминается вовсе. Остановимся на содержании и особенности информационной правосубъектности более подробно.

Общая правосубъектность, а также правосубъектность в ряде отраслей права существует как единая праводеееспособность, одновременно охватывающая два момента: 1) возможность обладания правами и обязанностями и 2) возможность их самостоятельного осуществления.

В некоторых же других отраслях права (прежде всего в гражданском праве) правосубъектность как бы раздвигается на относительно обособленные структурные элементы — правоспособность и дееспособность.

Правоспособность — это признанная законом способность лица иметь юридические права, свободы, законные интересы и обязанности.

Дееспособность — это признанная законом способность лица самостоятельно (своими действиями) приобретать и осуществлять юридические права, свободы, законные интересы и обязанности для себя и в интересах других субъектов права.

Так, гражданское законодательство признает субъектами права не только лиц, которые одновременно обладают правоспособностью и дееспособностью, но и лиц, наделенных лишь правоспособностью (т. е. малолетних детей и душевнобольных).

Разъединение правоспособности и дееспособности объясняется природой гражданских субъективных прав. В случае разделения правоспособности и дееспособности правоспособностью обладает недееспособное лицо, а его дееспособностью (наряду с собственной правоспособностью) — другое лицо. Следовательно, признавая недееспособных лиц субъектами права, законодатель предполагает восполнение их дееспособности посредством законных представителей, причем полномочия последних — своеобразное право на осуществление правоспособности представляемого недееспособного лица¹.

В информационном праве категория правоспособности также имеет самостоятельное значение. Субъект информационных правоотношений может обладать правоспособностью, т. е. наличием определенных прав и обязанностей, но при этом может быть лишен дееспособности. При отсутствии у субъекта права дееспособности его может заменить другое лицо, обладающее дееспособностью (родители, опекуны и т. д.).

Информационная правосубъектность предполагает такие качества лица, которые в соответствии с действующим законодательством дают им право быть участниками (сторонами) информационных правоотношений.

На информационную правосубъектность влияют 3 группы факторов:

1) физические свойства личности (возраст — право на защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, право на конфиден-

¹ См.: *Зинченко С. А.* Юридические факты в механизме правового регулирования. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 35.

циальность информации о несовершеннолетнем участнике правонарушения; состояние здоровья — допуск к государственной тайне);

2) социально-демографические, морально-этические и мировоззренческие свойства личности (национальность — право на использование языка; вероисповедание — тайна вероисповедания);

3) применение мер государственного принуждения.

Для разных субъектов информационных правоотношений соотношение правоспособности и дееспособности различно.

Так, для государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц информационная правоспособность и дееспособность наступают одновременно, т. е. с момента образования и закрепления компетенции органа либо назначения должностного лица.

Информационная правоспособность и информационная дееспособность коллективных субъектов (организаций) также наступают одновременно.

В то же время у индивидов правоспособность и дееспособность не совпадают: информационная правоспособность наступает с момента рождения, дееспособность (частичная) — с 16 лет, а полная — с 18 лет.

Физические лица по своему правовому статусу подразделяются на 3 категории:

- а) граждане данного государства;
- б) иностранцы;
- в) лица без гражданства.

Информационная правоспособность граждан не может быть отчуждаема и передаваема. Ее объем определяется только законом. Для отдельных граждан эта правоспособность может быть временно ограничена в случаях и в порядке, определяемых законодательством, например, в связи с совершением уголовного или административного правонарушения, за которые закон предусматривает санкции в виде лишения свободы, лишения специальных прав и другие правовые ограничения¹.

Граждане могут воспользоваться принадлежащими им информационными правами и свободами с момента рождения. С любого возраста возможно осуществление конституционных прав: права искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; права на свободу мысли и слова; права на информацию о состоянии окружающей среды, права на свободу всех видов творчества; права на доступ к культурным ценностям.

При этом полная информационная дееспособность гражданина возникает по достижении 18-летнего возраста (доступ к государственной тайне).

Правоспособность и дееспособность субъектов информационных правоотношений — это юридические свойства, находящиеся в постоянной динамике. Они отражают закономерный процесс возрастания роли правового

¹ См.: Мигачев М. Ю. Административное право РФ. М.: Юрайт, 2014. С. 324.

регулирования информационных отношений на современном этапе развития информационного общества и государства.

Также в составе правосубъектности выделяют такой элемент, как деликтоспособность.

Под деликтоспособностью понимают признанную законом способность лица нести юридическую ответственность за совершенное правонарушение.

Однако не все ученые выделяют деликтоспособность как самостоятельный элемент правосубъектности. Так, С. С. Алексеев считает, что деликтоспособность представляет собой одну из сторон дееспособности. По его мнению, ответственность в конечном счете и есть один из видов несения юридических обязанностей¹.

Но в уголовном праве категория деликтоспособности имеет самостоятельное значение. В гражданском законодательстве также лица в возрасте от 14 до 18 лет признаются деликтоспособными, хотя они еще не приобрели полную дееспособность.

Деликтоспособность субъекта информационного правоотношения — это признаваемая информационным правом возможность нести юридическую ответственность за правонарушения в информационной сфере. Ее возникновение, так же как и возникновение дееспособности, связано с достижением гражданином определенного возраста.

Так, полностью деликтоспособными являются лица, обладающие полной дееспособностью. Согласно гражданскому законодательству несовершеннолетние могут нести на общих основаниях самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам и за причинение вреда только в двух случаях: при эмансипации, т. е. объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (ст. 27 ГК РФ); при вступлении в брак до достижения возраста 18 лет (ст. 21 ГК РФ). КоАП РФ определяет 16 лет как возраст, по достижении которого наступает административная ответственность. В уголовном праве ответственность за преступления наступает с 16 лет, а за наиболее тяжкие преступления — по достижении 14-летнего возраста.

В содержание информационной правосубъектности входят не сами конкретные информационные права и обязанности субъекта информационных правоотношений, а юридическая возможность (или способность) иметь эти права и нести обязанности, возникающие у субъекта информационного права тогда, когда он вступает в конкретные информационные правоотношения. Права и обязанности участников информационных правоотношений устанавливаются информационно-правовыми предписаниями, содержащимися в разнообразных источниках информационного права. Отсюда информационная правосубъектность как юридическая категория имеет относительно самостоятельный независимый характер. Она наполнена конкретным предметным содержанием и определяется границами установленной законодателем информационной сферы — сферой создания (производства), распространения и использования (потребления) информации.

¹ См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. С. 286.

Наличие прав предполагает, что субъекты могут:

- самостоятельно осуществлять предоставленные им правовые возможности;
- требовать от других участников информационных правоотношений соответствующего поведения;
- обращаться в компетентные государственные органы за защитой своих прав или за объективным рассмотрением и разрешением информационно-правового спора.

Установление законодателем обязанностей в информационной сфере означает, что субъект обязан:

- совершать определенные действия в пользу управомоченной стороны информационного правоотношения;
- не совершать информационные правонарушения.

Информационная правосубъектность выступает своеобразным правовым средством включения субъектов информационного права в сферу правового регулирования информационного законодательства и является обязательной предпосылкой информационно-правового статуса.

Таким образом специфические признаки информационной правосубъектности обусловлены предметом информационного права. Среди них можно выделить:

- а) информационную деятельность как сферу реализации информационной правосубъектности;
- б) относительную обособленность информационной правоспособности и информационной дееспособности;
- в) наличие возможности реализации специальных информационных прав и обязанностей субъектов правоотношений;
- г) возможность реализации государственно-принудительных мер субъектами информационных правоотношений, наделенных соответствующими полномочиями;
- д) юридические гарантии рассмотрения возникшего информационного спора в административном или судебном порядке.

Еще одним видом правосубъектности, выделяемым современной юридической наукой наряду с отраслевой правосубъектностью, является специальная правосубъектность.

Специальная правосубъектность — это способность лица быть участником лишь определенного круга правоотношений в рамках данной отрасли права.

Так, помимо общей отраслевой правосубъектности в информационном праве можно говорить об о правосубъектности совершеннолетних и несовершеннолетних с возможной градацией по возрастным порогам. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» устанавливает шесть возрастных групп и критерии для информационной продукции, доступ к которой может получить несовершеннолетний определенной возрастной группы.

Очевидно, что содержание информационной правосубъектности зависит от юридической природы субъекта, характера и целей его деятельности.

У конкретного лица возможности осуществлять права и исполнять обязанности носят ограниченный характер, т. е. оно может участвовать только в определенном круге информационных правоотношений. Так, информационная правосубъектность государства не может быть тождественна информационной правосубъектности гражданина.

Несмотря на то, что «между публичным и частным правом нет раз и навсегда установленной границы»¹, во многих отраслях права в составе отраслевой правосубъектности выделяют частную и публичную правосубъектность².

Такое деление применимо и к информационной правосубъектности.

Частная информационная правосубъектность представляет собой предусмотренную нормами информационного права способность субъекта, руководствуясь собственным интересом и подчиняясь в установленных случаях публичному интересу, выступать в качестве функционально подчиненной стороны в информационных правоотношениях. Частной информационной правосубъектностью обладают физические лица и организации, обязанные законом предоставлять информацию в государственные органы для формирования государственных информационных ресурсов, исполнения государственных функций и оказания государственных услуг и обеспечивать защиту информации, охраняемую в правовых режимах тайн.

Публичная информационная правосубъектность представляет собой способность и одновременно обязанность субъекта, руководствуясь публичными интересами и имеющими публичное значение частными интересами, выступать в качестве управомоченной стороны, обладающей властными полномочиями в информационной сфере. Носителями публичной информационной правосубъектности являются Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования, а также органы государственной и муниципальной власти.

Таким образом, информационная правосубъектность — это возможность участника правоотношений обладать правами и нести обязанности в информационной сфере осуществления незапрещенной законом информационной деятельности. Информационная правосубъектность является неотъемлемым качеством любого субъекта информационного права и характеризует его на протяжении всего функционирования (для публичных и коллективных субъектов) или на протяжении всей жизни (для индивидуальных субъектов).

Информационная правосубъектность обладает самостоятельностью, наполнена конкретным содержанием, границы которого установлены законодателем.

Информационную правосубъектность как способность вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю необходимо рассматривать в качестве обязательного условия (предпосылки) информационно-правового статуса.

¹ *Бельх В. С.* Теория хозяйственного права на современном этапе // Государство и право. 1995. № 11. С. 57.

² См.: *Виницкий Д. В.* Субъекты налогового права. М.: Норма, 2000. С. 18–19.

§ 3. Правовой статус субъекта информационного правоотношения

Одной из важнейших теоретических и практических задач информационного права является разработка информационно-правового статуса субъектов правоотношений. Анализ действующего законодательства позволяет выявить в правовом положении различных субъектов информационных правоотношений существующие пробелы, недостатки, противоречия (двойственность занимаемого положения субъекта, дублирование полномочий, несоответствие прав и обязанностей современному развитию общественных отношений и т. п.).

Понятие правового статуса является одним из ключевых в правовой науке. Правовой статус очерчивает границы возможного и необходимого поведения личности, определяет меру пользования конкретными материальными и духовными благами.

Содержанием правового статуса, по мнению ведущих теоретиков, является совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов, признаваемых и гарантируемых государством¹. В юридической доктрине выделяются общий статус, специальный и индивидуальные статусы, отраслевые статусы (например, конституционно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, административно-правовой) и межотраслевые статусы (например, эколого-правовой).

Сегодня в правовом статусе личности особое место занимает система информационных прав и обязанностей, что позволяет теоретически сформулировать конструкцию информационно-правового статуса личности.

По аналогии с вышеизложенным информационно-правовой статус можно определить как совокупность прав, свобод, правомерных интересов и обязанностей личности в информационной сфере, признаваемых и гарантируемых государством.

В таком подходе информационно-правовой статус личности выступает как общий (универсальный) и межотраслевой статус. Универсальность данного статуса означает, что общие права и обязанности, составляющие его содержание, распространяются на всех субъектов правоотношений без исключения. А межотраслевой характер статуса объясняется тем, что нормы, описывающие права и обязанности, составляющие содержание этого статуса, имеют самую разную отраслевую принадлежность. Это, к примеру, нормы гражданского (о праве интеллектуальной собственности, о свободе договора), нормы административного права (о взаимоотношении органов государственного управления и субъектов информационных процессов, например, в сфере информационной безопасности), нормы процессуального права (право на судебную защиту) и т. д.

Социально-правовую основу информационно-правового статуса личности составляет конституционный статус личности.

В соответствии с Конституцией РФ каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым за-

¹ См., например: *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 224.

конным способом (ч. 4 ст. 29), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), право на свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29), право на свободу массовой информации (ч. 5 ст. 29), право на информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42), право на свободу всех видов творчества и преподавания (ч. 1 ст. 44), право на доступ к культурным ценностям (ст. 44).

Конституционным правам корреспондируют обязанности, которые, прежде всего, закреплены в гарантиях прав и свобод человека (ч. 1 ст. 17) и обязанностях органов государственной власти и местного самоуправления для осуществления гарантированного права.

Информационно-правовой статус личности, соответствуя конституционному статусу, конкретизирует его.

В структуре права на информацию сегодня можно выделить право на доступ и получение открытой информации, право на конфиденциальность сведений, охраняемых в правовых режимах тайн, право на получение достоверной информации, право на передачу и распространение информации.

Праву на информацию корреспондирует обязанность обладателя информации ее предоставить. Существует достаточно обширный массив законодательных норм, в которых содержится указание на обязательность предоставления той или иной информации. Пределом обязательности требования о предоставлении информации также является факт отнесения той или иной информации к информации ограниченного доступа (государственной, коммерческой, профессиональной, личной тайне). Однако в случаях, предусмотренных законом, обладатель информации обязан предоставить и эту информацию. Причем в ряде случаев законом установлены требования к объему и содержанию предоставляемой информации. Кроме этого, в структуре обязанностей следует выделять обязанность субъектов по сохранению конфиденциальности информации ограниченного доступа и обязанность по защите информации.

Содержание универсального информационно-правового статуса должно конкретизироваться в специальных статусах субъектов информационной деятельности в виде дополнительных правовых возможностей. Например, при определении информационно-правового статуса обладателя информации, субъекта персональных данных или оператора.

Основные проблемы информационно-правового статуса личности связаны с недостаточной конкретизацией конституционного статуса и отсутствием правовых механизмов реализации.

Сегодня конституционное положение-принцип о свободе информации находит свое отражение и дальнейшее развитие в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Указанный федеральный закон регулирует три группы связанных между собой отношений, складывающихся при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применении информационных технологий и обеспечении защиты информации. В нем

нашли отражение вопросы, связанные с правом на доступ к информации, ограничением на доступ к информации, распространением и предоставлением информации, государственным регулированием отношений в сфере применения информационных технологий и информационно-телекоммуникационных систем, защитой информации.

Расширил содержание права на доступ к информации принятый не так давно Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», который регламентирует вопросы организации доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, в том числе размещаемой в сети Интернет. Закон устанавливает единый порядок предоставления государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности, определяет способы доступа к указанной информации, закрепляет процедуру подачи запроса о получении информации и ответа на него, устанавливает порядок контроля и надзора за соблюдением права граждан и организаций на доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

Однако в рассмотренных федеральных законах не нашли свое отражение многие вопросы относительно прав и обязанностей граждан, органов государственной власти и местного самоуправления, юридических лиц и общественных объединений в сфере использования своих прав на информацию и соблюдения обязанностей с точки зрения обеспечения безопасности государства, общества и личности. По мнению теоретиков информационного права, базовым информационным законом должен стать Федеральный закон «О праве на информацию».

И в части закрепления обязанностей информационно-правового статуса существует сегодня большое количество нерешенных вопросов.

Например, нерешенным остается вопрос о защите информации ограниченного доступа, предоставляемой в распоряжение органов государственной власти. Правовой режим служебной тайны определяется сегодня постановлением Правительства РФ «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти». Данное Положение не соответствует нормам Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Другой важной проблемой в реализации информационно-правового статуса является недейственность или неэффективность механизмов защиты прав граждан.

Так, например, одним из механизмов защиты прав граждан в сфере персональных данных, согласно Федеральному закону «О персональных данных», является наличие специально уполномоченного органа, контролирующего исполнение закона. Во многих странах данный уполномоченный орган наделен независимым статусом и является подотчетным парламенту, а в своей деятельности руководствуется исключительно конституцией и законом о защите права на неприкосновенность частной жизни.

В Федеральном законе РФ «О персональных данных» установлено, что уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных является федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по надзору и контролю в сфере информационных технологий и связи (ст. 23). Сложившаяся ситуация противоречит конституционному принципу разделения властей и положениям Конвенции Совета Европы от 28.01.1981 № 108 о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных, которую Россия ратифицировала.

Аналогичная проблема существует в области контроля и надзора за обеспечением доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Так, согласно ст. 23 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления», контроль за обеспечением доступа к данной информации осуществляют руководители государственных органов и органов местного самоуправления. Сами указанные органы устанавливают порядок осуществления контроля за обеспечением доступа. Надзор за исполнением государственными органами, органами местного самоуправления, их должностными лицами настоящего федерального закона осуществляют органы прокуратуры РФ.

Однако вызывает сомнение целесообразность подобного механизма для реализации закона и обеспечения принципа свободы информации. В большинстве современных законов о свободе информации для выполнения этой важной задачи предусмотрено учреждение специализированного органа, который занимался бы исключительно проблемами в сфере информации. Подобные органы в некоторых странах выполняют функции обжалования нарушения закона. Гражданину должно быть обеспечено право обжалования отказа в предоставлении информации, причем процедура обжалования должна быть как можно проще.

Кроме того, прогрессивные законы о свободе информации всегда включают положения о мониторинге их исполнения. Как правило, государства устанавливают независимые механизмы наблюдения за реализацией закона. Ответственный орган призван непрерывно наблюдать за процессом реализации и давать оценку действенности Закона, выяснять причины неисполнения и давать рекомендации по их устранению.

Одним из элементов юридических гарантий права на информацию выступают меры юридической ответственности за нарушение этих прав. Большое значение имеет ответственность должностных лиц, к которым предъявляются особые требования в обеспечении реализации и охраны прав личности. Для них должна быть установлена повышенная ответственность за нарушения прав граждан, ибо в этом случае они нарушают правовой режим конституционности и законности. Однако в законодательстве далеко не всегда закреплены необходимые меры ответственности.

Так, например, в связи с принятием Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления» Кодекс об административных правонарушениях-

ниях предполагалось дополнить новыми статьями, предусматривающими административную ответственность для чиновников за незаконный отказ в предоставлении информации гражданам о деятельности государственных органов, за нарушение сроков размещения информации о деятельности госорганов на официальных сайтах, а также за незаконное отнесение тех или иных сведений к категории «служебная тайна» или «государственная тайна». К сожалению, эти поправки не были приняты, что не позволит использовать механизмы ответственности к тем чиновникам, которые будут нарушать закон о свободе информации.

Теоретическое изучение информационно-правового статуса личности имеет своей целью разработку критериев для законодательной и правоприменительной практики, отвечающей конституционным идеалам и ценностям. По мере построения информационного общества информационно-правовой статус личности будет развиваться и обогащаться новым социальным содержанием.

Информационно-правовой статус субъекта является сложной правовой конструкцией, которая может быть представлена несколькими самостоятельными блоками: целевым (отражает цели и задачи частной и публичной информационной деятельности), структурно-организационным (определяет иерархию органов, порядок образования, реорганизации и ликвидации субъекта, его структуру и др.), компетенционным (совокупностью прав и обязанностей), а также ответственностью. Информационная компетенция как совокупность соответствующих полномочий (прав и обязанностей) включает функциональный, территориальный и процессуальный элементы, определенные границами предмета информационного права. В зависимости от видовой принадлежности субъекта превалируют те или иные компоненты информационно-правового статуса.

Для характеристики субъекта информационного права наряду с перечисленными свойствами важное юридическое значение имеет выделение в качестве самостоятельных частей его информационно-правового статуса социального блока (характеризующего субъекта в современный период по-новому и раскрывающего его во взаимных связях с иными субъектами, а также показывающего отношение к ним) и гарантий обеспечения прав и их защиты.

У различных субъектов информационного права количественный состав статусных элементов, который зависит от видовой принадлежности субъекта к различным группам, неодинаков, а, значит, неодинаково и его содержание.

Отсутствие целостной системы субъектов информационного права сказывается и на закреплении информационного статуса участников информационных отношений в законодательстве.

Так, анализируя действующее информационное законодательство, мы сталкиваемся с проблемой наличия субъектов, не согласующихся с нематериальным характером информации, являющейся предметом информационных правоотношений.

Следует отметить, что информация как объект правоотношений обладает рядом уникальных свойств. В первую очередь следует отметить такое осно-

вополагающее свойство информации, как идеальность. Идеальное — это то, чего в природе нет, но что конструируется человеком в соответствии с его потребностями, интересами, целями, что подлежит реализации на практике¹. Пока информация находится в памяти человека, она идеальна. И перенос ее на материальный носитель (запись на бумаге, на носителях информации в компьютере и т. д.) не означает, что информация материализуется. Материален лишь носитель информации. Сама информация по-прежнему идеальна, ибо она осталась в памяти ее создателя или человека, который был с ней ознакомлен.

Именно поэтому оказались несостоятельными попытки распространения на информацию института вещной собственности, закрепленной в утратившем силу Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации». Несмотря на то что носитель информации является вещью, информация в правовом смысле не может рассматриваться как вещь. Это связано с тем, что, когда мы передаем вещь, мы передаем при этом зачастую весь объем прав (владения, пользования и распоряжения). Но когда мы передаем зафиксированную на материальном носителе информацию, мы в правовом смысле передаем сам носитель и сумму каких-то прав по распоряжению содержащейся на нем информацией (например, право ее дальнейшего распространения). Саму же информацию мы лишь сообщаем и, таким образом, можем передать лишь право пользования и право распоряжения. Право владения (господства над вещью) может быть передано лишь на носитель, но не на информацию, которая на нем зафиксирована, ибо она осталась в памяти автора документа и останется в памяти всех, кто прочитает эти сведения.

Эти моменты привели к отказу от распространения на информационные отношения института вещной собственности, и поставили перед юристами задачу сформулировать новый правовой институт — институт обладания информацией, который нашел свое отражение в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Вместе с тем в ряде законов остались субъекты, не согласующиеся с данными положениями действующего закона об информации. Так, например, в Законе РФ «О государственной тайне»² встречается такой субъект, как собственник информации (п. 3 ст. 4), а в целом ряде нормативных правовых актов³ — собственник информационных ресурсов.

Еще одной серьезной проблемой сегодня является бессистемное появление таких новых субъектов информационных правоотношений, как организатор распространения информации в информационно-телекоммуникационной

¹ См.: Алексеев П. В., Панин А. В. *Философия*: учебник. М., 1998. С. 172–173.

² Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 4673.

³ См., например: Закон г. Москвы от 24 октября 2001 г. № 52 «Об информационных ресурсах и информатизации города Москвы» // Ведомости Московской Городской Думы. 2002. № 1; постановление Правительства РФ от 3 ноября 1998 г. № 1299 «О заключении Соглашения о правовом режиме информационных ресурсов пограничных войск государств — участников Содружества Независимых Государств» // СЗ РФ. 1998. № 45. Ст. 5558.

сети и блогер, введенных Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей»¹.

Указанный закон определяет организатора распространения информации в сети Интернет как лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет.

Вместе с тем отдельные подзаконные акты к указанному закону, в частности постановление Правительства РФ от 31.07.2014 № 759², утвердившее правила хранения данных, использует термин «коммуникационный интернет-сервис», под которым понимает информационную систему, и (или) программа для электронных вычислительных машин, которая предназначена и (или) используется для приема, передачи и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет в целях обмена электронными сообщениями между пользователями сети Интернет, в том числе для передачи электронных сообщений неопределенному кругу лиц. Данное постановление прямо предусматривает, что обязанности по обеспечению хранения данных возникают у организатора именно в связи с функционированием коммуникационного интернет-сервиса, что является определенным сужением понятия организатора распространения информации по сравнению с тем, как оно определено в законе. По сути это означает, что в качестве организатора должно пониматься только лицо, которое обеспечивает функционирование коммуникационного интернет-сервиса, т. е. что из этой категории выводятся, в частности, производители аппаратного и программного обеспечения, которое может быть использовано в качестве компонента при построении коммуникационного интернет-сервиса. Поисковые сервисы также вряд ли могут быть отнесены к категории коммуникационных, поскольку здесь взаимодействие осуществляется не между пользователями, а между пользователем и машиной (аппаратно-программным комплексом). Наконец, сайты в сети Интернет, которые не предусматривают возможность пользователей общаться между собой, также вряд ли можно отнести к категории коммуникационных интернет-сервисов.

¹ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2302.

² Постановление Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 759 «О Правилах хранения информации организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет и информации об этих пользователях, предоставления ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4526.

Так, по мнению, А. И. Савельева, первые недели действия Федерального закона № 97 показали, что основными кандидатами на получение статуса организатора стали крупные российские и зарубежные интернет-площадки: Mail.ru, Яндекс, Rambler, Facebook, Twitter, LiveJournal. Существующая неопределенность при определении субъектов отношений, регулируемых указанным законом, приведет к тому, что многое будет зависеть от позиции правоприменителей (Роскомнадзора, ФСБ и иных органов власти), на которую, помимо прочего, будет влиять развитие политической ситуации в России и за рубежом, поскольку подобные законы можно будет использовать в качестве орудия давления на иностранные интернет-компании, которые в определенный момент времени могут стать персонами *pongata* в российском сегменте Интернета¹.

Не менее проблемная ситуация сложилась с определением такого субъекта правоотношений, как блогер. Под блогером, с точки зрения закона, понимается владелец сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет, на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети Интернет.

Во-первых, следует отметить, что данная правовая дефиниция не согласуется со сложившимся пониманием блога как площадки сетевого общения. Блоги, как правило, публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором. Законодатель вводит другой критерий определения блогера — количество посетителей интернет-ресурса. Под легальное определение попадает и владелец интернет-магазина, и лицо, выкладывающее информационные материалы, например, в социальных сетях.

Во-вторых, нет четкости в определении правового статуса указанного субъекта. Ряд формулировок, касающихся прав и обязанностей блогеров, являются крайне размытыми. Так, неясным остается круг норм, которые понимаются под «требованиями законодательства, регулирующими порядок распространения массовой информации». Глава 3 «Распространение массовой информации» Закона РФ «О средствах массовой информации» рассматривает, в том числе, и вопросы лицензирования телевизионного и радиовещания.

Согласно законопроекту, блогер должен предварительно проверять достоверность размещаемой информации и незамедлительно удалять недостоверную информацию. В данном случае автоматически возникает вопрос об ответственности блогера за материалы, размещаемые его читателями в комментариях, о том, какой конкретно срок имеется у блогера для проверки и удаления недостоверных сведений. Но главное, с появлением обязанностей, присущих журналисту, блогера не наделяют правами, установленных законодательством о СМИ.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в научной доктрине еще не исследовались особенности правового статуса всех субъектов информационных правоотношений в целом. От разработки концепции о субъектах российского информационного права, уяснения содержания информаци-

¹ См.: Савельев А. И. Законодательство о локализации данных и его влияние на рынок электронной коммерции в России // Закон. 2014. № 9.

онно-правового статуса, основанного на особенностях реализации прав и исполнения обязанностей каждым субъектом российского информационного права с учетом новаций в обществе, от анализа проблем, связанных с применением информационного законодательства, и определения путей их решения зависит дальнейшее развитие науки информационного права.

§ 4. Государство как субъект информационных правоотношений

Важнейшим субъектом информационного права является само *государство*. Государство, выступающее как владелец основных информационных ресурсов и технологий, формирует информационную политику страны, обеспечивает ее единое информационное пространство, играет ведущую роль в международном информационном обмене и принимает информационное законодательство.

С определением «юридической личности» государства в науке информационного права связано понятие универсальной правосубъектности. В силу особой, политической природы государства в его правоспособности многие авторы выделяют два начала: публично-правовое, выражаемое в особом статусе авторитарного, властвующего субъекта, устанавливающего для себя особые, исключительные права, преимущества и навязывающего свою волю иным субъектам права, и частноправовое, которое выражается в классической конструкции юридического лица.

Правосубъектность Российской Федерации как государства определяется ее конституцией. Конституционно-правовой статус Российской Федерации характеризуется прежде всего тем, что она является суверенным государством, обладающим всей полнотой государственной власти на своей территории.

Российская Федерация обладает абсолютной правосубъектностью в международных отношениях. Суверенитет является одним из главных признаков государства, позволяющих ему играть ведущую роль в системе международных отношений. Государство обязано пресекать любые формы посягательства на суверенитет и обеспечить свою безопасность, в том числе информационную, при которой будет гарантирована неприкосновенность информационного пространства. Сегодня в условиях глобализации, процессов межгосударственной интеграции, развития информационно-телекоммуникационных трансграничных сетей это становится сложной и актуальной проблемой.

В науке информационного права развитие содержания понятия суверенитета государства выливается в проблему определения понятия «информационный суверенитет».

Нормы об информационном суверенитете содержатся в законодательстве многих стран.

Так, требование «информационной независимости» содержится в Законе Республики Таджикистан от 10 мая 2002 г. № 55 «Об информации»¹.

Определение информационному суверенитету дано в ст. 1 Закона Украины от 4 февраля 1998 г. № 76/98-ВР «О национальной программе инфор-

¹ Закон Республики Таджикистан «Об информации» // URL:<http://www.cipi.tj/?p=286> (дата обращения 20.05.2016).

матизации» (редакция действует с 19 февраля 2016 г.)¹, где говорится, что информационный суверенитет государства состоит в способности государства контролировать и регулировать потоки информации из-за пределов государства в целях соблюдения законов Украины, прав и свобод граждан, гарантирования национальной безопасности государства.

Необходимость обеспечения информационного суверенитета, т. е. формирования и проведения политики, исходя из интересов национальной безопасности России, содержится в Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации².

В Концепции формирования информационного пространства СНГ³ одной из важнейших проблем формирования информационного пространства государств — участников СНГ названо обеспечение каждым из них собственной информационной безопасности и защиты своего информационного суверенитета. Для своевременного решения этих вопросов каждое государство — участник СНГ осуществляет своевременный мониторинг «противоречий» в информационной политике и угроз своему информационному суверенитету.

А. А. Ефремов определяет информационный суверенитет как верховенство государственной власти и возможность национального (или государственно-правового) регулирования определенного информационного пространства⁴.

Очевидно, что государственный информационный суверенитет сложное и многоплановое явление.

Внешняя сторона государственного суверенитета проявляется в статусе государства как субъекта международно-правовых информационных отношений. Государства обладают суверенным правом на разработку своих собственных информационных ресурсов в соответствии с их собственной информационной политикой, а также несут обязанность обеспечивать, чтобы информационная деятельность, ведущаяся под их юрисдикцией, соответствовала принятым международным соглашениям.

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г., отмечено, что «на передний план выдвигаются, наряду с военной мощью, такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, научно-технические, экологические, демографические и информационные» (п. 10)⁵.

¹ Закон України «Про Національну програму інформатизації» // URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/Z980074.html

² Указ Президента РФ от 01 июля 1996 г. № 1008 «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации».

³ Решение о Концепции формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств (Москва, 18 октября 1996 г.) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1996. № 4. С. 87.

⁴ См.: *Ефремов А. А.* Электронное правительство и международное право // Труды XIV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2011). СПб., 2011. С. 192.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации // URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f?OpenDocument> (дата обращения: 20.05.2016).

Российская Федерация, согласно данной Концепции, будет принимать необходимые меры в интересах обеспечения национальной и международной информационной безопасности, будет добиваться выработки под эгидой ООН правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности (п. 32).

Внутри страны государство как суверен осуществляет полномасштабное управление информационной деятельностью.

Государство представляет собой организацию политической власти в обществе и в этом качестве служит реализации общего, совокупного информационного интереса всех своих граждан. Как следует из ст. 71 Конституции Российской Федерации, информация и связь находятся в ведении Российской Федерации. Государство определяет и проводит национальную информационную политику, призванную соединять общественные и информационные закономерности развития.

Рассматривая государство в качестве субъекта информационных правоотношений, следует отметить также и его исключительные права — требовать от всех иных субъектов надлежащего соблюдения и исполнения их обязанностей, установленных законодательством требований и ограничений, и принадлежающее только ему (в лице соответствующих органов) право принуждения всех других субъектов к исполнению их информационных обязанностей.

Наконец, особенности государства как субъекта информационного права проявляются в том, что оно является постоянным участником информационных отношений. Деятельность государства в качестве главного субъекта информационных правоотношений реализуется посредством осуществления информационной функции.

Государство осуществляет информационную функцию как суверен и организация политической власти. Правовую основу и политико-экономическую сущность информационной функции составляют конституционные нормы о праве каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29).

Представляется, что информационная функция государства раскрывается по таким направлениям, как построение информационных отношений между пользователями информации, обществом и государством по поводу осуществления права на информацию, использования и охраны информационных ресурсов; организация эффективного управления информационной деятельностью; развития процессов информатизации во всех сферах деятельности.

Важнейшая особенность государства как субъекта информационного права состоит в том, что оно создает право в его позитивном (нормативном) понимании. И в этом смысле оно не только формулирует права и обязанности других субъектов, но и наделяет само себя правами и обязанностями в сфере информационной деятельности. Объем их и содержание зависят от приоритетов государственной политики.

Основными направлениями государственной политики в информационной сфере сегодня можно назвать:

- совершенствование информационного законодательства Российской Федерации;
- создание условий для реализации прав граждан и общественных объединений на разрешенную законом информационную деятельность;
- оценка состояния информационной безопасности, выявление источников внутренних и внешних угроз информационной безопасности, определение приоритетных направлений предотвращения этих угроз;
- предупреждение, выявление и пресечение информационных правонарушений;
- организация разработки федеральных и региональных программ развития информационного общества и обеспечения информационной безопасности;
- осуществление международного сотрудничества в области развития информационного общества и обеспечения информационной безопасности, представление интересов Российской Федерации в соответствующих международных организациях.

§ 5. Владелец информации как субъект информационных правоотношений

Одним из центральных субъектов информационных правоотношений является владелец информации.

В утратившем силу Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»¹ была сделана попытка распространить на информационные отношения институт вещной собственности. Закон определял таких субъектов информационных правоотношений как собственник и владелец информационных ресурсов. Однако, как было сказано ранее, невозможно реализовать право владения информацией и, соответственно, информационными ресурсами, и это стало одной из основных причин принятия нового закона об информации. Действующий Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» заменил институт собственности на информационные ресурсы на институт владения информацией.

Согласно закону, под владельцем информации понимается лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам.

Владельцем информации может быть гражданин (физическое лицо), юридическое лицо, Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование. От имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования правомочия владельца информации осуществляются соответственно государственными органами

¹ Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609.

и органами местного самоуправления в пределах их полномочий, установленных соответствующими нормативными правовыми актами.

Обладатель информации, если иное не предусмотрено федеральными законами, вправе:

1) разрешать или ограничивать доступ к информации, определять порядок и условия такого доступа.

Как отмечено в Определении Конституционного Суда России от 15 апреля 2008 г. № 287-О-О, данное право действует в нормативном единстве с другими положениями Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации», в частности о праве гражданина на получение от органов публичной власти, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством, информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы (ч. 2 ст. 8); об информации, доступ к которой не может быть ограничен (ч. 4 ст. 8); о принципах установления ограничения доступа к информации (ст. 9); о праве на обжалование в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу либо в суд решений и действий (бездействия) органов публичной власти, общественных объединений, должностных лиц, нарушающих право на доступ к информации (ч. 6 ст. 8)¹;

2) использовать информацию, в том числе распространять ее, по своему усмотрению.

В зависимости от круга субъектов, которые получают информацию, закон различает такие действия, как представление и распространение информации.

Распространение информации определено как действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц. Распространение информации регламентировано ст. 10 закона, в которой установлено, что в Российской Федерации распространение информации осуществляется свободно при соблюдении требований, установленных законодательством РФ.

При этом информация, распространяемая без использования средств массовой информации, должна включать в себя достоверные сведения о ее обладателе или об ином лице, распространяющем информацию, в форме и в объеме, которые достаточны для идентификации такого лица. Владелец сайта в сети Интернет при распространении информации обязан разместить на принадлежащем ему сайте информацию о своих наименовании, месте нахождения и адресе, адресе электронной почты.

При использовании для распространения информации средств, позволяющих определять получателей информации, в том числе почтовых отправлений и электронных сообщений, лицо, распространяющее информацию, обязано обеспечить получателю информации возможность отказа от такой информации.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2008 г. № 287-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 3 статьи 6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и пунктом 1.2 Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти».

Запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Случаи и условия обязательного распространения информации также устанавливаются федеральными законами;

3) передавать информацию другим лицам по договору или на ином установленном законом основании.

Предоставление информации определено законом как действия, направленные на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц. Случаи и условия обязательного распространения информации или предоставления информации, в том числе предоставление обязательных экземпляров документов должны устанавливаться федеральными законами;

4) защищать установленными законом способами свои права в случае незаконного получения информации или ее незаконного использования иными лицами.

Лица, права и законные интересы которых были нарушены в связи с разглашением информации ограниченного доступа или иным неправомерным использованием такой информации, вправе обратиться в установленном порядке за судебной защитой своих прав, в том числе с иском о возмещении убытков, компенсации морального вреда, защите чести, достоинства и деловой репутации;

5) осуществлять иные действия с информацией или разрешать осуществление таких действий.

Обладатель информации при осуществлении своих прав обязан:

- 1) соблюдать права и законные интересы иных лиц;
- 2) принимать меры по защите информации.

В соответствии с ч. 4 ст. 16 закона обладатель информации в случаях, установленных законодательством РФ, обязан обеспечить: предотвращение несанкционированного доступа к информации и (или) передачи ее лицам, не имеющим права на доступ к информации; своевременное обнаружение фактов несанкционированного доступа к информации; предупреждение возможности неблагоприятных последствий нарушения порядка доступа к информации; недопущение воздействия на технические средства обработки информации, в результате которого нарушается их функционирование; возможность незамедлительного восстановления информации, модифицированной или уничтоженной вследствие несанкционированного доступа к ней; постоянный контроль за обеспечением уровня защищенности информации;

3) ограничивать доступ к информации, если такая обязанность установлена федеральными законами.

Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Обязательным является соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральными законами.

§ 6. Информационный посредник как субъект информационных правоотношений в сети Интернет

В современном информационном обществе процессы передачи и хранения информации представляют собой сложную технологическую процедуру, обеспечение которой является задачей деятельности специальных субъектов информационных отношений. Окинавская хартия глобального информационного общества, ставя вопрос о необходимости преодоления цифрового неравенства, одной из проблем, которая должна быть решена государствами, называет доступ к информационной инфраструктуре, причем инфраструктуре, поддерживаемой иными лицами, не владельцами информационных ресурсов¹. Особенно это касается отношений в сети Интернет, которые складываются при обязательном участии таких субъектов информационных отношений, как оператор связи, провайдер хостинга, владелец сайта. Эти субъекты, предоставляющие пользователям свое оборудование и технологии для хранения информации, организующие и обеспечивающие процессы обмена информацией, получили сегодня название информационного посредника.

Понятие «информационный посредник» включает в себя целый ряд лиц, которые являются промежуточным звеном между обладателем информации и пользователем. Действия информационных посредников, их права и обязанности фактически являются условием реализации прав и обязанностей основных участников правоотношения. Естественно, что при возникновении спорных ситуаций встает вопрос об их причастности к совершению противозаконных действий и степени их ответственности. Неопределенность в вопросе определения и правовом статусе информационных посредников неизбежно станет одним из препятствий на пути развития информационной и телекоммуникационной инфраструктуры и на обеспечении гарантированного свободного доступа граждан к информации.

В ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определены такие участники информационных отношений в сети, как провайдер хостинга, владелец сайта, организатор распространения информации, блогер, само же понятие «информационный посредник» было введено в российское законодательство в 2013 г. в ст. 1253.1 ГК РФ, в которой перечисляются виды информационных посредников.

К ним относятся лица, которые выполняют хотя бы одну из перечисленных возможностей:

- осуществляют передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет;
- предоставляют возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения, с использованием информационно-телекоммуникационной сети;
- предоставляют возможность доступа к материалу в этой сети.

¹ Хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.

Как видим, законодатель связал определение информационного посредника с реализацией определенной *возможности* для пользователя. Такой подход сразу порождает непонимание и неоднозначность. Создатели программного обеспечения, разработчики информационной инфраструктуры и целый ряд других лиц также итогом своей деятельности определяют создание *возможности* для пользователя получить доступ и разместить информационные материалы в сети, однако, очевидно, информационными посредниками не являются.

Несколько отличный подход к определению информационного посредника реализован в зарубежном законодательстве.

Так, в США в Законе об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act)¹ введено понятие сервис-провайдера (service provider) — лица, оказывающего интерактивные *услуги*, предоставляющего доступ к сети, а также являющееся оператором оборудования, используемого для данных целей.

В Европейском союзе правовой статус информационных посредников закреплен в Директиве Европейского союза № 2000/31/ЕС о некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в частности электронной коммерции, на внутреннем рынке (Директива об электронной коммерции)². В Директиве вводится понятие провайдера сервиса информационного общества (information society service). Под сервисом информационного общества понимается любая *услуга*, которая обычно предоставляется за вознаграждение, дистанционно, с использованием электронных средств обработки и хранения данных, по индивидуальному запросу получателя услуг.

Таким образом, подход к определению информационного посредника в зарубежном законодательстве основан на понятии *услуги*. Несмотря на то, что дискуссии о сущности услуг в гражданско-правовой доктрине ведутся с 70-х гг. XX века, и до сих пор отсутствует единое как легальное, так и доктринальное понятие услуги, очевидно, что *предоставление возможности* и *услуга* — понятия, неидентичные по содержанию.

Впервые легальное определение услуги приведено в п. 5 ст. 38 НК РФ, где услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности. Таким образом, законодатель с позиции налогообложения к услугам относит только деятельность, результат которой неотделим от самого процесса ее оказания.

Понятие услуги как гражданско-правовой категории закреплено в главе 39 ГК РФ. Так, в п. 1 ст. 779 под услугой понимается совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности. Глава 39 ГК РФ посвящена группе договоров, среди которых выделен договор на оказание возмездных информационных услуг.

¹ Digital Millennium Copyright Act [Электронный ресурс] — URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-105publ304/pdf/PLAW-105publ304.pdf>

² Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market // Official Journal of the European Communities. 2000. L 178/1 (17.7.2000) [Электронный ресурс] URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32000L0031&from=EN>

Таким образом можно сделать вывод, что услуга является деятельностью, т. е. совокупностью целенаправленных действий, направленных на достижение определенной цели — удовлетворение определенной информационной потребности получателя услуги.

Российский подход к определению информационного посредника как субъекта гражданско-правовых отношений, не связанный напрямую с оказанием информационной услуги, позволяет чрезмерно расширительно толковать данное понятие и рассматривать в качестве таких субъектов значительный круг лиц.

Классификация информационных посредников также является проблемой для российского законодателя.

DMCA выделяет такие виды сервис-провайдеров, как провайдеры временной цифровой связи, провайдеры кэширования, провайдеры постоянного хранения информации по указанию пользователей, провайдеры инструментов для определения местонахождения информации.

Провайдеры временной цифровой связи предоставляют пользователям услуги по передаче данных. При этом обязательным является условие, что данные сервис-провайдеры сами не иницируют передачу данных, не выбирают получателя или источник информации и не изменяют передаваемую информацию. К провайдерам временной цифровой связи можно отнести провайдеров доступа в Интернет, почтовые сервисы.

Системы кэширования используются для временного хранения данных для оптимизации обмена и передачи информации в соответствии с общепринятым стандартным отраслевым протоколом обмена. Провайдеры кэширования обеспечивают автоматическое временное хранение и передачу информации, направленное на оптимизацию технологического процесса передачи информации.

Провайдеры постоянного хранения информации по указанию пользователей могут вместе с хранением информации предоставлять иные, связанные с хранением услуги. К таким провайдерам в первую очередь относятся хостинг-провайдеры.

К провайдерам инструментов для определения местонахождения информации можно отнести владельцев различных поисковых систем, которые по запросу пользователей предоставляют сведения о местонахождении той или иной информации в сети.

Европейская Директива об электронной коммерции предусматривает следующие виды провайдеров сервисов информационного общества:

- провайдеры простой передачи информации по сети, инициированной получателем услуги, или предоставление доступа к этой сети. При этом предусмотрено право сервис-провайдера на автоматическое, транзитное и кратковременное хранение передаваемой информации исключительно в целях осуществления процесса передачи и в течение времени, не превышающего необходимого для этого процесса (*mereconduit*);
- провайдеры, осуществляющие кэширование — передачу инициированной получателем услуг информации по сети другим получателям услуг

по их запросу (caching) исключительно с целью улучшения дальнейшей передачи информации;

- хостинг-провайдеры, осуществляющие хранение предоставленной получателем услуг информации (hosting).

Очевидно, что классификация сервис-провайдеров в Директиве об электронной коммерции и в ДМСА отличается от российского подхода, закрепленного в ст. 1253.1 ГК РФ. На практике это приводит к неоднозначности определения вида информационного посредника, а соответственно и его ответственности.

Так, например, Арбитражный суд города Москвы решил, что к информационным посредникам, осуществляющим передачу материала, могут относиться провайдеры доступа в Интернет, к информационным посредникам, предоставляющим возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения, — провайдеры хостинга и владельцы сайтов, к информационным посредникам, предоставляющим возможность доступа к материалу, — владельцы поисковых сайтов и файлообменных ресурсов¹. Однако Суд по интеллектуальным правам в другом деле признал владельца сервиса поиска музыкальных произведений информационным посредником, осуществляющим передачу материала, а не предоставляющим возможность доступа к произведениям².

Необходимо также соотнести понятие «информационный посредник» с понятиями «владелец сайта в сети Интернет», «провайдер хостинга», «оператор связи», которые содержатся в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ и Федеральном законе «О связи»⁴.

Как следует из правоприменительной практики, операторы связи, провайдеры хостинга и владельцы сайтов являются информационными посредниками согласно ст. 1253.1 Гражданского кодекса РФ. Однако данная практика не отличается единством. Суды признают информационными посредниками и администратора социальной сети⁵, и регистратора доменных имен,⁶ и администратора сети доставки контента⁷, и администратора сайта,

¹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 18 ноября 2013 г. Дело № А40-54370/12 [Электронный ресурс]: URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/641b58fa-135f-4cdf-bbb9-02e467909bc3/A40-54370-2012_20121106_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения: 25.11.2015).

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 марта 2015 г. Дело № А40-118714/2013 [Электронный ресурс]: URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3d0296a9-9dbb-4ba9-948b-67454e4d1f4b/A40-118714-2013_20150316_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения: 25.11.2015).

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.

⁴ Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

⁵ Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга от 14 ноября 2013 г. Дело № А56-42539/2013 [Электронный ресурс]: URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/e7cc7add-7963-459b-83ac-3c115d37b3d5/A56-42539-2013_20131114_Reshenie.pdf (дата обращения: 25.11.2015).

⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 декабря 2015 г. Дело № А40-52455/2015 [Электронный ресурс]: URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/ef8b3f21-fbab-44fa-8004-dc939524408c/A40-1849-2013_20140211_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения: 25.11.2015).

⁷ Решение Московского городского суда от 19 сентября 2014 г. Дело № 3-199/2014 [Электронный ресурс] /. СПС «КонсультантПлюс».

предоставляющего возможность воспроизведения видеоматериалов¹, и администратора магазина приложений для мобильных устройств².

Стоит обратить внимание на то, что в Гражданском кодексе РФ, в отличие от ДМСА и Директивы об электронной коммерции, не выделяется такой вид информационных посредников, как провайдер кэширования. Кэширование — это технологический процесс, который позволяет автоматически временно хранить информацию в кэш-памяти сервера, чтобы снизить трафик, ускорить загрузку сайтов и оптимизировать передачу информации. Очевидно, что кэширование не является воспроизведением произведения в соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 1270 Гражданского кодекса РФ. Однако провайдеры кэширования могут быть привлечены к юридической ответственности за доведение произведений до всеобщего сведения за исключением воспроизведения, что может создавать препятствия для осуществления необходимого технологического процесса.

Таким образом, очевидно, что определение информационного посредника и его правового статуса в гражданских правоотношениях вызывает много вопросов. Тем более это относится и к определению информационных посредника как субъекта информационных правоотношений.

С точки зрения информационного права определение информационного посредника необходимо связать с реализацией определенного информационного правомочия: обеспечения права на доступ к информационным ресурсам, размещенным в информационно-телекоммуникационной сети, и распространения информации в форме передачи или размещения материала в сети.

С точки зрения информационных правоотношений здесь встает целый ряд вопросов.

Во-первых, речь идет о праве выбора информационного посредника. У пользователей информацией должно быть право выбора информационного посредника, исходя из удобства, качества и стоимости предоставляемых услуг. Очевидно, что необходимость использования определенного информационного посредника должна быть установлена только в федеральном законе, поскольку речь идет об ограничении конституционного права на информацию. Однако зачастую в реальности возможность осуществления доступа к информации в сети определяется наличием одного информационного посредника на определенной территории.

Во-вторых, в законодательстве должны быть закреплены права и обязанности информационных посредников, которые должны корреспондировать с правами и обязанностями лиц, обращающихся за информацией или распространяющих ее.

Сегодня на целый ряд субъектов в сети возложены обязанности по ограничению доступа к информации, распространяемой с нарушением закона.

¹ Решение Московского городского суда от 15 июля 2014 г. Дело № 3-110/2014 [Электронный ресурс] / СПС «КонсультантПлюс».

² Решение Арбитражного суда города Москвы от 11 февраля 2014 г. Дело № А40-1849/13 [Электронный ресурс]: URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/ef8b3f21-fbab-44fa-8004-dc939524408c/A40-1849-2013_20140211_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения: 25.11.2015).

Однако зачастую их обязанности могут вступать в противоречие с правами других субъектов в сети. Так, например, непродуманно введенная в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» для владельца поисковой системы в сети обязанность удаления по обращению заявителя информации о нем из всего массива данных, содержащихся в поисковых системах, может противоречить праву других пользователей сети на доступ и распространение информации.

В-третьих, давая классификацию информационным посредникам как субъектов информационных правоотношений, необходимо также соотнести понятие «информационный посредник» не только с такими ранее упомянутыми понятиями, как «владелец сайта в сети Интернет», «провайдер хостинга», «оператор связи», но и с содержащимися в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понятиями таких новых субъектов, как «организатор распространения информации в сети Интернет», «владелец поисковой системы в сети Интернет», «блогер», которые неразрывно связаны с осуществлением информационных правомочий других субъектов.

Таким образом, решение проблемы, связанной с закреплением статуса информационного посредника на уровне законодательства, требует сегодня предварительной детальной научной проработки.

§ 7. Потребитель (пользователь) информации как субъект информационных правоотношений

В частности, в качестве *субъекта информационного правоотношения* прежде всего выступает *конкретное лицо, гражданин* (т. е. автор программы, главный редактор газеты, телеведущий, предприниматель, просто читатель, зритель и др.), которое желает и может участвовать в информационном правоотношении. В зависимости от сложности и характера информационного правоотношения число субъектов здесь может быть самое разное, но, понятно, не менее двух, поскольку любое правоотношение — это отношения между конкретными лицами, работающими с информацией и, следовательно, здесь, как минимум, должны быть две стороны, которые осуществляют свои права и обязанности в информационной сфере. Причем правовое положение указанных субъектов здесь может быть далеко не идентичным: одни могут выступать в роли руководителей СМИ, другие в роли авторов, желающих передать свои произведения последним, одни могут осуществлять права рекламодателя, другие — требовать разместить их рекламу, третьи делать и то и другое. Поэтому лица, граждане, которые в этом случае будут пользоваться установленными в информационном законодательстве правами и которые будут нести обязанности, являются субъектами информационного права.

В практической информационно-правовой деятельности иногда понятие субъекта информационного права расчленяется на две категории — субъекта права и субъекта обязанностей в информационной сфере. Однако такое разделение субъекта права и субъекта обязанностей в области информацион-

но-правовой деятельности не всегда обоснованно вследствие неразрывной связи информационных прав и обязанностей вообще. И, кроме того, в любом информационном правоотношении (даже если с формальной точки зрения смотреть на его участников), на того, кто по закону имеет права, возлагаются и определенные обязанности.

Например, в сфере охраны интеллектуальной собственности, где, скажем, автор служебного произведения (словаря) пытается доказать работодателю, что он, кроме прав на это произведение, имеет все правомочия владения и распоряжения этой программой, созданной с его участием. По характеру этого правоотношения автор, конечно, имеет право добиваться своих целей, поскольку он написал код данной программы и, в конечном счете, создал программный продукт. Однако он должен знать, что на созданные в порядке выполнения служебных обязанностей словари, иные издания, программы это положение не распространяется. Автор, конечно, может обжаловать действия своего работодателя в суд, если тот нарушит закон или авторские права.

Очевидно, что конкретные лица являются субъектами информационного права в самых различных правоотношениях информационной направленности, в которых они осуществляют свои права и реализуют свои обязанности в соответствии с действующим информационным законодательством. При этом они должны обладать правоспособностью и дееспособностью.

Правоспособностью здесь будет называться способность лица, гражданина (журналиста, автора программы для ЭВМ, госслужащего и др.) иметь информационные права и обязанности.

Так, например, в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹ пользователь информацией имеет право:

- 1) получать достоверную информацию о деятельности судов;
- 2) не обосновывать необходимость получения запрашиваемой информации о деятельности судов, доступ к которой не ограничен;
- 3) обжаловать в установленном законом порядке действия (бездействие) должностных лиц, нарушающие право на доступ к информации о деятельности судов и установленный порядок его реализации;
- 4) требовать в установленном законом порядке возмещения вреда, причиненного нарушением его права на доступ к информации о деятельности судов.

Дееспособность будет характеризовать способность лица, гражданина претворять в жизнь, на практике своими действиями имеющиеся у него информационные права и обязательства.

Очевидно, что правоспособным в информационном праве будет признаваться любое лицо, гражданин. Например, закон устанавливает, что все авторы программы для ЭВМ являются правоспособными (т. е. они способны иметь все имущественные права на свои программы и нести в связи с этим обязанности) и никто их не ограничивает в действиях. Однако, как показывает практика, объем правоспособности авторов программ намного

¹ РГ. 2008. № 265. 26 дек.

шире и богаче: помимо указанных прав и обязанностей они обладают всем комплексом трудовых, личных, политических и иных прав и обязанностей. Причем все эти права и обязанности характеризуют правоспособность автора программ для ЭВМ.

Надо заметить, что правоспособность в информационной сфере имеют все граждане независимо от их пола, возраста, расовой принадлежности, национальности, вероисповедания и происхождения. Однако здесь правоспособность может быть и ограничена. Например, ст. 7 Закона РФ «О средствах массовой информации» устанавливает (ч. 2), что не может выступать учредителем (соучредителем) средства массовой информации гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, либо отбывающий наказание в местах лишения свободы по приговору суда, либо душевнобольной, признанный судом недееспособным.

Некоторые информационные права принадлежат гражданам в силу Конституции РФ и для их приобретения не нужно совершать какие-либо действия. Таковы права на свободу слова, мысли и на получение общедоступной информации. Но в других случаях, для того чтобы приобрести определенные информационные права, гражданин должен изменить свой статус либо в отношении него должны быть совершены определенные юридические действия. Например, когда лицо лишается права учредить СМИ в связи с тем, что отбывает наказание в местах лишения свободы по приговору суда. Для того чтобы воспользоваться названным правом, гражданин должен выйти на свободу и приступить к нормальной жизни.

В отличие от правоспособности, дееспособность в информационной сфере возникает не у каждого лица, гражданина. Дееспособность возникает у тех лиц, которые в силу своей подготовки, способностей получают по информационному законодательству возможность лично использовать свои права и принимать на себя обязательства. Например, патентообладатель может осуществлять свои информационные права и нести за них ответственность (т. е. быть дееспособным) лишь после того, как он получит соответствующую подготовку, изобретет, скажем, некую модель (программу) и ему будет выдан патент (ст. 1346—1350 ГК РФ). Или, например, граждане в возрасте от 14 до 18 лет могут обладать ограниченной общегражданской дееспособностью, т. е. лишь с согласия их родителей или опекунов они могут совершать сделки с программными продуктами, с компьютерной техникой, но сами получать свою заработную плату, работая в том же рекламном агентстве или распространяя газеты и журналы. Что касается душевнобольных, то они лишены права учреждать газеты, журналы, телекомпании, информационные агентства и др. (ст. 7 Закона РФ «О средствах массовой информации»), однако эта категория граждан правоспособна. Права душевнобольных в информационной сфере все же осуществляют за них родственники, близкие, органы, на попечении которых они находятся. Во всех иных случаях, когда дееспособность гражданина здесь не ограничена или не устранена по информационному законодательству, дееспособность сливается с правоспособностью и правоспособное лицо является одновременно по-своему и дееспособным.

Из сказанного видно, что лицо (гражданин) как субъект информационного права — это обычное физическое лицо, а объединение физических лиц, СМИ, организации и т. д. будут соответственно выступать здесь в качестве юридического лица.

Необходимо отметить, что *юридические лица* как таковые, которые способны приобретать различные информационные права, вступать в информационной сфере в обязательства, выступать в качестве истца и ответчика в суде, — также являются субъектами информационного права, участниками информационных правоотношений.

Глава 3

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

§ 1. Отношения в области реализации информационных прав и свобод человека и гражданина

Основные информационные права и свободы находят свое закрепление как на международном, так и на национальном уровне. Их существование подтверждает история. Они были включены впервые в универсальные документы, посвященные правам и свободам человека и гражданина. Эти акты служат долгосрочным ориентиром развития права многих государств и поныне. В частности, французская Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. устанавливает, что свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом (ст. 11 Декларации). Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции (ст. 16 Декларации). Эти базовые статьи составляют основу международной системы защиты прав человека и его основных свобод, в том числе и в информационной сфере.

Российская Конституция приоритет отдает именно ратифицированным международным документам, к которым наша страна уже присоединилась. Перечислим некоторые акты, в которых в общем виде (в силу их комплексности) закрепляются нормы-принципы, провозглашающие права и свободы в информационной сфере.

На международном уровне:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. провозглашает в своей преамбуле в качестве высокого стремления людей создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды. Помимо этого данный документ закрепляет право на свободу мысли, совести и религии (ст. 18); право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ (ст. 19).

2. Далее следует Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., которая устанавливает право каждого свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей (ст. 10).

3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. относит к свободному выражению своего мнения распространение любой информации, идей любыми способами по своему выбору (ст. 19).

Национальное законодательство включает нормы Конституции РФ, а также положения федеральных и текущих законов, в которых находят закрепление основные информационные права и свободы.

1. В частности, в Конституции Российской Федерации имеет закрепление:

— право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23);

— право на защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23);

— право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23);

— право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26);

— свобода совести, свобода вероисповедания (ст. 28);

— свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29);

— право на свободу выражения собственных мнений и убеждений (право свободно выбирать, иметь и распространять любые убеждения (ст. 28); никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ч. 3 ст. 29);

— право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29);

— свобода массовой информации (ч. 5 ст. 29);

— право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33);

— право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42);

— право на образование (ч. 1 ст. 43);

— свобода всех видов творчества и преподавания (ч. 1 ст. 44);

— право на пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44);

— право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48).

Информационные права и свободы личности, закрепляемые в Основном законе нашей страны, могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Кроме того, их осуществление информационных прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ст. 55, 17 Конституции РФ).

2. Среди федеральных и текущих законов, в которых находят закрепление информационные права и свободы, следует особенно выделить Закон «О средствах массовой информации», «Об информации, информационных технологиях и защите информации», «О персональных данных», «Об электронной цифровой подписи» и др. (Слово «цифровой» убрать, нет сейчас уже такого закона, оставить «Об электронной подписи» и др.).

Часть информационных прав и свобод получило подтверждение в документах стран-участников СНГ, в частности, в Модельном информационном кодексе 2008 г., в Конвенции о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. и др.

Некоторые авторы трактуют несколько расширительно информационные права и свободы, указывая на тот факт, что часть конституционных прав и сама возможность их реализации непосредственно связаны с информационными правами граждан. Например, ч. 1 ст. 37 Конституции РФ устанавливает, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Однако для того, чтобы реализовать это конституционное право, необходимо обладать информацией, касающейся характера и специфики той или иной трудовой функции, профессии. То же самое относится к ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, где установлено право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Данное право можно реализовать, только обладая определенной медицинской информацией, и т. д.

Таким образом, то или иное конституционное право сопрягается и дополняется информационным правомочием.

Право на информацию. Право на информацию, закрепленную в п. 4 ст. 29 Конституции, состоит из ряда правомочий (юридических возможностей). В частности, свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Причем данное право неотчуждаемо и принадлежит каждому индивиду от рождения и отнесено к категории основных прав, согласно ст. 17 Конституции РФ. Поэтому согласно п. «б» ч. 1 ст. 72 Основного закона нашей страны его реализация относится к ведению как РФ, так и ее субъектов. По мнению О. А. Городова, неотчуждаемость и естественный характер этого права состоят в недопустимости его ограничения (лишения) не иначе как по закону. На наш взгляд, здесь можно вести речь лишь об ограничении этого права, лишить же субъекта этого права вообще невозможно.

В этой связи О. А. Городов особо выделяет три юридические возможности, которые составляют содержание данного права:

- 1) возможность доступа к информации, реализуемая через право каждого искать и получать определенные сведения;
- 2) возможность обмена информацией, которая состоит в праве эту информацию свободно передавать и распространять (вытекает из положения ст. 25 Закона «О средствах массовой информации»);
- 3) возможность производства информации, реализуемая через ряд норм о свободе творчества, о культуре, образовании и науке. Данные правовые

возможности могут иметь определенные ограничения, допускаемые как на международном, так и на национальном уровне (например, ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, положения Конституции РФ).

Говоря о совокупности гарантий права на информацию, целесообразно выделить: организационные, технические, экономические, духовные и юридические. Юридические гарантии касаются прежде всего:

- обеспечения защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации;
- соблюдения конфиденциальности информации ограниченного доступа;
- реализации права на доступ к информации (ст. 16 Закона об информации).

В этой связи следует особо остановиться на праве доступа к информации, раскрыть содержание и сущностные черты этого важного информационного права.

Право на доступ к информации. В последнее время во многих странах формируется специальное законодательство о доступе граждан, должностных лиц, общественных организаций к информации. Такие законы приняты в Великобритании, США, Германии, Швейцарии, Франции. Поэтому в названных странах вполне закономерным выглядит выделение данных законодательных актов в отдельный блок с учетом специфики регулирования информационных отношений в области предоставления массовой и официальной информации.

Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» определяет доступ к информации через возможность ее получения и ее использования (ст. 1 Закона). Таким образом, право на доступ к информации — это право каждого гражданина свободно осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований, установленных законодательством.

Среди основных принципов обеспечения права на доступ к информации Модельный информационный кодекс стран-участников СНГ 2008 г. называет:

- доступность и открытость информации;
- достоверность и полнота информации;
- своевременность ее предоставления;
- защиту права на доступ к информации, в том числе в судебном порядке;
- ответственность за нарушение права на доступ к информации;
- соблюдение при предоставлении информации прав и законных интересов третьих лиц;
- установление ограничения права на доступ к информации законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны и безопасности государства, поддержания авторитета и беспристрастности правосудия, охраны нравственности, здоровья, прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Доступ к информации обеспечивается тремя способами:

1) обязательным доведением информации до всеобщего сведения. Например, должностные лица обязаны незамедлительно всеми имеющимися средствами довести до всеобщего сведения ставшую им известной информацию о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу общественной безопасности, жизни и здоровью людей;

2) сообщением информации для всеобщего сведения. Сообщение информации для всеобщего сведения осуществляется путем опубликования официальных документов в специальных изданиях, размещения их в базах и банках данных, доступных для неограниченного круга заинтересованных лиц;

3) путем удовлетворения персональных и коллективных запросов на информацию. В таком случае доступ к информации по запросу заинтересованного лица может осуществляться в форме:

- ознакомления с официальными документами, содержащими запрашиваемую информацию;
- получения копии соответствующего документа или выдержек из него;
- получения письменной справки, содержащей запрашиваемую информацию;
- получения устного изложения содержания запрашиваемой информации;
- получения сведений об источнике опубликования запрашиваемой информации в официальном издании.

Персональный и коллективный запрос на информацию, а также ее предоставление по запросу может осуществляться в устной или письменной форме, в том числе с использованием электронных технологий передачи данных (например, интернет-технологий).

Организация доступа к информации. Для организации доступа к информации в структуре органов и организаций создаются специализированные службы, наделяемые в установленном порядке соответствующими функциями и полномочиями. Выполнение данных функций может возлагаться на специальные подразделения, а также на конкретных должностных лиц. Сама функция по обеспечению информацией лиц, запрашивающих информацию, должна быть зафиксирована в положении о соответствующем органе или организации. Права, обязанности, ответственность специализированных служб, подразделений, должностных лиц, осуществляющих такую деятельность, утверждаются в установленном порядке положениями или инструкциями. Кроме того, к данной работе могут быть привлечены на договорных условиях организации, осуществляющие на законных основаниях деятельность по предоставлению информационных услуг.

Права и обязанности лиц, участвующих в информационных отношениях по запросу информации. Лицо, запрашивающее информацию, имеет право: избрать любую форму запроса, согласно действующему закону; требовать письменного ответа; обжаловать в установленном порядке действия органов и организаций, их должностных лиц, нарушивших право на доступ к информации и установленный порядок его реализации. Кроме того, лицо,

подающее запрос, не обязано обосновывать необходимость получения запрашиваемой информации.

Органы по обеспечению доступа к информации должны: создать организационно-технические и другие условия, необходимые для реализации права на доступ к информации; в течение установленного срока хранить официальные документы, содержащие информацию, подлежащую предоставлению; обеспечивать достоверность и полноту предоставляемой информации; соблюдать установленные сроки и условия ее предоставления; в течение установленного срока хранить официальные документы. Эти органы и должностные лица также несут ответственность за нарушение права на доступ к информации. В случае, если предоставленная информация содержит неточные или неполные сведения, они обязаны по письменному заявлению лица, запросившего информацию, в возможно короткий срок (но не позднее семи рабочих дней после дня получения заявления) уточнить или дополнить предоставленную информацию.

На безвозмездной основе обычно предоставляется информация: непосредственно касающаяся лица, запросившего информацию; уточняющая или дополняющая ранее предоставленную информацию; о правах и обязанностях юридического лица, запрашивающего информацию.

Следует отметить, что защита права на доступ к информации со стороны физических и юридических лиц осуществляется всеми законными способами: как судебными, так и досудебными (право на обжалование), включая самозащиту, исходя из положений п. 2 ст. 45 Конституции РФ. Под самозащитой права понимаются действия гражданина по защите своих прав без обращения в органы, уполномоченные обеспечивать защиту прав граждан и рассмотрение споров, связанных с их нарушением (ст. 12, 14 ГК РФ). Думается, что формой самозащиты в информационном праве можно признать возможность защиты своего права путем обращения в средства массовой информации (т. е. через СМИ), так как СМИ по общему правилу не является ни органом государства, ни юрисдикционным органом. Поэтому самозащита права на доступ к информации возможна как самостоятельно гражданином, так и с помощью СМИ.

Доступ к информации о деятельности судов регулируется Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

Такой доступ осуществляется путем:

1) присутствия граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления, в открытом судебном заседании;

2) обнаружения (опубликования) информации о деятельности судов в средствах массовой информации;

3) размещения информации о деятельности судов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

4) размещения информации о деятельности судов в занимаемых судами помещениях;

5) ознакомления с информацией о деятельности судов, находящейся в архивных фондах;

6) предоставления гражданам информации о деятельности судов по их запросу.

Сама форма предоставления такой информации предусматривается законодательством РФ. В частности, закон устанавливает, что информация о деятельности судов может предоставляться двумя способами: в устной форме; в виде документированной информации, в том числе в виде электронного документа. Рассмотрим их подробнее.

1. В устной форме информация о деятельности судов предоставляется гражданам во время приема. Она может предоставляться по сетям связи общего пользования, а также по телефонам соответствующих структурных подразделений аппаратов судов.

2. Пользователь также вправе обратиться в судебные органы с запросом о предоставлении информации. В запросе указываются почтовый адрес, номер телефона и (или) факса либо адрес электронной почты для направления ответа на запрос или уточнения содержания запроса, а также фамилия, имя и отчество гражданина (физического лица) либо наименование организации (юридического лица), общественного объединения, органа государственной власти, органа местного самоуправления, запрашивающих информацию о деятельности судов. Анонимные запросы не рассматриваются. В запросе, составленном в письменной форме, указывается также наименование соответствующего суда или органа судебского сообщества, в которые он направляется, либо фамилия и инициалы или должность соответствующего должностного лица.

Отправленный запрос подлежит регистрации и рассмотрению в тридцатидневный срок со дня его регистрации. В случае, если предоставление запрашиваемой информации невозможно в указанный срок, в течение семи дней со дня регистрации запроса гражданин (организация) уведомляется об отсрочке ответа на запрос с указанием ее причины и срока предоставления запрашиваемой информации, который не может превышать пятнадцать дней сверх установленного тридцатидневного срока для ответа на запрос. Если запрос не относится к деятельности данного суда, то об этом в течение семи дней со дня регистрации запроса сообщается лицу, его направившему. В этом случае возможна также переадресация запроса. В целях предоставления пользователю достоверной информации суды также имеют право уточнять его содержание. Указанные требования к запросу в письменной форме и ответу на него применяются также к запросу, поступившему в суд по сети Интернет (ст. 18 Закона).

При запросе информации о деятельности судов, опубликованной в СМИ либо размещенной в сети Интернет, в ответе на запрос суд может ограничиться указанием названия, даты выхода и номера средства массовой информации, в котором опубликована запрашиваемая информация, и (или) электронного адреса официального сайта, на котором размещена запрашиваемая информация.

В случае, если запрашиваемая информация о деятельности судов относится к информации ограниченного доступа, в ответе на запрос указываются вид, наименование, номер и дата принятия акта, в соответствии с которым доступ к этой информации ограничен. Если часть запрашиваемой информации относится к информации ограниченного доступа, а остальная информация является общедоступной, запрашиваемая информация предоставляется, за исключением информации ограниченного доступа.

Информация о деятельности судов предоставляется бесплатно, если иное не установлено законодательством РФ.

В законе также приведены основания, исключающие возможность предоставления информации о деятельности судов. Это происходит в случаях, если:

1) содержание запроса не позволяет установить запрашиваемую информацию о деятельности судов;

2) в запросе не указаны почтовый адрес, адрес электронной почты или номер факса для направления ответа на запрос либо номер телефона, по которому можно связаться с направившим запрос лицом;

3) запрашиваемая информация не относится к деятельности судебных органов;

4) запрашиваемая информация относится к информации ограниченного доступа;

5) запрашиваемая информация является вмешательством в осуществление правосудия;

6) предоставление такой информации не позволяет обеспечивать безопасность участников судебного разбирательства;

7) запрашиваемая информация ранее уже предоставлялась данному лицу;

8) в запросе ставится вопрос о толковании нормы права, разъяснении ее применения или правовой оценке судебных актов, выработке определенной правовой позиции, проведении анализа судебной практики или выполнении иной аналитической работы, непосредственно не связанной с защитой прав направившего запрос лица.

Кроме того, суды имеют право не предоставлять информацию о своей деятельности, если эта информация опубликована в средствах массовой информации или размещена на официальных сайтах судебных органов.

Доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления регламентирован Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 г., который устанавливает в регулировании отношений по доступу к такой информации приоритет норм международного законодательства (ст. 3 Закона).

Доступ к подобной информации обеспечивается путем:

1) обнародования (опубликования) государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в средствах массовой информации;

2) размещения государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в сети Интернет;

3) размещения государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в помещениях, занимаемых указанными органами, и в иных отведенных для этих целей местах;

4) ознакомления всех заинтересованных лиц с информацией о деятельности этих органов в указанных помещениях, а также через библиотечные и архивные фонды;

5) присутствия граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц) на заседаниях коллегиальных государственных органов и коллегиальных органов местного самоуправления;

6) предоставления информации о деятельности этих органов по запросу;

7) другими способами, предусмотренными законодательством.

Доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления может быть ограничен в случаях, если указанная информация отнесена в установленном порядке к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну. Перечень таких сведений, относящихся к информации ограниченного доступа, устанавливается федеральным законом.

Форма предоставления информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления совпадает с формой предоставления информации о деятельности судов в РФ.

Запрос информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Гражданин (физическое лицо) имеет право на получение необходимой информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы от государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством РФ.

Юридическое лицо (организация) имеет право на получение от государственных органов, органов местного самоуправления информации, непосредственно касающейся ее прав и обязанностей, а также информации, необходимой в связи с взаимодействием с указанными органами при осуществлении этой организацией своей уставной деятельности.

Для этих целей они вправе обращаться в эти органы с запросом как непосредственно, так и через своего представителя.

При составлении запроса используется государственный язык Российской Федерации. Использование при составлении запроса в государственный орган или орган местного самоуправления республики в составе Российской Федерации государственного языка этой республики определяется законодательством данной республики. В случае поступления в государственный орган или орган местного самоуправления запроса, составленного на иностранном языке, этот запрос может быть рассмотрен в порядке, установленном соответствующим органом.

Запрос, составленный в письменной форме, подлежит регистрации в течение трех дней со дня его поступления в государственный орган, орган местного самоуправления. Устный запрос (например, по телефону) подлежит регистрации в день его поступления с указанием даты и времени поступления. Обычно он подлежит рассмотрению в тридцатидневный срок со дня

его регистрации. Уведомление об отсрочке ответа на запрос информации осуществляется в том же порядке и в те же сроки, что и в отношении запросов информации, направленных в судебные органы.

Если же обращение не относится к деятельности государственного органа или органа местного самоуправления, в которые он направлен, то в течение семи дней со дня регистрации запроса оно направляется в государственный орган или орган местного самоуправления, к полномочиям которых отнесено предоставление запрашиваемой информации. О переадресации запроса в этот же срок сообщается направившему запрос пользователю информацией.

Государственные органы, органы местного самоуправления вправе уточнять содержание запроса в целях предоставления пользователю более объективной и точной информации.

Данные требования имеют применение также к запросу, поступившему в эти органы по сети Интернет, а также к ответу на такой запрос. Ответ на запрос подлежит обязательной регистрации государственным органом, органом местного самоуправления.

Информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления за малым исключением не представляется в тех же случаях, что были перечислены в отношении запросов, направляемых в судебные органы.

На бесплатной основе пользователю предоставляется информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: передаваемая в устной форме; размещаемая этими органами в сети Интернет, а также в отведенных для размещения информации об их деятельности местах; затрагивающая права и установленные законодательством РФ обязанности заинтересованного пользователя информацией, а также в других случаях.

Плата за предоставление информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления взимается в случае ее предоставления по запросу, когда объем запрашиваемой и полученной информации превышает определенный Правительством РФ объем информации, предоставляемой на бесплатной основе. В некоторых случаях лицами, нуждающимися в информации, оплачиваются расходы на изготовление копий запрашиваемых ими документов и (или) материалов, а также расходы, связанные с пересылкой их по почте.

Право на доступ к экологической информации вытекает из ст. 42 Конституции РФ и состоит в возможности получения достоверной, быстрой, своевременной и полной информации о состоянии окружающей среды и природных ресурсов у органов государственной власти и подчиненных им юридических лиц. Таким образом, государство гарантирует право на доступ, получение и распространение экологической информации всем гражданам.

Причем под экологической информацией нами понимаются любые сообщения о состоянии вод, атмосферы, почвы, живых организмов и экосистем и их изменениях, о деятельности, факторах и мерах, которые оказывают или могут оказать воздействие на них, а также о запланированной или осуществляемой деятельности по использованию природных ресурсов и последствиях

этого для окружающей среды, включая данные, необходимые для оценки этих последствий для окружающей среды и населения.

Государство обязано публиковать информацию о состоянии окружающей среды, а также данные о планируемых общегосударственных и региональных проектах, программах развития отраслей экономики, затрагивающих состояние окружающей среды. Сведения о проектах местного значения, которые могут потенциально ухудшить состояние окружающей среды, в обязательном порядке публикуются в печати заблаговременно до их официального утверждения.

Государство публикует международные договоры и соглашения, резолюции и рекомендации международных конференций по проблемам окружающей среды, участником которых оно является. Оно обязано поддерживать деятельность физических и юридических лиц, в том числе общественных объединений, направленную на распространение информации о состоянии окружающей среды.

Экологическая информация может быть выражена в любых формах.

Обеспечение доступа к экологической информации означает возможность передачи этой информации гражданам в любой форме (устной, письменной и др.), а также предоставление им возможности поиска этой информации путем просмотра документов и получения их копий либо отсылки к опубликованным материалам.

Следует отметить, что доступ к экологической информации является неотъемлемым и безусловным правом граждан вне зависимости от срока давности по отношению к фактам, служащим основанием для получения требуемой информации. Поэтому граждане вправе беспрепятственно обращаться к соответствующим органам для ее получения.

Экологическая информация подразделяется на общедоступную и специальную. Общедоступной экологической информацией является вся экологическая информация, за исключением отнесенной к специальной экологической информации.

Специальной экологической информацией являются данные, имеющие ограниченный оборот в силу их связи с обороной и национальной безопасностью государства.

Поэтому государство вправе отказать лицу в доступе к экологической информации, если она затрагивает:

- а) интересы национальной безопасности;
- б) вопросы, которые находятся на рассмотрении судебных органов или органов следствия;
- в) коммерческую и иную тайну, включая вопросы защиты интеллектуальной собственности;
- г) конфиденциальность личных данных и/или данных национальной паспортной системы, архивов;
- д) данные, разглашение содержания которых может повлечь за собой угрозу окружающей среде.

Государство вправе отказать в предоставлении экологической информации, когда запрос на получение такой информации сформулирован в слишком общем виде либо в откровенно провокационной форме.

В предоставлении экологической информации может быть отказано и в случае, если ее предоставление потребует специальных исследований, трудоемких подсчетов, аналитической работы.

Экологическая информация, в том числе хранящаяся в государственных архивах, предоставляется заинтересованным лицам бесплатно или за плату, не превышающую себестоимости копирования, поиска и подготовки информации, в форме, в которой она хранится, либо в иной приемлемой форме.

Предоставление экологической информации может осуществляться как по разовым запросам, так и на основании долгосрочных договоров.

Обращение о доступе к материалам, содержащим экологическую информацию, а равно запрос на получение экологической информации должны быть сделаны письменно, без обязательного объяснения причин такого обращения.

Запрос должен быть сформулирован ясным и полным образом, как можно точнее, чтобы найти материалы (документы), имеющие отношение к делу. При этом заявитель должен оставить достаточные сведения о себе для его идентификации и направления ответа на такое обращение. В запросе следует указать приемлемые форму и способ получения экологической информации.

Обращение о доступе к материалам, содержащим экологическую информацию и запросы на получение экологической информации, направляются: а) в центральные и местные органы государственной власти и управления — по общедоступной информации;

б) в центральные отраслевые органы управления (министерства, департаменты, ведомства) — по общедоступной и специальной экологической информации.

Таковыми органами в РФ выступают Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) и ее структурные подразделения (например, межрегиональные территориальные органы управления Росгидромета, центры по мониторингу загрязнения окружающей среды и др.). Центральным органом исполнительной власти, осуществляющим защитные мероприятия, надзор и координацию в этой области, выступает Министерство природных ресурсов и экологии РФ (Минприроды России).

При этом допускается направление обращений и запросов на экологическую информацию одновременно в различные органы государственной власти и управления.

Решение по обращениям и запросам по экологической информации принимает руководитель или специальное должностное лицо органа государственной власти, ответственное за ведение информационного экологического регистра в данном органе, в течение не более одного месяца со дня регистрации обращения или запроса. В случае, если особые обстоятельства, связанные с подготовкой ответа, требуют более продолжительного периода, чем 30 дней, он может быть продлен, но не более чем на 30 дней, при этом такие обстоятельства и информация о продлении срока должны быть сообщены заявителю до истечения первого 30-дневного срока.

Общедоступная экологическая информация доводится до сведения граждан органами государственной власти и управления (в пределах своей компетенции) регулярно через средства массовой информации.

Такая информация в нашей стране обобщается Минприроды России в срок не позднее одного месяца по истечении каждого календарного года и обнаружится через СМИ в виде национального доклада «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации». Данный доклад должен быть опубликован не позднее шести месяцев по истечении каждого календарного года (ежегодно к 1 июля). Специальная экологическая информация может быть получена по запросам заинтересованных лиц и с согласия соответствующих органов государственной власти и управления. Экологическая информация, неразглашение или несвоевременное разглашение которой может привести к ущербу здоровью населения или существенным нарушениям состояния и функционирования экосистем, подлежит немедленному обнаружению через средства массовой информации.

§ 2. Отношения в сфере международного информационного обмена

Международное сотрудничество в области информационного обмена — одна из важнейших составляющих государственной политики в информационной сфере, непереносимое условие формирования международного информационного пространства как основы создания глобального информационного общества. Сегодня Россия активно участвует в рамках СНГ, ЕвроАзЭС, Европейского сообщества в работе различных международных организаций.

Одними из основных направлений реализации Стратегии развития информационного общества в России¹ является: участие в международном информационном обмене; формирование системы международной информационной безопасности, совершенствование взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации и иностранных государств в области предупреждения, выявления, пресечения и ликвидации последствий использования информационных и телекоммуникационных технологий в террористических и иных преступных целях; участие в разработке международных стандартов в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, гармонизация национальной системы стандартов и сертификации в этой сфере с международной системой.

Все мы помним, что одним из первых законов информационного законодательства был Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене»². Целью данного Федерального закона было создание условий для эффективного участия России в международном информационном обмене в рамках единого мирового информационного пространства, защита интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при международном информационном обмене, защита интересов, прав и свобод физических и юридических лиц при международном информационном обмене. Однако с изменением и закреп-

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // РГ. 2008. № 34. 16 февр.

² Федеральный закон от 4 июля 1996 г. «Об участии в международном информационном обмене» // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3347.

плением в информационном законодательстве нового содержания правового режима информации данный закон утратил силу.

Сегодня общие вопросы информационной открытости освещены в Окинавской хартии глобального информационного общества, Стратегии развития информационного общества в России, Модельном законе о международном информационном обмене, принятом на 19 заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ. А правовые нормы, регулирующие отношения в области международного информационного обмена, разбросаны по отдельным нормативным актам. Очевидно, что приведение указанных норм в целостную систему невозможно без разработки единой концепции международного информационного обмена.

Сегодня в нормах федеральных законов, касающихся международного информационного обмена, речь идет о международном сотрудничестве на основе соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права. Основные общепризнанные принципы международного права являются императивными и имеют универсальный характер в любых международных отношениях. Они закреплены в уставе ООН, в Декларации о принципах международного права: принцип уважения прав и основных свобод человека, принцип сотрудничества между государствами; принцип добросовестного выполнения международных обязательств и др. Однако очевидно, что специфику правового регулирования информационных отношений должны определять специальные принципы, которые и надлежит разработать в рамках концепции международного информационного обмена.

Учитывая особенности международного информационного обмена, в зависимости от содержания можно выделить несколько групп специальных принципов международного информационного обмена:

1) системообразующие принципы международного информационного обмена: комплексность правового воздействия на отношения в сфере международного информационного обмена путем сочетания экономических, организационно-административных и общественно-политических механизмов, позволяющих целенаправленно мотивировать деятельность субъектов на достижение целей международного информационного обмена; обеспечение свободы получения и распространения информации для всех субъектов информационных отношений; установление баланса прав и законных интересов человека, общества и государства в сфере международного информационного обмена;

2) принципы, связанные с правом любого человека на доступ к информации: обеспечение доступности, достоверности, полноты и своевременности информации, ограничение доступа к информации исключительно на основании закона;

3) принципы, связанные с обеспечением информационной безопасности субъектов международного информационного обмена.

Другой важной задачей является определение субъектов международного информационного обмена и закрепление в законодательстве их правового статуса.

До настоящего времени российским ведомством, обладающим необходимой компетенцией в решении вопросов, связанных с развитием телекоммуни-

каций, информационной инфраструктуры, универсальных информационных услуг, является Министерство связи и массовых коммуникаций РФ, которое представляет интересы России, в установленном порядке взаимодействуя с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями в сфере информационного обмена. В то же время области интересов нашего государства гораздо шире интересов одного ведомства. Сегодня отсутствует всеобъемлющая концепция участия России в деятельности международных организаций в сфере международного информационного обмена, которая отражает интересы всех заинтересованных государственных ведомств и организаций, частных компаний, организаций и граждан, и которая лежала бы в основе реализации механизмов межведомственной координации международного сотрудничества в области развития информационного общества.

Решение этих и многих других вопросов невозможно без разработки единой концепции международного информационного обмена и на ее основе создания правового обеспечения международного сотрудничества и участия России в деятельности международных организаций в информационной сфере.

§ 3. Отношения в сфере связи

Российская инфраструктура связи: виды связи, принципы ее функционирования. Современный этап развития технологий характеризуется тем, что информационные потоки беспрепятственно преодолевают государственные границы, свободно циркулируют в информационном пространстве, значительно расширившемся за счет совершенствования вычислительной техники. «Ускорению разрушения остатков протекционистских барьеров служат миллионы километров волоконно-оптических кабелей, связывающие между собой компьютеры, факсимильные аппараты, телефоны и локальные сети по всему миру. Эта быстро развивающаяся глобальная телекоммуникационная система служит основой процветания глобального рынка»¹.

Сегодня возросли возможности сбора, обработки, хранения и передачи информации, а также доступа к ней. Вполне объективно можно говорить об увеличении воздействующего характера информации на развитие различных сфер человеческой деятельности. Налицо и новые формы коммуникационного обмена между социальными субъектами: развитие новых информационных технологий, мультимедийных средств, а также технологий доставки информации. Таким образом, современный социум можно определить как общество, где происходит постоянное умножение, ускорение, уплотнение и глобализация информационных обменов. Все это дает основание говорить об открытии еще одной страницы в истории публичных коммуникаций, предполагающих активный процесс информационного обмена².

¹ Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. С. 473.

² Об этом см. подробнее: Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб., 2001.

Современные экономические, культурные и политические отношения невозможны без индустрии связи. В этой сфере с каждым годом обостряется конкуренция, а операторы для достижения максимальной финансовой стабильности бизнеса ориентируются на предоставление как можно более полного комплекса услуг.

Россия все больше интегрируется в мировое сообщество, что побуждает ее развивать собственную инфраструктуру связи в рамках общемировых тенденций. Мы стремительно приближаемся к ситуации, когда сетевые и мобильные (беспроводные) устройства, способные работать круглые сутки, для многих людей станут главным средством общения с внешним миром. В ближайшие годы основными движущими силами на этом рынке, одним из условий успешного развития которого по-прежнему является необходимость расширения полос частот, улучшение качества предоставляемых услуг связи и приток инвестиций, останутся телерадиовещание, Интернет и мультимедийные услуги.

На сегодняшний день основной задачей является принятие в области связи и информатизации комплексных законодательных актов, которыми должны быть федеральные законы. Однако удельный вес подзаконных актов в данной сфере чрезвычайно велик, а в самих актах ведомственного нормотворчества нередко встречаются грубые нарушения федерального законодательства, противоречия и отсутствие четкой структуры и взаимосвязи. Среди базовых законов в области связи ведущее место занимает Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи». Целями данного документа являются:

- создание необходимых условий для оказания услуг связи на всей территории страны;
- содействие внедрению перспективных технологий и стандартов;
- защита интересов пользователей услугами связи и осуществляющих деятельность в области связи хозяйствующих субъектов;
- обеспечение эффективной и добросовестной конкуренции на рынке услуг связи;
- создание условий для развития российской инфраструктуры связи, обеспечения ее интеграции с международными сетями связи;
- обеспечение централизованного управления российскими радиочастотным ресурсом, в том числе орбитально-частотным, и ресурсом нумерации;
- создание условий для обеспечения потребностей в связи для нужд органов государственной власти, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка.

К сожалению, указанный закон не дает нам предельно точного определения связи, имевшего место в ранее действовавшем Федеральном законе от 16 февраля 1995 г. № 15-ФЗ «О связи», согласно которому под связью понималась неотъемлемая часть производственной и социальной инфраструктуры РФ, функционирующей на ее территории как взаимоувязанный производственно-хозяйственный комплекс, предназначенный для удовлетворения нужд граждан, органов государственной власти, обороны, безопасности, охраны правопорядка в РФ, физических и юридических лиц в услугах электрической и почтовой связи.

Важными законодательными актами, регулирующими отношения в области связи и массовых коммуникаций, являются Федеральные законы от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» и от 17 декабря 1994 г. № 67-ФЗ «О федеральной фельдъегерской связи», Положение о президентской связи, утвержденное Указом Президента РФ от 8 июля 2003 г. № 759, и др.

Важнейшими принципами работы инфраструктуры связи являются:

— законность и равенство возможностей в предоставлении услуг связи на территории РФ;

— доступность универсальных услуг связи; например, согласно ст. 57 Федерального закона «О связи», время, в течение которого пользователь услугами связи достигает таксофона без использования транспортного средства, не должно превышать один час. В каждом поселении должен быть установлен не менее чем один таксофон с обеспечением бесплатного доступа к экстренным оперативным службам. В поселениях с населением не менее чем пятьсот человек должен быть создан не менее чем один пункт коллективного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

— свобода транзита массовой информации по каналам связи;

— устойчивость и управляемость подсистем связи, а также единство предъявляемых требований к субъектам информационной и предпринимательской деятельности, осуществляемой с использованием инфраструктуры связи;

— обеспечение тайны связи, представляющей собой определенный режим доступа к информации, не подлежащей разглашению без согласия пользователя услуг, реализуемое путем принятия специальных мер организационного, правового, технического характера, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи и электросвязи. Обязанность тайны связи относится не только к деятельности операторов доступа и должностных лиц государственных органов, но касается также и обычных граждан.

Деятельность субъектов информационного права в данной сфере состоит в качественном осуществлении услуг связи, представляющих собой деятельность по приему, обработке, хранению, передаче, доставке сообщений электросвязи или почтовых отправок и выполнении работ по обслуживанию конечных потребителей.

Согласно ст. 44 Федерального закона «О связи» на территории РФ данные услуги оказываются операторами связи конечным потребителям на основании договоров об оказании услуг связи, заключаемых в соответствии с гражданским законодательством и правилами оказания услуг связи.

Основными подвидами связи выступают почтовая связь и электросвязь.

Согласно ст. 2 Федерального закона «О почтовой связи» *почтовая связь* — это вид связи, представляющий собой единый производственно-технологический комплекс технических и транспортных средств, обеспечивающий прием, обработку, перевозку, доставку (вручение) почтовых отправок, а также осуществление почтовых переводов денежных средств.

Электросвязь — это любое излучение, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам.

Согласно ст. 11 Федерального закона «О связи» систему федеральной (централизованной) связи образуют все организации и государственные органы, осуществляющие и обеспечивающие электросвязь и почтовую связь на территории РФ. Материально-техническую основу федеральной связи составляют единая сеть электросвязи РФ и сеть почтовой связи РФ.

В соответствии со ст. 71 Конституции РФ информация и федеральная связь отнесены к ведению Российской Федерации, поэтому в нашей стране осуществляется централизованное регулирование данного вида отношений. Рассмотрим подробнее почтовую связь и электросвязь.

Почтовая связь в нашей стране выступает неотъемлемым элементом социальной инфраструктуры общества. Она содействует укреплению социально-политического единства РФ, осуществляется государственными унитарными предприятиями и государственными учреждениями почтовой связи, иными операторами почтовой связи и предназначается для оказания услуг почтовой связи гражданам, органам государственной власти РФ и ее субъектам, органам местного самоуправления и юридическим лицам. Благодаря работе данного вида связи создается единая почтовая территория, т. е. территория, где действуют единые нормы и правила, устанавливающие общую систему индексации объектов почтовой связи, единый порядок оформления, обработки и направления всех видов почтовых отправлений.

Услуги почтовой связи представляют собой деятельность (совокупность действий) по приему, обработке, перевозке, доставке (вручению) почтовых отправок, а также по осуществлению почтовых переводов денежных средств.

Данные услуги оказываются операторами почтовой связи на договорной основе. По договору оказания услуг почтовой связи оператор обязуется по заданию отправителя переслать вверенное ему почтовое отправление или осуществить почтовый перевод денежных средств по указанному отправителем адресу и доставить (вручить) их адресату. Пользователь услуг почтовой связи обязан оплатить оказанные ему услуги.

Согласно абз. 2 ст. 16 Федерального закона «О почтовой связи» операторы почтовой связи обязаны обеспечить пересылку письменной корреспонденции пользователям услуг почтовой связи в контрольные сроки. Нормативы частоты сбора письменной корреспонденции из почтовых ящиков, нормативы ее обмена, перевозки и доставки, а также контрольные сроки ее пересылки разрабатываются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим управление деятельностью в области почтовой связи, и утверждены постановлением Правительства РФ от 24 марта 2006 г. № 160. Сроки оказания иных услуг устанавливаются операторами почтовой связи самостоятельно.

Взаимоотношения пользователей и операторов почтовой связи общего пользования при заключении и исполнении договора об оказании услуг почтовой связи, а также права и обязанности операторов и пользователей регламентированы Правилами оказания услуг почтовой связи, утвержденными постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2005 г. № 221.

Выделяют несколько видов почтовой связи. В соответствии со ст. 9 Федерального закона «О почтовой связи» в Российской Федерации действуют:

- почтовая связь общего пользования, осуществляемая государственными и иными организациями почтовой связи;
- специальная связь федерального органа исполнительной власти в области связи;
- федеральная фельдъегерская связь;
- фельдъегерско-почтовая связь федерального органа исполнительной власти в области обороны.

Основу почтовой связи составляют сети, средства и операторы почтовой связи.

Сети почтовой связи представляют собой совокупность объектов почтовой связи и почтовых маршрутов, операторов почтовой связи, обеспечивающих прием, обработку, перевозку (передачу), доставку (вручение) почтовых отправок, а также осуществление почтовых переводов денежных средств.

К средствам почтовой связи относятся здания, сооружения, нежилые помещения, оборудование и почтовый транспорт, почтовые конверты и почтовые карточки, почтовая тара, используемые для оказания услуг почтовой связи.

Операторами почтовой связи являются организации почтовой связи и индивидуальные предприниматели, имеющие право на оказание услуг почтовой связи. Указанные лица осуществляют деятельность по оказанию услуг почтовой связи на основании лицензий, получаемых в соответствии с гл. 6 Федерального закона «О связи». Лицензия является разрешением на осуществление совокупности операций, составляющих единый производственно-технологический процесс оказания услуг почтовой связи, в том числе прием, обработку, перевозку и доставку (вручение) почтовых отправок, а также перевозку работников, сопровождающих почтовые отправления. Дополнительное лицензирование операций, составляющих единый производственно-технологический процесс оказания услуг почтовой связи, в качестве самостоятельных видов деятельности не допускается.

Федеральная фельдъегерская связь, действующая на территории страны, входит в систему почтовой связи и обеспечивается федеральным органом исполнительной власти, который является составной частью сил и средств обеспечения безопасности страны. Таким органом является ГФС России, положение о которой утверждено Указом Президента РФ от 13 августа 2004 г. № 1074 «Вопросы Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации».

Регулирование отношений по оказанию услуг этого вида связи устанавливает Федеральный закон «О федеральной фельдъегерской связи», определяющий основные принципы, задачи и порядок деятельности этой службы.

Федеральная фельдъегерская связь строится на основе принципов законности; гарантированной сохранности и оперативности при доставке корреспонденции; организационного единства системы органов федеральной фельдъегерской связи; охраны государственной тайны, а также иных охраняемых законом сведений; единоначалия и персональной ответственности за порученный участок работы; подконтрольности и поднадзорности органов и должностных лиц федеральной фельдъегерской связи.

В соответствии с Федеральным законом «О фельдъегерской связи» основными задачами органов федеральной фельдъегерской связи являются:

1) доставка в города федерального значения, столицы и административные центры субъектов РФ и обратно, столицы государств-участников Соглашения о Межправительственной фельдъегерской связи отправок особой важности, совершенно секретных, секретных и иных служебных отправок: Президента РФ, органов законодательной, исполнительной и судебной власти РФ; органов законодательной (представительной), исполнительной и судебной власти субъектов РФ и в случаях, предусмотренных решениями Правительства РФ, органов местного самоуправления; членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ; депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ; иных органов согласно перечню, утверждаемому Президентом РФ;

2) доставка за пределы территории Российской Федерации корреспонденции, а также технической документации и образцов промышленных изделий по решениям Президента РФ и Правительства РФ;

3) доставка корреспонденции глав государств и глав правительств, органов государственной власти государств — участников Соглашения о Межправительственной фельдъегерской связи;

4) доставка корреспонденции рабочих органов СНГ, расположенных на территории Российской Федерации.

Федеральные органы исполнительной власти, перечень которых устанавливается Правительством РФ, и их территориальные органы обязаны оказывать органам федеральной фельдъегерской связи в пределах своих полномочий содействие в организации оперативной доставки корреспонденции и обеспечении условий ее гарантированной сохранности, а также помощь сотрудникам органов федеральной фельдъегерской связи при исполнении ими своих обязанностей по перевозке корреспонденции.

Порядок оказания такого содействия определяется совместными решениями федерального органа исполнительной власти, осуществляющего специальные функции в сфере обеспечения федеральной фельдъегерской связи в Российской Федерации, и иных соответствующих федеральных органов исполнительной власти РФ.

Органы федеральной фельдъегерской связи решают поставленные перед ними задачи во взаимодействии с организациями, подведомственными федеральным органам исполнительной власти.

Органам федеральной фельдъегерской связи для решения поставленных перед ними задач предоставляется право:

— устанавливать порядок приема и доставки корреспонденции, предельные нормы, а также тарифы на услуги федеральной фельдъегерской связи;

— перевозить по установленным на транспорте тарифам корреспонденцию и сопровождающих ее сотрудников по действующим маршрутам железнодорожного, морского, речного, воздушного и автомобильного транспорта. Корреспонденция лиц и органов государственной власти является неприкосновенной и не подлежит досмотру и задержанию;

— использовать на договорной основе изолированные помещения организаций независимо от форм собственности, осуществляющих деятельность в области транспорта, в аэропортах, на железнодорожных, морских и речных вокзалах для временного размещения корреспонденции и сопровождающих ее сотрудников;

— приобретать вне очереди проездные документы на все виды транспорта с оплатой по установленным на транспорте тарифам. Посадка вооруженных лиц начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи на воздушные, морские, речные суда и на поезда осуществляется до начала общей посадки пассажиров;

— использовать средства связи, принадлежащие организациям РФ, для обеспечения доставки и сохранности корреспонденции при чрезвычайных ситуациях. Органы федеральной фельдъегерской связи по требованию владельцев средств связи возмещают расходы, понесенные владельцами в таких случаях;

— разрешать лицам начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи при исполнении служебных обязанностей применять физическую силу, а также хранить, носить и применять специальные средства, боевое ручное стрелковое и холодное оружие;

— вести строительство или арендовать необходимые для решения поставленных перед ними задач помещения или строения на территории Российской Федерации. Органы государственной власти субъектов РФ обязаны оказывать содействие в размещении территориальных органов федеральной фельдъегерской связи;

— использовать автомобили без нанесения каких-либо отличительных надписей и специальной цветографической окраски, оснащенные проблесковыми маячками синего цвета, специальными звуковыми сигналами и средствами связи. Автомобили органов федеральной фельдъегерской связи относятся к категории «специальные» и не могут быть использованы в интересах других органов и организаций без их согласия. Проезд транспортных средств, принадлежащих органам федеральной фельдъегерской связи, к местам доставки корреспонденции, технической документации и образцов промышленных изделий, а также к местам стоянки воздушных, морских, речных судов и поездов осуществляется в первоочередном порядке и безвозмездно;

— вести на договорной основе работу по доставке корреспонденции организаций по решению Правительства РФ.

Органы федеральной фельдъегерской связи в соответствии с поставленными перед ней задачами обязаны:

— организовывать и обеспечивать доставку корреспонденции лиц и органов, определенных Законом;

— устанавливать и совершенствовать сеть постоянно действующих, а при необходимости и специальных фельдъегерских маршрутов, обеспечивающих оперативную доставку корреспонденции;

— осуществлять мероприятия по охране доставляемой корреспонденции, вплоть до ее уничтожения, когда отсутствует возможность обеспечить ее сохранность;

- обеспечивать в своей деятельности сохранность государственной тайны и иных охраняемых законом сведений;
- обеспечивать мобилизационную готовность органов федеральной фельдъегерской связи для работы в военное время и в чрезвычайных ситуациях;
- взаимодействовать в пределах своей компетенции с аналогичными органами государств — участников Соглашения о Межправительственной фельдъегерской связи;
- проводить профессиональную подготовку сотрудников федеральной фельдъегерской связи;
- осуществлять меры по обеспечению личной безопасности и соблюдению правил оборота оружия;
- заключать в соответствии с законодательством РФ государственные и муниципальные контракты, а также гражданско-правовые договоры на доставку корреспонденции.

Президентская и правительственная специальная связь.

Под президентской связью понимается специальная электрическая связь, предназначенная для обеспечения осуществления Президентом РФ своих конституционных полномочий. Предназначение президентской связи, ее виды и порядок предоставления определяются Положением о президентской связи, которым устанавливаются основные гарантии безопасности, надежности и бесперебойности абонентам президентской связи (лицам, занимающим государственные должности РФ, государственные должности федеральной, государственной службы и воинские должности). Услуги этой системы специальной связи осуществляет ФСО России во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти в области связи, органами связи иных федеральных органов исполнительной власти и операторами связи в соответствии с федеральным законодательством.

Федеральные органы исполнительной власти в области связи, органы связи иных федеральных органов исполнительной власти и операторы связи независимо от формы собственности обеспечивают первоочередное предоставление услуг связи для обеспечения нужд президентской связи и принимают неотложные меры по замене или восстановлению каналов связи в случае их повреждения.

Существуют следующие виды президентской связи:

- шифрованная, конфиденциальная и открытая телефонная связь, в том числе прямая международная шифрованная и открытая телефонная связь с главами государств и главами правительств зарубежных государств, установивших на основе межправительственных соглашений такую связь с Российской Федерацией;
- шифрованная документальная связь, в том числе прямая международная шифрованная документальная связь с резиденциями глав государств и глав правительств зарубежных государств, установивших на основе межправительственных соглашений такую связь с Российской Федерацией.

Следует отметить, что вопросами функционирования и обеспечения безопасности правительственной связи занималось Федеральное агентство

правительственной связи и информации при Президенте РФ (ФАПСИ), которое Указом Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 308 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» с 1 июля 2003 г. было упразднено и его функции переданы ФСБ России, СВР России и Службе специальной связи и информации при ФСО России.

Видами правительственной связи, действующими на территории РФ, являются телефонная и документальная шифрованная.

Общие положения о работе электросвязи. Базовыми принципами функционирования электросвязи являются принцип координации, конвергенции предоставляемых услуг и сетевой принцип построения самой инфраструктуры этого вида связи. В РФ действует слаженная система электросвязи, обеспечивающая передачу информации любого типа по рассредоточенным сетям линий связи (опорным, региональным, ведомственным) в любые точки страны с возможностью выхода на международные сети связи. Эта система составляет единую сеть электросвязи РФ.

Согласно ст. 12 Федерального закона «О связи» единая сеть электросвязи РФ состоит из расположенных на территории РФ сетей электросвязи следующих категорий:

- сетей связи общего пользования;
- выделенных сетей связи;
- технологических сетей связи, присоединенных к сети связи общего пользования;
- сетей связи специального назначения и других сетей связи для передачи информации при помощи электромагнитных систем.

При этом под сетью электросвязи понимается технологическая система, включающая в себя средства и линии связи.

В свою очередь средства электросвязи — это технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи, а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сети связи.

Линии связи представляют собой устройства передачи, физические цепи и линейно-кабельные сооружения связи.

Сеть связи общего пользования — это единая технологическая система, которая имеет присоединение к сетям связи общего пользования иностранных государств.

Выделенные сети связи — сети электросвязи, предназначенные для возмездного оказания услуг электросвязи ограниченному кругу пользователей либо группам таких пользователей.

Выделенные сети связи не имеют присоединения к сети связи общего пользования, а также к сетям связи общего пользования иностранных государств, хотя могут взаимодействовать между собой.

Оказание услуг связи операторами выделенных сетей связи осуществляется на основании соответствующих лицензий в пределах указанных в них

территорий и с использованием нумерации, присвоенной каждой выделенной сети связи в порядке, установленном Министерством информационных технологий и связи РФ (ныне Минкомсвязи России).

Присоединение одной сети электросвязи к другой и их взаимодействие осуществляются согласно ст. 18 Федерального закона «О связи» на основании заключенных операторами связи соответствующих договоров. Операторы связи общего пользования на основании договоров о присоединении сетей обязаны оказывать услуги присоединения иным операторам связи в соответствии с Правилами присоединения сетей электросвязи и их взаимодействия, утвержденными постановлением Правительства РФ от 28 марта 2005 г. № 161. Требования к содержанию договоров присоединения сформулированы в общем виде в п. 3 ст. 18 и п. 1 ст. 19 Федерального закона «О связи».

Оператор, занимающий существенное положение в сети связи общего пользования, обязан устанавливать равные условия присоединения сетей и пропуска трафика для операторов связи, оказывающих аналогичные услуги, а также предоставлять информацию и оказывать этим операторам связи услуги присоединения и услуги по пропуску трафика на тех же условиях и того же качества, что и для своих структурных подразделений и (или) аффилированных лиц.

Технологические сети связи предназначены для обеспечения производственной деятельности организаций, управления технологическими процессами в производстве. Технологии и средства связи, применяемые для создания технологических сетей связи, а также принципы их построения устанавливаются собственниками или иными владельцами этих сетей.

Согласно п. 2 ст. 15 Федерального закона «О связи» при наличии свободных ресурсов технологической сети связи часть этой сети может быть присоединена к сети связи общего пользования для возмездного оказания услуг связи любому пользователю на основании соответствующей лицензии.

Технологические сети связи могут быть присоединены к аналогичным сетям иностранных организаций только для обеспечения единого технологического цикла.

В соответствии со ст. 16 Федерального закона «О связи» сети связи специального назначения необходимы для нужд органов государственной власти, нужд обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Они не могут использоваться для возмездного оказания услуг связи, если иное не предусмотрено законодательством РФ. Связь для нужд органов государственной власти, нужд обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка осуществляется в порядке, определенном законодательством РФ, ее обеспечение является расходным обязательством Российской Федерации.

Подтверждение соответствия средств связи осуществляется посредством их обязательной сертификации или принятия декларации о соответствии (ст. 41–43 Федерального закона «О связи»). Перечень средств связи, подлежащих обязательной сертификации, утвержден постановлением Правитель-

ства РФ от 25 июня 2009 г. № 532 «Об утверждении перечня средств связи, подлежащих обязательной сертификации».

Правила организации и проведения работ по обязательному подтверждению соответствия средств связи установлены постановлением Правительства РФ от 13 апреля 2005 г. № 214.

Среди правил по отдельным видам электросвязи можно выделить следующие:

1. Правила оказания телематических услуг связи, утвержденные постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2007 г. № 575.

2. Правила оказания универсальных услуг связи, утвержденные постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2005 г. № 241.

3. Правила оказания услуг связи для целей телевизионного вещания и (или) радиовещания, утвержденные постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2006 г. № 785.

4. Правила оказания услуг связи проводного радиовещания, утвержденные постановлением Правительства РФ от 6 июня 2005 г. № 353.

5. Правила оказания услуг телеграфной связи, утвержденные постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2005 г. № 222.

6. Правила оказания услуг телефонной связи, утвержденные постановлением Правительства РФ от 9 декабря 2014 г. № 1342 «О порядке оказания услуг телефонной связи».

Правила определяют отношения операторов с пользователями при заключении и исполнении договора об оказании услуг связи, а также порядок и основания приостановления оказания услуг связи и расторжения такого договора, права и обязанности операторов связи и пользователей, форму и порядок расчетов за оказанные услуги связи, механизм предъявления и рассмотрения жалоб, претензий пользователей услугами связи, устанавливает ответственность сторон.

В случае нарушения пользователем требований действующего законодательства о связи, правил оказания услуг или договора об оказании услуг связи оператор имеет право приостановить оказание услуг связи до устранения нарушения.

Положение о федеральном государственном надзоре в области связи утверждено постановлением Правительства РФ от 5 июня 2013 г. № 476. Данное Положение устанавливает порядок осуществления федерального государственного надзора в области связи. Государственный надзор направлен на предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическими и физическими лицами требований в области связи, установленных федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами РФ, посредством организации и проведения проверок указанных лиц, принятия предусмотренных законодательством РФ мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, а также систематического наблюдения за исполнением обязательных требований, анализа и прогнозирования состояния исполнения указанных требований при осуществлении юридическими и физическими лицами своей деятельности.

Предметом проверок юридических и физических лиц является соблюдение ими при осуществлении своей деятельности обязательных требований, в том числе:

а) к построению сетей электросвязи и почтовой связи, а также к порядку ввода в эксплуатацию сетей связи;

б) к пропуску трафика и его маршрутизации;

в) к порядку распределения ресурса нумерации единой сети электросвязи Российской Федерации;

г) к использованию операторами связи выделенного им ресурса нумерации в соответствии с установленным порядком использования ресурса нумерации единой сети электросвязи Российской Федерации;

д) к присоединению сетей электросвязи к сети связи общего пользования, в том числе к условиям присоединения;

е) к использованию в сети связи общего пользования, технологических сетях и сетях связи специального назначения (в случае их присоединения к сети связи общего назначения) средств связи, прошедших обязательное подтверждение соответствия установленным требованиям;

ж) к осуществлению лицензируемой деятельности в области связи при проведении в отношении лицензиатов лицензионного контроля в порядке, установленном Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности»;

з) к защите сетей связи от несанкционированного доступа к ним и передаваемой по ним информации;

и) к сетям и средствам связи для проведения оперативно-розыскных мероприятий;

к) к порядку использования радиочастотного спектра, норм и требований к параметрам излучения (приема) радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств гражданского назначения;

л) к условиям установленных при выделении полосы радиочастот либо присвоении (назначении) радиочастоты или радиочастотного канала;

м) к оказанию услуг связи;

н) к метрологическому обеспечению оборудования, используемого для учета объема оказанных услуг (длительности соединения и объема трафика);

о) к соблюдению нормативов частоты сбора письменной корреспонденции из почтовых ящиков, ее обмена, перевозки и доставки, а также контрольных сроков пересылки почтовых отправлений и почтовых переводов денежных средств;

п) к соблюдению порядка фиксирования, хранения и представления организациями почтовой связи информации о денежных операциях, подлежащих контролю в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также к организации ими внутреннего контроля;

р) к порядку использования франкировальных машин и выявления франкировальных машин, не разрешенных для использования;

с) к управлению сетями связи.

Роскомнадзор по представлению государственного инспектора по надзору за связью и информатизацией, в роли которого выступают должностные лица

указанной службы, уполномочен составлять протоколы об административных правонарушениях в области связи, а также выдавать предписания об устранении нарушений, подлежащие обязательному исполнению в установленный в них срок.

Лицензирование деятельности в области оказания услуг связи осуществляется Роскомнадзором, который имеет право:

- 1) устанавливать лицензионные условия, являющиеся основанием для выдачи соответствующих лицензий, вносить в них изменения и дополнения;
- 2) регистрировать заявления о предоставлении лицензий;
- 3) выдавать лицензии;
- 4) осуществляет контроль за соблюдением лицензионных условий, выдавать предписания об устранении выявленных нарушений и выносить предупреждения о приостановлении действия лицензий;
- 5) отказывать в выдаче лицензий;
- 6) приостанавливать действие лицензий и возобновлять их действие;
- 7) аннулировать лицензии;
- 8) переоформлять лицензии;
- 9) вести реестр лицензий и публиковать его информацию.

Лицензии выдаются по результатам рассмотрения заявлений, а в случаях, предусмотренных ст. 31 Федерального закона «О связи», — по результатам проведенных торгов (аукциона, конкурса).

В частности, по результатам торгов (аукциона, конкурса) выдается лицензия в случае, если:

- услуга связи будет оказываться с использованием радиочастотного спектра, а государственная комиссия по радиочастотам установит, что доступный для оказания услуг связи радиочастотный спектр ограничивает возможное количество операторов связи на данной территории;
- на территории имеются ограниченные ресурсы сети связи общего пользования, в том числе ограниченный ресурс нумерации, и Федеральное агентство связи установит, что количество операторов связи на данной территории должно быть ограничено.

Проведение торгов осуществляется согласно специальным Правилам, утвержденным постановлением Правительства РФ от 12 января 2006 г. № 8 «Об утверждении Правил проведения торгов (аукциона, конкурса) на получение лицензии на оказание услуг связи».

Перечни наименований услуг связи, вносимых в лицензии, а также лицензионных условий осуществления деятельности в этой области утверждены постановлением Правительства РФ от 18 февраля 2005 г. № 87 «Об утверждении перечня наименований услуг связи, вносимых в лицензии, и перечней лицензионных условий».

Лицензия выдается по результатам рассмотрения заявления о предоставлении лицензии, требования к которому определены ст. 30 Федерального закона «О связи».

Решение о проведении торгов принимается их организатором. Лицензия может быть выдана на срок от 3 до 25 лет Роскомнадзором.

Основаниями для отказа в выдаче лицензии, сформулированными законодателем в ст. 34 Федерального закона «О связи», являются:

- несоответствие документов, прилагаемых к заявлению, установленным требованиям;
- непредставление соискателем лицензии необходимых документов;
- наличие в документах, представленных соискателем лицензии, недостоверной или искаженной информации;
- несоответствие деятельности, заявляемой соискателем лицензии, установленным для данного вида деятельности стандартам, требованиям и правилам;
- непризнание соискателя лицензии победителем торгов в случае, если лицензия выдается по результатам торгов;
- отмена решения государственной комиссии по радиочастотам о выделении полосы радиочастот;
- отсутствие технической возможности реализации заявленной услуги связи.

Лицензия может выдаваться на срок менее трех лет по заявлению соискателя лицензии.

Согласно п. 3 ст. 33 Федерального закона «О связи» срок действия лицензии может быть продлен по заявлению лицензиата на тот же срок, на который она была выдана первоначально, или на иной срок, который не должен превышать срока, установленного лицензирующим органом.

В случае отказа в выдаче лицензии или бездействия лицензирующего органа соискатель лицензии вправе обжаловать соответствующее решение или бездействие в судебном порядке.

§ 4. Отношения в сфере информационно-телекоммуникационных сетей

Правовая природа Интернета и других сетей международного информационного обмена. По мере того как Интернет проникает в нашу повседневную жизнь через школы, работу, места жительства, государственные учреждения, глубина его воздействия на экономическую и социальную жизнь становится все очевиднее. И сам Интернет изменяется: увеличивается количество сегментов, зон, пользователи становятся все многочисленнее, им не нужно теперь обладать специальными знаниями, Интернет их интересует не столько как понятие (концепция), сколько как средство для получения разнообразной информации и прибыли.

Появляются новые экономические участники и целые группы профессий (веб-менеджеры, консультанты, сетевые журналисты, лиазоны). Сети предлагают исключительную возможность информационных обменов и знания, открывают широкие просторы для создания новых и увеличения числа уже существующих рабочих мест, могут быть средствами дальнейшего развития как информатики, так и телематики.

Интернет можно определить по-разному: «сеть сетей», «новое средство получения информации», «мировая бесконечная консервация». В настоящее

время существует достаточное количество определений, пытающихся описать это глобальное явление, феномен конца XX в., который, безусловно, воздействует на традиционные способы коммуникаций в современном обществе.

Интернет сегодня — это еще и инфраструктура социального регулирования и, без сомнения, наиболее важный элемент развивающегося информационного общества. Вот как об этом пишет профессор С. С. Алексеев: «...инфраструктура социального регулирования — это не просто подразделенность его на виды, звенья, а сложившееся объективно обусловленное построение этой структуры, выраженное в устойчивой модели нормативно-организационных форм регулирования... Она предстает главным образом в виде организационного базиса или скелета — особого построения устойчивых нормативно организационных форм»¹. В интернет-пространстве работают специалисты, их деятельность осуществляется по определенным правилам, но такая инфраструктура не создается сама по себе, а существует для поддержки определенных видов человеческой деятельности. В Интернете реальные лица (физические и юридические), располагаясь в разных местах, ведут реальную деятельность. Социальные нормы, регулирующие их поведение, одинаково применяются ко всем участникам, в том числе и к иностранным лицам. Интернет не может действовать без правовой регламентации; он не ставит под сомнение выработанные многочисленной теорией и подтвержденные многочисленной практикой постулаты нашего права. Однако это право несколько иное, чем даже в прошлом веке, не говоря уже о средневековом или кулачном российском праве. Оно больше международное и договорное, нежели позитивное и национальное, учитывает общие принципы построения информационного общества, где первичным условием благополучия является знание и информация, технологии, а также общечеловеческие, но не классовые ценности, такие как борьба за мир, противодействие экстремизму, терроризму и ксенофобии, концентрация общих военных сил для эффективной борьбы с мировой угрозой и др.

В то же время сети международного информационного обмена при ненадлежащем их использовании могут содержать серьезную угрозу.

Нет сомнений, что новое информационное пространство не может существовать без права. В этой сфере возникают многочисленные вопросы по поводу источников права, действия права в пространстве и по кругу лиц, правосознания и профессиональной этики, оценки поведения субъектов права, разработки общих и устойчивых категорий и понятий, культурных, экономических, политических и иных проблем. Многие из этих вопросов пока не находят ответа, а порой их разработка в отношении Интернета сталкивается с существенными трудностями.

Следует отметить, что страны Западной Европы на протяжении многих лет осуществляют анализ правовых аспектов информационной среды Интернета. Многочисленные рапорты и отчеты, касающиеся электронных сетей и Интернета, подготовленные по просьбе правительств, были опубли-

¹ Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 32.

кованы во Франции, Бельгии, Германии, США, Великобритании. Такая работа ведется из года в год; ее целью является изучение динамики развития и функционирования этого нового способа коммуникаций.

Очевидно, что такая аналитическая работа с привлечением широкого круга специалистов должна быть проделана в ближайшее время и в России. Это неизбежно, поскольку известно, что «скупой платит дважды» и наш рынок как необходимая часть общего мирового рынка товаров и услуг уже сегодня сталкивается с такой потребностью и терпит существенные убытки (материальные, имиджевые) в связи с отсутствием правового регулирования указанных вопросов. Отталкиваясь от Стратегии развития информационного общества в РФ, необходимо в краткосрочной перспективе выработать концепцию развития российских информационных сетей, собственное понимание о возможностях действия права в этой новой информационной среде и решить многочисленные правовые проблемы в сфере интернет-отношений. Необходимо отметить, что некоторые позитивные шаги в этом направлении уже предприняты как законодательными, так и исполнительными органами власти.

Думается, что широкий круг специалистов, а также потребителей услуг Сети желал бы иметь более ясное представление о возможностях развития настоящих юридических средств, которыми располагала бы Россия по отношению к этому новому информационному пространству. Основное их внимание касается, во-первых, защиты информационных прав и свобод человека и гражданина; во-вторых, соблюдения общественного порядка в сфере Интернета и, в-третьих, защиты прав потребителей в области электронной экономической деятельности.

По поводу правового регулирования Интернета ведутся также активные международные переговоры, и некоторые из них приводят к результату. Они осуществляются в значительной степени по североамериканской инициативе и имеют целью структурировать правила и поведение в цифровых сетях.

Это необходимо делать сегодня, так как завтра может быть уже поздно. В настоящее время основная задача — защищать концепцию действующих прав и свобод человека и гражданина в Сети, и нашей стране следует принять активное участие в этом мировом обсуждении, опасаясь увидеть это пространство организованным только по строгой экономической логике.

Основным направлением работы в этой сфере является стремление сделать так, чтобы новый мир коммуникаций, который развивается на наших глазах, был источником обогащения, роста и обмена между народами, сопровождался динамизмом предприятий, рынков товаров и услуг, но с соблюдением этических, нравственных положений, а также защиты прав человека и гражданина. С экономической глобализацией должны соотноситься политические и этические выборы, иллюстрирующие тип общества, отношения между участниками и в конечном счете весь масштаб, всю систему ценностей, которые мы желаем видеть принятыми в кибернетическом пространстве.

Однако с позиций информационного права возникает закономерный вопрос: что может сделать в этом отношении Российская Федерация как субъект информационного права?

Думается, что в ближайшее время необходимо провести новые слушания в Государственной Думе, а также в Общественной палате по проблемам правового регулирования сети Интернет, и на них обсудить и принять четыре методологических постулата (или убеждения).

1. Чисто национальный и сугубо государственный подход к Интернету будет иллюзорен, обманчив и, в конце концов, ни к чему серьезному не приведет.

2. Не существует единственного (единого) средства или решения, чтобы ответить на вопрос разумного контроля за содержанием информации в электронной среде Интернета. Правовое регулирование интернет-отношений должно сочетаться с общемировым договорным, консенсуальным, педагогическим, информационным и иными подходами. Эти подходы соответствуют социологии Сети и эффективно отвечают на ее требования.

3. Последовательные и согласованные действия разных стран в сфере Интернета будут более эффективными. Нестабильность в пользовании Сети и уязвимость информационных технологий приводят к трудностям в выработке и овладении необходимыми юридическими средствами регулирования, в определении категорий всего юридического инструментария, позволяющего гарантировать соблюдение прав и основных свобод личности и общественного порядка на той или иной национальной территории. Следовательно, России предстоит в короткий срок понять и проанализировать характер эволюции рассматриваемого нового сегмента рынка.

4. Вся наша политика в изучаемой сфере должна ориентироваться на положительное наступательное общемировое развитие, т. е. на скорейшее внедрение нашего национального сервиса в систему Интернета вместо того, чтобы противиться внедрению новейших информационных технологий в общественную и правовую жизнь.

Очевидно, что деятельность субъектов во всемирной сети Интернет имеет такие же цели, что и в других информационных сетях. Основное отличие состоит в том, что эти цели здесь приобретают глобальный, межнациональный размер и характер. В связи с этим можно выделить целую совокупность целей деятельности субъектов в киберпространстве («дерево целей»), среди которых важную роль играют экономические, политические, социальные и культурные цели.

В частности, экономические цели в Интернете («вершина дерева») вначале были определены и исследованы специалистами (в том числе юристами) в США, а затем уже в странах Европы. В настоящее время Интернет для многих из этих стран является следствием экономического подъема, который связывается с развитием электронных средств связи, появлением новых рабочих мест и профессий. Сейчас уже можно говорить о коммерческих преимуществах в производительности труда и существенных доходах, которые приносят странам предприятия и средства электронной связи; параллельно можно отметить существенные достижения от использования Интернета в банковской сфере, в сферах распределения, страхования, доставки товаров транспортом.

Наряду с экономическими субъекты в Интернете преследуют и политические цели. Политическая власть действительно заинтересована в развитии Сети как средства политического воздействия на людей и их умы.

Многие исследователи-правоведы видят в этой информационной среде некое средство сближения граждан и избранных ими органов государственной власти и управления. Некоторые из них серьезно переосмысливают понятия демократии и механизма государства в связи с возможностью электронного голосования и концепции «электронного государства»¹. Необходимо обратить внимание на участвующую практику проведения голосования с использованием Интернета, реализованную в некоторых штатах США, нескольких графствах Великобритании и отдельных кантонах Швейцарии.

В Европейском союзе действует рекомендация № R (2004) 11 о правовых, эксплуатационных и технических стандартах электронного голосования от 30 сентября 2004 г.², а также рекомендация № R (2004) 15 по электронному управлению от 15 декабря 2004 г.³ В мае 2005 г. в Эстонии был принят закон, позволяющий голосовать через Интернет на выборах органов местного самоуправления. Особую роль и значение в исследовании этого вопроса играют сетевые СМИ и электронный обмен документами. Отчетность в электронном виде уже давно отправляют во многих развитых странах; успешнее всего электронный документооборот развит в США, Великобритании, Канаде, Франции, Германии и Австралии.

Возможность предоставления налоговой декларации (отчетности) через Интернет у граждан Российской Федерации появилась сравнительно недавно. Нужно признать, что такой порядок несколько усложнен и имеет комплексное правовое регулирование. Было бы более рациональным, если российские государственные органы в ближайшее время смогли бы предложить гражданам всеобъемлющий сервис, получаемый населением посредством информационных сетей. Такие организации, как Федеральная налоговая служба, Пенсионный фонд, Фонд социального страхования уже сегодня располагают необходимыми средствами для работы в электронной среде и в состоянии улучшить информирование своих потребителей, автоматизировав и ускорив движение документооборота на территории всей страны. Думается, что и другие государственные органы и общественные организации могут найти свой интерес в развитии Интернета, что будет также способствовать сокращению информационного разрыва между центром и регионами в России. В связи с этим в ближайшие годы на государственном уровне будет введена универсальная электронная карта, которая будет иметь обращение по всей

¹ См. об этом, например: Информационное право: учебник / под ред. Б. Н. Топорнина. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 67–71; *Голоскоков Л. В.* Функции сетевого права // Теория сетевого права / под ред. А. В. Малько. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. С. 109–129; *Серго А. Г.* Интернет и право. М.: Бестселлер, 2003. С. 13–209.

² URL: [https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec\(2004\)11&Language=lan_French&Ver=original&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75](https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec(2004)11&Language=lan_French&Ver=original&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75).

³ URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=802793&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75>.

стране, заменит внутренний паспорт, интегрирует информацию страхового полиса, банковских карт, водительского удостоверения, полис обязательного медицинского страхования и т. д.

Согласно Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» универсальная электронная карта будет представлять собой материальный носитель, содержащий зафиксированную на нем в визуальной (графической) и электронной (машиночитываемой) формах информацию о пользователе картой. Она будет обеспечивать доступ к информации ее владельца, использоваться для удостоверения прав пользователя картой на получение государственных и муниципальных услуг, в том числе для совершения в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, юридически значимых действий в электронной форме. Пользователем такой карты может быть гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин либо лицо без гражданства. Данная карта является документом, удостоверяющим личность гражданина, права застрахованного лица в системах обязательного страхования, иные права гражданина (ст. 22 Закона).

Для этого необходимо разработать и принять специальный Федеральный закон «Об информационном обслуживании граждан и юридических лиц в Российской Федерации», который установил бы порядок взаимодействия органов государственной власти в процессе использования информационных ресурсов, а также принципы оказания информационных услуг населению с помощью новейших технологий связи.

Что касается социальных целей, то они вытекают из самой сущности и характера Интернета. Сегодня Интернет разрушает привычные социальные связи и резко меняет традиционные человеческие отношения, благоприятствуя многообразным формам коммуникаций без реального контакта. Особого внимания заслуживают интернет-блоги, которые создают форму «несрежиссированного» общественного диалога пользователей разных стран и дают возможность организовать общественную дискуссию без необходимости собирать публику в одном месте. Несомненно, эти обсуждения создают ощущение своеобразного «виртуального вече» в Интернете, «вече особого, где мы необязательно надеемся собрать все сразу, где разговоры могут быть и несвязанными»¹. Нужно указать на отсутствие коммерческого «конфликта интересов» в блогосфере, так как здесь меньше возможностей финансового нажима на участников веб-дискуссий, которого трудно избежать другим масс-медиа. Следует отметить и демократический рейтинг цитирования блогов: чем популярнее информация в дневнике, тем быстрее растет количество ссылок на нее, а сам блог поднимается в рейтинге.

Культурные цели субъектов в Сети вытекают из возможности Интернета приобщить широкую аудиторию к мировым культурным традициям. Технические средства позволяют легко и действенно распространять информацию о культурных достижениях той или иной страны. Поскольку

¹ Лессиг Л. Свободная культура / пер. с англ. М.: Прагматика Культуры, 2007. С. 65.

одним из важнейших компонентов культуры является язык, следует указать на подавляющее господство английского языка в Интернете.

В связи с этим необходимо усилить присутствие русского¹ и других национальных языков (татарского, башкирского, осетинского и т. д.) в Сети путем разработки двуязычных или (что эффективнее) многоязычных сайтов. Вместе с тем ведение того или иного сайта на нескольких языках порождает дополнительные экономические затраты и правовые проблемы по сравнению с англоязычными сайтами, которые и без того пользуются большим вниманием.

Представляется также целесообразным с учетом положений Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» разработать и принять специальный закон о защите русского языка, который имел бы применение и в области распространения информации в сетях на условиях, предусмотренных для любого другого языка и способа. Речь идет, в частности, о предложениях или инструкциях по эксплуатации товаров или продуктов, организации рекламной, телефонной и аудиовизуальной службы, для которых русский язык стал бы обязательным. Помимо укрепления позиций родного языка у Интернета имеются широкие возможности по пропаганде национального достояния и развития системы обмена и продажи художественных произведений. Виртуальные выставки, организованные нашим государством, а также гражданами и юридическими лицами, несомненно, смогут сыграть важную роль в развитии туристского, гостиничного и иного бизнеса. Интернет — это часть мирового достояния. Обладая своей собственной так называемой киберкультурой, он имеет свой особенный словарь, который применяется его пользователями.

Три подхода к регулированию информационных отношений в глобальной Сети. Интернет обязывает нас переосмыслить с точки зрения современного права способы регулирования отношений в кибернетическом пространстве.

Участие в международном обсуждении способов регулирования, проведенный анализ письменных докладов и электронных интерактивных обменов позволяют сформулировать три достаточно полярные позиции по этой проблеме и уточнить наше мнение по ним.

Первая, представленная меньшинством, состоит в отказе от любого «внешнего», способного самостоятельно все регулировать, вмешательства в Интернет (Джон Перри Барлоу, Митчелл Капор). Такая позиция опирается на двойное суждение о том, что киберпространство — это новая территория, качественно отличающаяся от физического пространства; нормативные регуляторы и судьи «реального мира» обречены на неэффективность в этом «текущем» и неуловимом мире, существующем без формализма документов и физических границ.

Эту позицию можно считать устаревшей. Пользователи Интернета — это реальные лица, которые имеют определенное расположение в Сети, место-

¹ Язык чатов и форумов мы рассматриваем как часть культурной среды Интернета. Это некое боковое ответвление устной речи или разновидность русского разговорного языка.

пребывание в реальной жизни и правовой статус. Так, у активных предприятий в Интернете есть свой юридический адрес, инфраструктура, банковские счета. Обмены, коммерческие сделки, правонарушения в этой среде весьма реальны, с ощутимыми последствиями для конкретных лиц. Кроме того, последний опыт международного сотрудничества в этой среде показывает, что мы все чаще и чаще способны регулировать интернет-отношения с помощью норм права и обнаруживать правонарушителей. Недавние судебные процессы в странах Европы и США еще раз подтверждают это.

Вторая позиция сводится к тому, что государства, их учреждения и институты не лучшим образом могут регулировать деятельность в Интернете, потому что слишком медлительны, мало что делают для технического и коммерческого развития Сети и имеют полномочия только в рамках своих границ. Сторонники этой точки зрения указывают на экономических участников (предприятия, практики, специалисты), заинтересованных в том, чтобы их рентабельность базировалась на доверии потребителей. Именно они должны предлагать, разрабатывать, даже обязывать вводить в сферу Интернета морально-этические кодексы и внедрять идеи саморегулирования, которые закон и юриспруденция могут затем законодательно закрепить (Д. Джонсон, Д. Пост). Принимая во внимание результативность этого, в общем правильного в таких областях, как реклама или дистанционная купля-продажа, подхода, нужно отметить, что общественные отношения не ограничатся в этой среде лишь рыночными отношениями; здесь необходимы и иные способы регулирования (государственные, корпоративные, индивидуальные), которые существуют, но иногда находятся в противоречии с формами рыночного саморегулирования; общественная польза от них не будет только точкой соприкосновения между интересами экономических агентов и платежеспособных потребителей. Следовательно, саморегулирование в Интернете сыграет свою существенную роль, но не будет занимать все мировое пространство регулирования.

Третья позиция основывается на том, что существующие демократические учреждения и законодательные процессы вполне обнаруживают свою состоятельность в регулировании информационной среды, и только они вправе обсуждать и решать юридические вопросы, стоящие перед теорией и практикой Интернета. Так, органы правосудия могут рассматривать индивидуальные споры, вытекающие из деятельности субъектов в этом новом пространстве, и постепенно формировать судебную практику. Законодатель также должен менять и толковать нормы информационного права, а там, где это необходимо, исключать их. Медлительность, некоторое несовершенство, состоятельность этого процесса есть нормальные проявления функционирования демократического общества, и это не должно вызывать у нас опасения.

Исходя из вышеизложенного, можно поставить ряд теоретических вопросов: что есть Интернет с юридической точки зрения? выступает ли он субъектом или объектом права?

Следует разграничить Интернет как инфраструктуру информации, т. е. информационно-коммуникационную сеть, и тех отдельных информационных

ресурсов, наполнений, которые ее составляют, в частности сайтов. В связи с этим инфраструктура Сети в целом не может выступать СМИ в смысле Закона РФ «О средствах массовой информации», а сайт может быть таковым по желанию своего владельца. Если последний захочет зарегистрировать в качестве СМИ свой сайт и если этот сайт будет отвечать всем требованиям Закона РФ «О средствах массовой информации» (обновление, массовость, периодичность выпуска, регистрация, выходные данные, соблюдение законодательства), у владельца не будет особых препятствий. В России провозглашена преобладающая регистрация сетевых изданий. Однако нужно отметить, что предназначение сайтов может быть совершенно иным, например распространение биографии, электронный магазин, рекламная площадка и т. д.

В отсутствие специального законодательства об Интернете суды некоторых стран применяют по аналогии законодательство о СМИ, и это вполне объяснимо. В то же время они все больше понимают специфику Интернета. В частности, уже сегодня есть решения российских судов, где четко сказано, что Интернет не является СМИ, услуги сети Интернет являются услугами связи и к ним нужно применять Федеральный закон «О связи». Кроме того, распространение информации в Интернете не всегда осуществляется лицом (главный редактор, журналист, информационное агентство), обладающим профессиональными знаниями в этой области, но и остальными гражданами.

Иными словами, Интернет как инфраструктура информации ввиду своей специфики составляет новое информационное пространство, отличное от печати и аудиовизуального распространения. Даже если в нашей стране Интернет расценивать как СМИ, он не будет считаться таковым в других странах.

Представляется достаточно спорным утверждение о том, что электронная сеть в полной мере может выступать субъектом права, так как инстанции Интернета находятся на этапе формирования и их правовая природа достаточно неопределенна. Кроме того, субъект права должен обладать рядом существенных признаков, например, правосубъектностью, которыми Сеть в полной мере не обладает. Следует согласиться с мнением о том, что Интернет не является субъектом права нового типа, так как вступающие в правоотношения в среде Интернета субъекты самостоятельно осуществляют свои права и несут обязанности и нет необходимости объединять их в такой «множественный субъект»¹.

Достаточно трудно охарактеризовать Интернет и как юридическое лицо, поскольку Сеть не обладает признаками, характеризующими эту правовую категорию, благодаря которой осуществляется «персонификация имущества»². В связи с этим можно сделать вывод: Интернет не обладает имущественной обособленностью, так как не имеет и не может иметь четко определенно-

¹ См. более подробно об этом: *Мартыянов В. С.* Правовое регулирование производственно-хозяйственной деятельности предприятий и предпринимателей // *Хозяйственное право*. М.: БЕК, 1994. Т. 2. С. 1–30.

² *Пушкин Д. С.* Интернет и противоправные деяния (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10.

го собственника. В нем отсутствует организационное единство, поскольку трудно говорить о Сети как об обособленной организации, определенном коллективе, который работает для реализации четко обозначенной цели. Думается, что Интернет представляет собой широкое поле для деятельности огромного числа юридических лиц разнообразных организационно-правовых форм и разной направленности.

Однако определять Сеть с точки зрения теории как совокупность юридических лиц было бы тоже неправильно, ибо в этой среде доминирует частная инициатива, которая ощутимо зависит от активной деятельности именно физических лиц, несомненно составляющих ее ядро и движущую силу.

Интернет как инфраструктура информационного общества, скорее всего, очевидно, будет выступать в качестве объекта правового регулирования¹, причем даже не специального, а самого обычного. Это положение подтверждает п. 3 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который устанавливает, что использование на территории России информационно-телекоммуникационных сетей в хозяйственной или иной деятельности не может служить основанием для установления дополнительных требований или ограничений, касающихся регулирования указанной деятельности, осуществляемой без использования таких сетей. Это заключение подтверждается также и тем, что часть четвертая ГК РФ не рассматривает в качестве самостоятельных результатов интеллектуальной деятельности ни сайт, ни доменное имя².

Предложения о введении специального правового режима в отношении Интернета, подобно тому, который существует, к примеру, для Мирового океана, Антарктики или космического пространства, вряд ли состоятельны, поскольку не учитывают глобальный и планетарный характер этой мировой инфраструктуры, а кроме того, мгновенность внедрения технологий, информационного сервиса в цифровой среде.

Сорегулирование как метод, но не источник права. Если демократические институты и учреждения хотят выполнять свою роль, идя в ногу со временем, не опережая, но и не опаздывая, они должны быть способны принимать решения с необходимой скоростью. Для этого необходимо прислушиваться к мнению сторон, участвующих в дебатах, уметь концентрировать свое внимание на наиболее важных темах и в тех областях, где их вмешательство существенно, вводя различные, отвечающие общественным ожиданиям формы регулирования — не только рыночные, связанные с саморегулированием.

Речь идет не о том, чтобы как можно скорее принять новые источники права, а найти метод, приспособленный к новым условиям.

¹ Категорию «объект правового регулирования» следует отличать от категории «объект права». Под объектом права понимается предмет правового регулирования, т. е. социальная сфера, подвергаемая правовому воздействию.

² Проблема защиты интеллектуальной собственности на веб-сайты нашла отражение в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 апреля 2008 г. № 255/08. В нем определено, что содержимое сайта охраняется авторским правом как целостное произведение, состоящее из совокупности элементов, а владельцу сайта принадлежит авторское право на подбор и расположение материалов, дизайн ресурса, наполнение сайта.

Такой метод получил название «сорегулирования». Учитывая новизну рассматриваемых вопросов, а также разнообразие заинтересованных сторон, он имеет целью обеспечить согласование различных точек зрения, породить консенсус, даже когда это невозможно.

Сорегулирование должно существовать, чтобы добиться координации динамики функционирования Интернета с публичными институтами. В этой среде помимо значимости государственного регулирования посредством закона и суда (судебных решений) должны также поощряться индивидуальные, корпоративные и экономические способы регулирования¹. Сорегулирование рождается от признания существования двух указанных динамик.

К этому новому аспекту прибавляется сложный вопрос осуществления суверенитета государств через мировые сети, которые не знают границ². Было бы рискованно формулировать прогноз о результатах некоего сопоставления (к примеру, Интернет и национальные институты), даже если предположить, что одной из целей нашего времени является «глобализация и интеграция общества, осуществляемая посредством рынка»³. Думается, что именно сорегулирование выступает сегодня гарантом сбалансированности интересов между мировым пространством сетей и пространством территориальных демократий, которое остается национальным или континентальным.

Особенности правового регулирования интернет-отношений. Вопрос о правовой природе отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в области использования сети Интернет, является самым дискуссионным и сложным в информационном праве.

Общественные отношения, возникающие с использованием глобальных компьютерных сетей, являются особыми информационными отношениями, направленными на организацию движения информации в обществе. Они обусловлены информационной природой коммуникаций самого информационного общества, их можно называть интернет-отношениями или информационно-кибернетическими отношениями, участвовать в которых можно только посредством ЭВМ, подключенной к компьютерной сети⁴.

Важной является позиция профессора И. Л. Бачило, который среди правоотношений в информационной сфере выделяет «виртуальные связи в Интернете» и «так называемые виртуальные отношения», отличающиеся от обычных правоотношений тем, что, «во-первых, формируются и реализуются на основе информационных технологий с минимальным потенциалом традиционных документированных ресурсов и, во-вторых, совершаются между виртуальными субъектами»⁵.

¹ См.: *Рассолов И. М.* Проблема информационно-правового обеспечения предпринимательства. Управление в сфере предпринимательства. М.: Икар, 1998. С. 105–129.

² См.: *Castells M.* L'èredel'information. Vol. 2. Le pouvoir de l'identité. Paris: Fayard, 1999. P. 70.

³ *Habermas J.* Après l'Etat-nation: une nouvelle constellation politique. Paris: Fayard, 2000. P. 132.

⁴ См.: *Грибанов Д. В.* Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 7–16.

⁵ *Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А.* Информационное право: учебник / под ред. Б. Н. Топорнина. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 163.

Среди особенностей исследуемых отношений можно выделить обязательное наличие технической компоненты, информационное наполнение данного вида отношений и особый субъектный состав. Кроме того, они не всегда гарантируются или обеспечиваются принудительной силой какого-то одного государства, так как исследуемая сфера планетарная по своей сути. Таким образом, исследуемые отношения характеризуются главным образом теми особенностями, которые вытекают из специфической среды их формирования и существования — информационной среды всемирной компьютерной сети Интернет. В связи с этим они выступают как общественные отношения, протекающие в электронной форме в киберпространстве¹.

Основываясь на различных научных подходах, интернет-отношения в настоящее время можно определить как часть информационных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в кибернетическом пространстве, участники которых выступают как носители субъективных прав и обязанностей в Интернете.

В зависимости от ситуации в Интернете и собственно характера информационного воздействия на интернет-отношения последние могут быть как информационными, так и морально-этическими. В узком смысле можно считать их информационными отношениями, возникающими, изменяющимися и прекращающимися в одной из структурных зон информационной сферы, в киберпространстве. Специфика интернет-отношений заключается в следующем.

1. Особый субъектный состав. Интернет-отношения могут возникать между особыми субъектами (операторы связи, блогеры, провайдеры, разработчики сетей, международные организации, отвечающие за развитие протоколов Интернета, и т. д.).

2. Субъекты интернет-отношений могут находиться в разных странах, а их деятельность регулироваться законодательствами разных стран.

3. Интернет-отношения невозможны без использования информационно-телекоммуникационных технологий и сетей. Они имеют информационное наполнение, т. е. складываются по поводу информации в Интернете. Объектом этих отношений является не всякая информация, а только обрабатываемая в киберпространстве.

4. Интернет-отношения выделяются на определенном этапе развития общества, государства и технологий, как в свое время считал А. Б. Венгеров, для целей автоматизации управления различными информационными системами, в нашем случае — сложной кибернетической системы — Интернета.

Интернет-отношения можно классифицировать по следующим основаниям:

— в зависимости от субъектов: между разработчиками трансграничных информационных сетей и их партнерами; между специалистами, производителями и распространяющими информацию в Интернете; между провайдерами

¹ См. также: *Тедеев А. А.* Информационное право (право Интернета): учеб. пособие. М.: Эксмо, 2005. С. 8.

(операторами) и Минкомсвязи России, выдающим лицензии на оказание онлайн-услуг; между блогерами, гражданами, организациями, фирмами и иными потребителями и др.;

— по государственной принадлежности физических и юридических лиц, которая закреплена в законодательных актах, можно выделить отношения между отечественными и зарубежными провайдерами; между последними и отечественными пользователями Интернета; между отечественными юридическими лицами и иностранными гражданами; между отечественными и зарубежными разработчиками сетей; между специалистами и др.;

— в зависимости от конкретных целей возникновения и соответственно информационного воздействия можно выделить две группы отношений: внутренние (осуществляются в самом киберпространстве) и внешние (связаны с оказанием внешних информационных услуг).

Анализ позволяет сделать вывод о том, что информационное право охватывает довольно широкий круг отношений. Все они в известной мере характеризуют содержание этой комплексной отрасли права как совокупности норм, взятых из различных отраслей права и регулирующих информационные отношения в информационной сфере общества и его подсистемах.

Кибернетическое пространство как новая информационная среда, которая не может существовать без права. Кибернетическое пространство — это новая человеческая и технологическая среда. С одной стороны, оно объединяет граждан многих стран, культур и профессий, собирающих, предлагающих и использующих разнообразную информацию.

С другой — данное пространство есть сложное техническое средство, т. е. децентрализованная компьютерная сеть, соединяющая этих лиц благодаря инфраструктуре телекоммуникаций.

Киберпространство представляет собой очень сложное явление, которое может быть рассмотрено в единстве социальной и технической стороны.

Социальная сторона состоит в том, что киберпространство — это совокупность общественных отношений, возникающих в процессе использования Интернета и других сетей и складывающихся по поводу информации, обрабатываемой при помощи ЭВМ. Следует отметить, что объектом данных отношений выступает не всякая информация, а только обращающаяся в Сети.

Техническая сторона заключается в том, что киберпространство — это сложный технический объект (набор технических и программных средств; совокупность информационных ресурсов и информационной инфраструктуры, обеспечивающих движение потоков информации), поэтому следует обратить внимание на базовые принципы построения данной инфраструктуры информации (Интернета), к которым относятся: децентрализация, планетарность и доступность из любой точки земного шара, деление на структурные зоны или сегменты, конвергенция, быстрота и мгновенность международных обменов и др. В связи с этим следует дать определение компьютерной сети.

Глобальная сеть позволяет обрабатывать и передавать в электронной форме многочисленные блоки разнообразной информации. Синонимом кибернетического пространства является виртуальное пространство, представляющее собой часть информационной сферы общества, называемую интернет-сферой. Эта технология становится доступной все большему числу лиц. Однако по сравнению с традиционными СМИ неравенство в доступе к Интернету еще значительно.

Количество пользователей в мире к концу 2015 г. превысило 3,2 млрд человек. В России эта цифра составила 80,5 млн человек, по данным Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК). Отмечено, что 66,5 млн человек выходили в сеть каждый день. Согласно консервативному прогнозу, к концу 2017 г. доля пользователей старше 18 лет, пользующихся Интернетом ежедневно, возрастет до 70,04% (оптимистичный сценарий — 80,55%), а к концу 2020 г. — 76,32% или 84,48% соответственно.

Как отмечает РАЭК, аудитория мобильного Интернета в 2015 г. возросла на 12,5%, только с мобильных устройств выходили в сеть 15% российских пользователей. При этом мобильный телефон или смартфон есть у 91% населения старше 18 лет.

В 2015 г. со смартфонов в Интернет выходило 39,6% пользователей, с планшетов — 25,8%. К концу 2016 г. прогнозируется рост этих показателей до 47,3 и 26,1% соответственно. Как отмечается в исследовании, чаще всего смартфонами для выхода в Интернет пользуется молодежь: 86,2% аудитории в возрасте 12–24 лет и 67,3% — в возрасте 25–44 лет. Доля аудитории старше 45 лет, использующих смартфоны, составляет 16,6%.

Такова же ситуация с планшетами: ими пользуются 38,7% аудитории до 24 лет, 37,1% — до 44 лет и 12,4% — старше 45 лет.

При этом российские пользователи не забывают и стационарные компьютеры: в 2015 г. ими для выхода в сеть пользовалось 83% аудитории в возрасте до 24 лет, 79,1% — до 44 лет и 47% — старше 45 лет. Телевизор для выхода в сеть использовали 16,2% пользователей до 24 лет, 16,6% — до 44 лет и 5,5% представителей старшего поколения¹.

Мировые сети стирают границы и расстояния между людьми, создают равные возможности по доступу к информации, накопленной многими поколениями. Таким образом, исчезает культурный разрыв между федеральным центром и регионами РФ. В настоящее время Интернет и информационное право являются следствием экономического подъема многих стран, связанного с развитием электронных средств связи, появлением новых рабочих мест и профессий. Сегодня уже можно говорить о коммерческих преимуществах в производительности труда и существенных доходах, достижениях от использования Интернета в банковской сфере, в сферах распределения, доставки товаров, страхования.

Цифровая информация может существовать в динамической форме, например, когда она передается по каналам связи. Она может циркулировать

¹ <http://ria.ru/society/20160413/1409762197.html>.

анонимно и без вмешательства государственной власти. Новые информационные технологии внедряются в интернет-сферу мгновенно и используются в различных целях. В силу интернационального характера Интернет преодолевает географические границы и порождает многочисленные юридические проблемы, среди которых разработка понятийного аппарата юридической науки в свете информатизации и Интернета; идентификация лиц, повышение уровня правосознания пользователей, профессиональная этика и качество поведения субъектов права; более четкое определение источников права; уточнение характера действия права в пространстве и по кругу лиц; сбор доказательств и подтверждение так называемых сетевых юридических фактов, которые перестают существовать в доступной форме к моменту рассмотрения дела в суде; допустимость таких доказательств и их достоверность; противодействие киберпреступности и др.

Сложность и многочисленность юридических, этических и социокультурных проблем, связанных с появлением и последующим развитием мировой инфраструктуры информации Интернета и информационного общества в целом, приводят нас к выводу о необходимости комплексного анализа указанных вопросов с позиции тех разработок, которые уже существуют в информационном праве, а также в других отраслевых юридических науках. Транснациональный характер сети обязывает нас проводить этот анализ с привлечением широкого опыта различных стран, уже осуществивших попытки регулирования Интернета в рамках всего международного права, как публичного, так и частного. Большая часть государств, включая Россию, соглашается с необходимостью внимательного рассмотрения данных правовых проблем перед тем, как принимать какие-либо решения.

Рамки правового регулирования должны исходить от всего международного сообщества, привлекая всех заинтересованных участников международного кибернетического пространства. Они должны быть:

— этическими, т. е. деятельность лиц в кибернетическом пространстве должна осуществляться с соблюдением общепризнанных правовых принципов и базироваться на этических ценностях, среди которых: свобода слова; равный доступ к массовой информации и знаниям; обеспечение безопасности информационных продуктов и услуг; обеспечение защиты частной жизни и персональных данных; обеспечение защиты интеллектуальной собственности, культурного, языкового, межконфессионального разнообразия и др.;

— гибкими, логичными, технологичными: в процессе выработки национального права необходимо учитывать достижения технологического прогресса, экономическое и политическое положение каждой отдельной страны и всех участников кибернетического пространства;

— многообразными, т. е. не могут ограничиваться лишь одним решением, принятым раз и навсегда; помимо этого, в процессе выработки законодательства следует учитывать культурные и технические аспекты развития самой инфраструктуры глобальной коммуникации;

— универсальными: законодательные решения должны быть широко признаны; о них должны иметь представление все ключевые игроки рынка

информационных товаров и услуг, в том числе это касается и технологически отсталых стран. Процессы правообразования¹ в отдельно взятом государстве будут состоять из конкретных действий и решений законодательных органов, а также самих участников информационного обмена посредством механизма социального регулирования (сюда же мы включаем и саморегуляцию). Такие процессы выработки необходимых правил поведения наблюдаются сегодня в различных инстанциях Интернета.

Итак, киберпространство — это сфера социальной деятельности, связанная с оборотом информации во Всемирной информационной паутине, а также в других информационно-коммуникационных сетях: региональных, опорных, ведомственных, корпоративных.

К сожалению, в настоящее время не существует легального определения ни кибернетического, ни виртуального пространства. Однако это явление может быть рассмотрено в трактовке Верховного Суда США как «уникальная среда, не расположенная в географическом пространстве, но доступная каждому в любой точке мира посредством доступа в Интернет».

В свете информационного права кибернетическое пространство может быть представлено как:

1) разнородное (гетерогенное) пространство, где каждый может свободно действовать, высказываться и работать (говоря образным языком — пространство «разума и свободы»);

2) новое пространство человеческого самовыражения и общения; международное пространство, пересекающее любые границы;

3) децентрализованное пространство, которым никакой оператор, никакое государство полностью не владеет и не управляет;

4) глобальное объединение компьютерных сетей и информационных ресурсов, не имеющих четко определенного собственника и служащих для интерактивного соединения (коммуникации) физических и юридических лиц.

Целесообразность выработки информационного права для кибернетического пространства. Любой анализ условий для выработки международного права, а тем более права для кибернетического пространства в своей основе должен начинаться с того, чтобы уточнять базовые понятия и сформулировать основные блоки интересующих нас вопросов, например: что следует понимать под правом кибернетического пространства? речь идет о принятии единого международного юридического акта в классическом смысле слова или нужно говорить о выработке некоторой планетарной стратегии, имеющей отношение ко всему международному законодательному массиву, появившемуся в результате развития Интернета? какие органы власти и учреждения имеют компетенцию устанавливать здесь правила поведения и наказывать виновных лиц, наруша-

¹ Правообразование представляет собой сложное многоаспектное понятие теории права и государства; это весь процесс формирования права, включающий в себя научный анализ, выработку взглядов и концепций о будущем правовом регулировании, максимальный учет предложений различных социальных групп; это также процесс формирования государственной воли в законе. Если говорить о соотношении понятий «правообразование» и «правотворчество», то первое имеет более широкий смысл. Правотворчество выступает заключительной и решающей стадией правообразования (см.: Общая теория права / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1996. С. 202).

ющих установленные запреты? какова может быть эффективность правоприменительной практики в международном информационном пространстве?

Нужно сказать, что многие из обозначенных выше вопросов на сегодняшний день не имеют четких ответов. Некоторые законодательные решения мы все же дадим в этой и последующих главах учебника.

Прежде всего следует отказаться от парадигмы централизованного позитивного права для рассматриваемого пространства. Понятие права кибернетического пространства объемное и сложное. Это право будет учитывать особенности каждой национальной системы права, модели существующей экономики и общественного развития. Следует отметить, что большая часть исследований, которые были сделаны по этому поводу, имеет прямое отношение к обсуждению именно вопросов позитивного права¹, и если исследователи могут довольно легко сделать предложения об адаптации уже существующих национальных законов к электронным системам в рамках мировых сетей, то намного труднее представить стратегию, которая предложила бы единый, унифицированный мировой подход к построению права, приспособленного к динамизму отношений в киберпространстве.

Все это объясняет изобилие комментариев по особым вопросам отраслевого законодательства, затрагивающих проблемы организации деятельности в кибернетическом пространстве, например проблемы интеллектуальной собственности, ответственности провайдеров, развития электронной торговли, налогообложения электронных обменов и др.

Процесс выработки норм национального и международного права для кибернетического пространства должен опираться по большей части на классические юридические понятия, международные и внутренние источники права, существующие в юридической науке парадигмы. Д. Пост считает, что в будущем это приведет к некоему «юридическому централизму», который будет побуждать нас к выработке унифицированного законодательства в этой сфере, а также к необходимости введения специального межгосударственного органа, обладающего необходимой компетенцией для решения многочисленных правовых проблем². Например, с 1959 г. действует Комитет ООН по использованию космического пространства. В мире обсуждается вопрос о создании аналогичной международной координационной структуры и для Интернета. Вместе с тем децентрализованный характер построения Интернета может оказаться существенным препятствием для многочисленных государств, которые привыкли к традиционному централизованному регулированию инфраструктуры связи в рамках своих территорий.

Интернет как предвестник новой технологической революции. Современные информационные обмены можно сравнить с теми революционными

¹ Вот как о позитивном праве пишет профессор С. С. Алексеев: «Право в юридическом значении и есть писанное право; оно охватывается понятием позитивное право, то есть право наличное, реально и официально существующее, «сделанное» людьми и связанное с их деятельностью» (см.: Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 75).

² См.: Post D. Anarchy, State, and the Internet: An Essay on Law-Making in Cyberspace // Journal of Online Law. № 1. 1995. Art. 3. URL: <http://www.temple.edu/lawschool/dpost/Anarchy.pdf>.

изменениями, которые происходили в прошлом (например, в результате появления письменности, электричества). Некоторые авторы приписывают Интернету важную роль в радикальном перераспределении политической и экономической власти. Этот процесс идет последовательно, незаметно и ведет к появлению новой политической экономики.

«Суперавтострады информации — технологический механизм, который обеспечивает эту возможную эволюцию»¹.

Вполне закономерно возникает вопрос: что именно регулирует позитивное право — общественные отношения или само киберпространство? и на какую собственно социальную сферу (или ее часть) воздействует информационное право? Сошлемся на мнение известного теоретика права, профессора В. Н. Протасова, который считает, что социальная сфера включает три компонента: люди, общественные отношения, деятельность².

Таким образом, позитивное право воздействует на общественные отношения субъектов (людей) в процессе осуществления ими своей деятельности с использованием мировой инфраструктуры Интернета, причем под правовым регулированием интернет-отношений мы понимаем целенаправленное воздействие на процессы в цифровой среде Интернета правовыми средствами с целью их упорядочения и прогрессивного развития; это также обеспечивающее нормальную и правильную работу субъектов права воздействие на их поведение с помощью норм права.

Интернет формирует особую информационную сферу, связанную с оборотом цифровой информации (интернет-сферу)³, которая может быть рассмотрена как определенный срез в исследуемом объекте — информационной сфере. В определенных условиях интернет-сфера может быть представлена и как виртуально окружающая нас среда, которая представляет собой функциональное понятие и обозначает все другие системы, окружающие исследуемую.

И еще один важный момент: Интернет представляет собой не только средство доставки информации, провода, базы данных и компьютерные системы, но и средство сосуществования и взаимодействия людей. В связи с этим можно говорить о некотором сообществе лиц, которые активно действуют в этой среде для достижения своих собственных целей. Оптимисты считают, что к 2020 г. 80,5% населения нашей страны будет охвачено Интернетом. Таким образом будет решена важная проблема цифрового неравенства и информационного (технологического) разрыва между центром и регионами РФ. Если прогнозы оправдаются и задача «цифрового выравнивания» будет решена, это окажет существенное влияние на улучшение качества жизни россиян. Пока же Россия отстает по степени проникновения информационных технологий в повседневную жизнь граждан от многих европейских стран, США, Японии и Китая.

¹ Tapscott D. The Digital Economy. Promise and Peril in the Networked Intelligence. McGraw-Hill. 1996. P. 12.

² См.: Протасов В. Н. Что и как регулирует право: учеб. пособие. М.: Юристъ, 1995. 95 с.

³ Интернет-сфера, в свою очередь, также может быть дифференцирована нами на отдельные составляющие части, например, в нее входит блогосфера (интернет-пространство, формируемое сообществом блогеров).

Если допустить, что интернет-пространство — это не только сложный технический объект, но и сообщество лиц, вступающих друг с другом в различные связи и различные отношения по поводу информации, циркулирующей в мировой инфраструктуре, можно размышлять о формировании определенного общества граждан разных стран и континентов, существующего без четко определенных национальных границ, а также территории и обладающего зачатками (пока еще!) коллективного разума. Таким образом, вопрос о правовом статусе такого лица (виртуального или пространственно реального) является ключевым вопросом информационного права.

В работе профессора С. С. Алексеева «Теория права» в разделе «Право в генезисе общества» дается весьма удачный термин «неразвитое право», который указывает на то поле, где право «не раскрылось, не развернуло свои свойства как самостоятельного и «сильного» нормативного социального феномена, играющего свою особую роль»¹. Такую характеристику можно дать и праву кибернетического пространства, которое находится в процессе своего формирования.

Итак, всеохватывающее информационное пространство, основанное на широком применении компьютерной техники, информационных технологий и Интернета, объединяет людей из разных стран и со всех уголков земного шара в единое мировое сообщество без географических и геополитических границ. Роль обмена информацией в таком сообществе неумолимо возрастает.

Для уяснения сути новой концепции права для киберпространства следует принять во внимание не только позитивистский подход к правопониманию, но и обратить взгляд на другие точки зрения. Так, А. Б. Венгеров выделил два подхода к пониманию права: узкий (монистический), согласно которому право есть система правил поведения, обладающих необходимыми признаками, и широкий (плюралистический), где право рассматривается как «мера свободы личности, опять же с учетом проблем, связанных со свободой воли, свободой выбора, соотношения свобод и интересов разных индивидов и т. д.»². По мнению академика В. С. Нерсесянца, право может быть рассмотрено как мера свободы, формальное равенство, получившее благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту³. Опираясь на данные позиции, можно сделать важные выводы. По нашему мнению, право в рассматриваемой среде может трактоваться как интернет-право; как общеобязательные нормы о правовой информации; как общая воля субъектов (участников) интернет-отношений; как результат согласования и сочетания их интересов в кибернетическом пространстве; как всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях людей; как нормативно выраженная свобода, равный масштаб (мера) поведения различных указанных субъектов.

¹ Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 71.

² Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Юриспруденция, 1999. С. 323.

³ Нерсесянц В. С. Проблемы общей теории права и государства. М.: Норма, 2006. 832 с.

Несмотря на то, что Интернет — это явление искусственное, созданное людьми, мы видим в этой среде яркое проявление всего естественного, в том числе и естественного права (право на свободу слова, выражение мнений, объединение и т. д.).

Между правом и Интернетом существуют прямые и обратные связи, которые состоят в следующем:

- деятельность физических и юридических лиц с использованием Сети является серьезным фактором правообразования во многих странах;

- действующие законы и подзаконные акты способны ограничивать поведение субъектов в этом пространстве, придавая им тем самым направленность, упорядоченность, вводя их в определенные рамки;

- позитивное право является важным средством укрепления правосознания участников информационных обменов; при этом сами участники интернет-отношений выдвигают собственные требования к позитивному праву;

- деятельность субъектов в кибернетическом пространстве нередко приводит к законодательным коллизиям, а также спорам и конфликтным ситуациям, которые нужно разрешать на основе общих принципов права, норм российского и международного законодательства.

Особенности киберпространства, которые воздействуют на концепцию развития информационного права. Популярный термин «киберпространство» появился вначале для того, чтобы описать новый цифровой мир, созданный компьютером и компьютерной сетью. Предполагалось перенести восприятие окружающей нас действительности в новый, так называемый виртуальный мир, противопоставляя его реальному физическому. Киберпространство рассматривалось как некая «другая» реальность, где чувствительные стимуляции (возбуждение, побуждение и т. д.) связаны с компьютером. Постепенно это понятие вошло в текущий язык.

Данная категория обозначает довольно сложное явление, созданное мировой сетью компьютеров, передающей электронные сообщения, доставляемые и направляемые путем специальной инфраструктуры телекоммуникаций. Можно перечислить используемые специалистами для описания кибернетического пространства взаимозаменяемые термины, среди которых такие, как «всемирная паутина», «ткань», «мировая инфраструктура информации», «информационная магистраль», «суперавтомагистраль информации». Все они родились в результате конвергенции и взаимопроникновения информатики и телекоммуникаций. В таких условиях появляется Сеть или инфраструктура связи, называемая Интернетом.

Мировая Сеть составлена из многочисленных отдельных сетей и включает в себя разнообразные составляющие, в частности опорные, региональные компьютерные сети, узлы и разбросанные по всему миру веб-серверы, а также информационных посредников: сервис-провайдеров, хостинг-провайдеров, блогеров, регистраторов доменных имен и др.

Согласно закону «Об информации» информационно-телекоммуникационная сеть представляет собой технологическую систему, предназначенную

для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Оператор информационной системы — это гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных.

Провайдер хостинга — это лицо, оказывающее услуги по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к Сети.

Блогер — это владелец сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет, на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей.

Интернет может интегрировать узлы, площадки и сети различной природы: обычную телефонию, спутниковую связь, выделенные линии цифровой связи, специализированные ведомственные сети и др. Коммуникация осуществляется благодаря многочисленным терминалам, коммутируемым компьютерам, телефонным и специальным выделенным сетям.

Определенное число посредников обеспечивает услуги отправления, доставки, маршрутизации цифровой информации; это лица, предоставляющие услуги в Интернет, и операторы связи. Сетевые протоколы играют ключевую роль в регулировании интернет-сферы.

Визуальная презентация информации обеспечена при помощи сайтов. Обращаться к всемирной паутине можно при помощи доменных имен и адресов интернет-страниц, используя различные поисковые системы.

Согласно законодательству сайт в сети Интернет — это совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается через Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать эти сайты.

Интернет-страница представляет собой часть сайта в сети Интернет, доступ к которой осуществляется по указателю, состоящему из доменного имени и символов, определенных владельцем сайта. Доменное имя — это обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети Интернет в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в Интернете (ст. 2 Закона).

Когда коммуникация установлена между двумя пунктами, отправляемое цифровое сообщение, прежде чем быть посланным по Сети, разбивается на пакеты данных. Сообщение не отправляется в виде непрерывного потока данных. Любой пакет транспортируется автономным способом и идет собственным путем. В каждом узле есть устройство, перенаправляющее информацию, считывающее назначение последней и передающее далее по каналам связи, которые приближают ее к конечному назначению.

Коммуникация пакетов данных в сетях международного информационного обмена представлена на рис. 2.

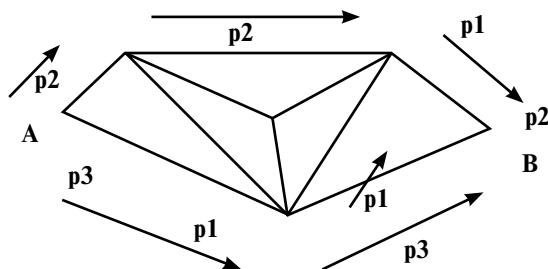

Рис. 2. Коммуникация пакетов данных в сетях международного информационного обмена: сообщение A, разделенное на пакеты данных $p_1, p_2, p_3 \dots$ имеющее адрес B; реконструированное сообщение (послание), начиная с p_1, p_2

Устройство, переправляющее информацию, ссылается на специальные таблицы направления, которые устанавливаются и регулярно обновляются. Данные таблицы опираются на постоянное знание о состоянии сетей (перегрузка, плохое качество каналов связи, разрыв). Например, в процессе информационного обмена между двумя жителями г. Санкт-Петербурга сообщение может выйти из зоны Рунета в финскую зону и затем вернуться обратно в российскую. Это часто происходит из-за плохого качества сетей связи, поэтому два последующих пакета данных могут заимствовать две различные дороги, или маршрута, к получателю согласно изменениям состояния движения и связей. Сообщение будет реконструировано у получателя, начиная со сборки заново полученных пакетов данных.

Кроме того, если отправитель и получатель заранее знают точку отправления и точку назначения сообщения, а возможно, и первую точку доступа к Сети, то они наверняка не имеют представления о проделанной этим сообщением дороге, так как пакеты данных не сохраняются в памяти. Таким образом, информация может «огигать» стороны или части сети, переполненные или непригодные для использования субъектами информационного права. В этом и заключается принципиальная разница между коммуникациями в Интернете и классическими телефонными коммуникациями.

Так, телефонная связь устанавливается после того, как пользователь набрал номер назначения, и остается активной до момента прекращения связи с одной из сторон. Это гарантирует коммуникацию в реальном времени, если не происходит задержки, связанной с обрывами, помехами и т. п. Вместе с тем ресурс связи в данном случае не используется оптимальным способом, так как его потребление одинаково, какой бы ни была плотность (насыщенность) распространяемой информации.

В Интернете, напротив, для коммуникаций характерна последовательность связей. Каждый пакет посылается на следующий узел, занимая место в «нитке ожиданий», или очереди, которая группирует все пакеты, перед тем как отправить их в определенном, одинаковом направлении. Этот механизм достаточно простого функционирования тем не менее пока недостаточно приспособлен к коммуникациям, которые осуществляются

в реальном времени (задержка голоса, возможное эхо, «торможение» изображения). Однако решение этих проблем — лишь вопрос времени. Сегодняшние программы Skype, MSN Messenger вполне способны конкурировать на рынке интернет-телефонии с обычными телефонными компаниями. Это прежде всего касается тарифных планов и предоставляемых бесплатных информационных продуктов, из-за которых часто возникают различные информационные споры между владельцами сетевых и реальных телефонных компаний.

Итак, остановимся подробнее на характеристиках кибернетического пространства, которые воздействуют на формирование российского информационного права.

1. Отсутствие географических границ. Интернет в последнее время приобретает все большую популярность и чрезвычайную экспансию. Электронная торговля и реклама находятся на подъеме. Данная технология является индикатором растущей глобализации.

Наиболее характерный атрибут Интернета проявляется в том, что географические границы здесь не играют никакой роли. Киберпространство — это электронное информационное пространство коммуникаций, превосходящее границы; оно не локально, т. е. Интернет не является просто многотерриториальным, а имеет межтерриториальный, всеобщий и глобальный характер¹.

Территориальные границы традиционно ограничивают определенные зоны, где применяются системы разнообразных юридических норм. Развитие Интернета делает общедоступными коммуникации, ставя под вопрос применение законов в рамках географических границ. Это позволяет сделать вывод, что мировой и транснациональный характер киберпространства плохо приспособляется к национальным географическим границам, влияющим на компетенцию судов².

В связи с этим возможности наказания субъектов правонарушений существенно ограничены необходимостью их реальной идентификации и другими требованиями национального законодательства (обязательная фиксация необходимых доказательств, выявление самого юридического факта — правонарушения, совершенного в «материальной форме», и т. д.).

В данном случае речь идет не только о возможности обнаружения и наказания правонарушителей, так как существуют механизмы, позволяющие государствам обязывать исполнять свой закон, даже если они физически не присутствуют на данной территории или в регионе. Например, это происходит вследствие заключения многосторонних и двусторонних соглашений о борьбе с преступностью в сфере высоких технологий и оказании помощи по уголовным и иным делам. Вместе с тем данные механизмы требуют дополнительных расходов, связанных с выполнением работы. Речь идет о прямых

¹ См.: *Katsh M. E. Law in Digital World*. Oxford: OxfordUniversityPress, 1995. P. 4; Интернет: социологический аспект / И. П. Аносов [и др.]. М.: Скрипторий, 2002. 120 с.

² См.: *Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник*. М.: Юриспруденция, 1999. С. 420–426; *Общая теория права* / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1996. С. 177–179; *Johnson D. R., Post D. G. Law and Borders — The Rise of Law in Cyberspace* // *Stanford Law Review*. 1996. Vol. 48. № 5. P. 1367.

затратах, определяемых расширением полномочий государственной власти, и о затратах на гармонизацию законодательства, а также о механизме исполнения судебных поручений.

Некоторые авторы предсказывают, что новые правила, не имеющие отношения к доктрине, связанной с понятием «территориальная компетенция», должны появляться в различных странах и смогут выполнять общесоциальную, регулятивную и охранительную функции права, определяя информационную правосубъектность, решая вопросы защиты интеллектуальной собственности, а также привлекать внимание общественности в отношении фундаментальных ценностей, которые необходимо защищать.

2. Анонимность в киберпространстве существенно затрудняет процесс применения права. Дело в том, что в Интернете пользователи могут оставаться анонимными, поскольку природа Сети предоставляет им возможность быть абсолютно подвижными, или мобильными. Пользователь способен осуществлять свою информационную деятельность из любой точки (пункта) мира, отправляя и получая любую информацию. Источник происхождения сообщения может быть скрытым или закодированным. Потребитель Сети может иметь псевдоним или электронную идентификацию личности, отличную от его реальной идентификации. Все сказанное приводит некоторых исследователей к мысли о возможности использования киберпространства для создания оплотов и целых территорий, позволяющих избегать законной (легальной) ответственности¹. Сегодня это заметно в отношении злоупотреблений авторскими правами, распространения клеветы, порнографии и ведения так называемых информационных войн. Однако в последнее время российский законодатель пытается решить проблему идентификации лиц в этом свободном информационном пространстве. Именно на эту цель направлено новейшее информационное законодательство (например, Закон о блогерах, Антипиратский закон и др.). Так, например, Правительство РФ приняло специальное постановление от 31 июля 2014 г. № 758 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Согласно постановлению, владельцы бесплатных точек доступа Wi-Fi должны будут идентифицировать потребителей их услуг. Идентификация пользователя осуществляется оператором универсального обслуживания путем установления фамилии, имени, отчества (при наличии) пользователя, подтверждаемых документом, удостоверяющим личность. Это может быть паспорт или другой документ, удостоверяющий личность, а также иные идентификационные средства (например, номер мобильного телефона, учетная запись на сайте госуслуг и др.). 8 августа 2014 г. Мин-

¹ См.: *Йирка К. А.* Компьютерные технологии на службе у правового государства: средства связи и исследования / пер. с англ. Петрозаводск, 2000.

комсвязи выпустило пояснения, из которых следует, что постановление Правительства № 758 распространяется на конкретные пункты коллективного доступа (ПКД), например, помещения с возможностью выхода в Интернет для населения, специальные рабочие места в отделениях «Почты России». Сразу после вступления в силу данных новелл у журналистов, работающих через Wi-Fi в пресс-центре Дома правительства РФ, попросили паспортные данные, их электронную почту, а также данные об их мобильных устройствах. Подобная практика имеет распространение в Республике Беларусь и касается преимущественно пользователей Интернет-кафе. Насколько результативными окажутся данные предписания в нашей стране, покажет лишь время.

3. Возможность ускользать от контроля. Другой аспект мобильности, или подвижности, пользователей (потребителей интернет-услуг) связан с многочисленностью и разнообразием сайтов, а также блогов, форумов, предложенных потребителям. Все это позволяет пользователям теоретически менять юрисдикционную компетенцию и перемещаться под юрисдикцию более благоприятных норм, т. е. подчиняться наиболее выгодным правилам.

Таким образом, пользователи Сети могут «выйти» из режима, определенного национальным законом, чтобы избежать выявления совершенных ими правонарушений и уйти от предусмотренных взысканий со стороны государства пребывания, установившего юридическую ответственность за подобные деяния. Субъекты преступлений стараются осуществлять свою преступную деятельность в наиболее свободных зонах Интернета, т. е. вне судебной юрисдикции собственного государства (например, в зонах.com,.net,.org,.ag,.sc).

4. Иерархия и структурные зоны. Интернет представляет пространственную структуру, включающую иерархию различных участников: учреждений регистрации доменных имен и множества посредников, распределенных асимметричным способом (интернет-провайдеры, торговые информационные посредники и др.). Все они обеспечивают возможность доступа потребителям информации к информационным разделам и наполнениям Сети. Интернет также разделен на «зоны», посредством которых техническая архитектура сети позволяет или запрещает доступ к некоторым товарам и услугам или их распространению¹. Данные структурные характеристики киберпространства также являются существенными для построения будущего международного и национального информационного законодательства. Действительно, функциональная структура и архитектура Интернета может служить основанием для появления «полицентрического», или «децентрализованного», права. Так, Д. Пост справедливо указывает, что «без сомнения, нужно принимать во внимание этот существенный принцип построения этой среды, если мы хотим понять, каким образом устанавливать некие правила в виртуальном пространстве. Вполне очевидно, что следует проводить некоторое различие между Интернетом, взятым в целом, и различными

¹ См.: *Lessig L. Reading the Constitution in Cyberspace // Emory Law Review. № 869. Stanford Law School. 1996. P. 869–910.*

зонами, из которых он состоит»¹. Взаимодействие между этими зонами, и в первую очередь органами законодательной и судебной власти, окажется особо значимым и будет существенно влиять на эффективность законов различных государств. Смогут ли данные законы иметь обязательную силу в различных частях киберпространства или нет, покажет время. Сегодня сделаны лишь скромные попытки договориться в отношении некоторых блоков правовых проблем, отталкиваясь от принципов, закрепленных в Конвенции по борьбе с киберпреступностью 2001 г. 5. Растущее взаимодействие, интерактивность и динамизм. Интерактивный диалоговый характер сети и динамика коммуникаций в этом пространстве существенно влияют на то, каким образом там возникают, изменяются и прекращаются правоотношения, насколько исполняются сетевые договоры и нормы сетевого этикета. Электронные цифровые документы существенно отличаются от традиционных, лишены определенных качеств в пространственно-временном смысле, которые характеризуют, например, печатное произведение. Это происходит благодаря динамическому состоянию информационных ресурсов в момент их движения по информационным цепочкам от составителя к исполнителю.

Скорость электронных обменов, постоянное обновление информации и интерес потребителей к интерактивности постепенно приведет к изменениям в системе государственного управления: исчезнет привычный стереотип о стабильности бумажных документов. Например, давно следовало бы заменить трудовую книжку обычной пластиковой картой, которая по сравнению с документом сталинского времени в несколько раз надежнее сохраняет информацию.

Э. Кеч следующим образом объясняет важность изменений в сфере документооборота, а также трансформации способов информационных обменов: «Использование новых способов коммуникации (связи) вызовет новые вопросы. Заботы, существовавшие в прошлом, будут уменьшаться. Мгновенность информационных обменов, решение конфликта и восстановление нарушенных прав будут, возможно, намного важнее, нежели определение намерений, которые послужили основанием для возникновения того или иного контракта»².

Природа и характер отношений, складывающихся (возникающих, изменяющихся и прекращающихся) в киберпространстве, будут существенно влиять на развитие информационного права. Например, растущий динамизм коммуникаций в будущем приведет стороны к необходимости выработки новых, более упрощенных средств решения конфликтов. Если речь идет о стабильности текущих отношений в российском Интернете, действия законодателя должны быть направлены на стимулирование электронной торговли, возможности в рамках действующих правовых норм заключать, изменять и исполнять сетевые договоры и урегулировать разногласия.

6. Наличие интерактивных информационных связей.

¹ Johnson D. R., Post D. G. And How Shall the Net Be Governed? A Meditation on the Relative Virtues of Decentralized, Emergent Law // Coordinating the Internet. Massachusetts: MIT Press, 1997. P. 66.

² Katsh M. E. Law in Digital World. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 4.

Интернет характеризуется огромным числом электронных соединений, коммуникаций. Одним из характерных элементов этой среды является сетевой договор. В качестве сопутствующих характеристик данной договорной среды, связанной с архитектурой Интернета, выступают гиперсвязи, быстрота коммуникаций и «отмена расстояний», поощрение саморегулирования. Все эти моменты позволяют частному праву занять преимущественное место в регулировании инфраструктуры мирового информационного пространства. Иными словами, диспозитивные начала регулирования для этого блока отношений имеют существенное значение.

Воздействие характеристик киберпространства на концепцию будущего права. Рассмотренные выше характеристики кибернетического пространства ошутимо влияют на концепцию построения будущего международного информационного права, устанавливая как ограничения, так и преимущества.

Появление мировой Глобальной сети разрушает связи между географическим местом (физической локализацией) и способностью национальных властей полностью воздействовать на поведение в сети, законностью усилий, предпринимаемых властями для защиты прав и законных интересов собственных граждан как на своей территории, так и особенно за ее пределами, возможностью государства определять собственные правила, вводить равный масштаб поведения, который должен быть установлен для всех без исключений (для России это выглядит сегодня фантастично!) в том или ином случае.

Архитектура Интернета уже децентрализована и многомерна. Таким образом, киберпространство само по себе представляет некоторые черты или характеристики, способствующие определению специфики юридических рамок, которые необходимо устанавливать. Интернет радикально потрясает систему регулирования, основанную на разграничении физических пространств, отделенных национальными границами, и делает безуспешным любое регулирование согласно правилам, определенным какой-то отдельной территорией или государством. Сама природа коммуникаций поощряет отношения, базирующиеся на саморегулировании, что доказывают своей мобильностью и возможностью уходить от контроля потребители Интернета. Осуществление в этой среде государственного регулирования посредством классических механизмов не составляет компетенцию какой-либо отдельной территориальной власти и будет дорогостоящим.

Такая особенность интернет-среды делает нецелесообразной модель централизованного регулирования, т. е. «сверху». В данном случае более подходящим представляется введение юридических рамок, основанных в значительной степени на коллективном взаимодействии, что предполагает добровольное принятие и исполнение обязательств на принципах согласия и автономии воли участников. Это могло бы привести к введению юридических процедур, уже известных частному праву, включая возможную выработку новых механизмов решения конфликтов. Однако саморегулирование не может справиться с многочисленными угрозами новой цифровой среды (экстремизм, ксенофобия; мошенничество, сводничество и т. д.).

Принятие децентрализованного решения могло бы действительно оказаться наиболее правильным и эффективным способом регулирования отношений пользователей Интернета.

Д. Джонсон и Д. Пост говорят по этому поводу о появляющемся «децентрализованном праве»¹. Последующий анализ условий создания законов подтверждает этот тезис.

Далее мы рассмотрим возможные модели регулирования поведения участников Сети, а также попытаемся установить, в каких целях должны быть выработаны национальные законы.

Учет фундаментальных ценностей. Как уже отмечалось, новое информационное пространство позволяет беспрепятственно обмениваться данными и вести весьма разнообразную деятельность, не всегда контролируемую государственной властью. Пользователи могут перемещаться из одной зоны в другую и представляться под различными псевдонимами. Все это может расстроить любую робкую национальную попытку суверенных властей установить собственную шкалу ценностей, которые, на их взгляд, должны были бы преобладать в исследуемой среде.

Ситуация выглядит следующим образом: заключая с провайдером договор об обслуживании, потребитель информации принимает обязательства придерживаться законов и определенных норм поведения, что дает операторам широкие возможности по установлению собственных правил для конечных пользователей. Разнообразие провайдеров, сайтов в Интернете, предлагаемый потребителям выбор их посещать (не посещать) так же, как выбор потенциальных собеседников, контрагентов, будет тормозить неограниченную власть операторов и вместе с тем ограничивать и минимизировать отрицательные негативные последствия правонарушений для индивидуальных пользователей. Деятельность в Сети должна быть поддержана гибкой и логически связанной системой национального законодательства и только в случае необходимости — устанавливающими базовые принципы регулирования актами, выработанными на международном уровне.

Определяющими в данном случае являются особенные характеристики Сети, рассмотренные выше: «Интернет обладает большим преимуществом — он позволяет решать различными способами существующие проблемы, давая тем, кто не соглашается с решением какой-либо отдельной проблемы, возможность не встречаться... и благодаря установке фильтров не получать вредных сообщений»².

Интернет и свобода слова. Итак, сама архитектура Интернета устанавливает в информационной среде определенные ценности. В одном из постановлений Верховного суда Новой Зеландии судья высказал мнение, согласно которому Интернет «способствует и проводит в жизнь главный принцип, закрепленный в статье 19 Международного пакта о гражданских и полити-

¹ Johnson D. R., Post D. G. Law and Borders — The Rise of Law in Cyberspace // Stanford Law Review, 1996. Vol. 48. № 5. P. 1369.

² Lessig L. Reading the Constitution in Cyberspace // Emory Law Review. Stanford Law School. 1996. № 869. P. 869–910.

ческих правах¹, принятого в Нью-Йорке 19 декабря 1966 г., которому Новая Зеландия и другие многочисленные государства следуют².

Указанная статья определяет, что:

1) каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений;

2) каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору;

3) пользование предусмотренными в п. 2 данной статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность; оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:

— для уважения прав и репутации других лиц;

— для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Основополагающие ценности, отраженные в международном правовом акте, закрепляются также на национальном уровне в ст. 29 Конституции РФ, устанавливая важнейший принцип свободы слова. Кроме того, ст. 3 Закона РФ «О средствах массовой информации» указывает на недопустимость цензуры. Иные факторы, без сомнения, также будут влиять на вопрос правового регулирования киберпространства. Так, по мере развития к Интернету будут предъявляться все большие требования, и это в первую очередь касается его надежности. Некоторые виды деятельности законодательно признают противозаконными. Те, кто использует Интернет для электронного ведения бизнеса, станут защищать свои интересы, опираясь на закон «Об электронной торговле» и другие средства защиты.

Все эти моменты должны привлечь внимание специалистов в области права к необходимости установления новой системы регулирования. Как мы увидим далее, традиционные модели не будут больше подспорьем в этом деле. Юридические рамки, которые определятся в конечном счете, будут состоять из многочисленных решений. Система «полицентрического права», совмещающая на уровне национальных законодательств децентрализованное правовое регулирование и саморегулирование, будет тому подтверждением. Конечные юридические рамки регулирования, без сомнения, будут основаны на характеристиках самого Интернета, таких как: способность к само-

¹ Бюллетень международных договоров. 1993. № 1. С. 3–6.

² Решение Новозеландского Верховного суда от 5 июня 1998 г. № CP147/98 в отношении анонимности в Интернете, получившее название «дело «Oggi»». Oggi.co.nz — это область в Сети, которая явилась предметом данного спора. Первоначально данный адрес был зарегистрирован неким Эллиотом Отги, который в качестве своего местонахождения указал отделение физики Университета Западного Онтарио, а точнее, предоставил его адрес для контактов. Обращения в Университет, однако, ничего не дали: никто на физическом факультете не знал о сотруднике с такой фамилией. См. подробнее: URL: <http://aardvark.co.nz/n357.htm>.

коррекции, возможность с помощью технических средств предупреждать незаконные посягательства, как это, например, иногда происходит в сфере авторского права. Это позволит существенно влиять на динамику и характер противоправной деятельности и обязывать к определенным нормам поведения участников сети.

Социальное регулирование отношений в области использования сети Интернет. Исторически в каждом обществе действуют свои механизмы регуляции, что связано с особенностями менталитета населения, обычаями, традициями, уровнем развития правовой культуры и т. д. Каждая национальная правовая система имеет свои характерные особенности, наряду с которыми можно обнаружить и проанализировать также ее общие черты.

Социальное регулирование представляет собой упорядочение поведения отдельных индивидов и социальных групп согласно определенным нормам или правилам. Регулировать — значит определять поведение людей и их коллективов, давать ему направление функционирования и развития, вводить в определенные рамки, целеустремленно его упорядочивать¹. В процессе такого правового воздействия происходит уточнение, совершенствование или настройка поведения людей.

Социальными регуляторами в разные эпохи выступают различные средства и механизмы: предсказания и пророчества, мифы, обычаи и традиции, религия, нормы права и морали. Истории известно много примеров, когда одни социальные регуляторы сменялись другими. Одни из них преобладают, доминируют в определенное время, другие действуют постоянно на протяжении всей истории, некоторые утрачивают свои регулятивные свойства и отходят на второй план. В процессе регулирования социальные регуляторы так же, как и социальные нормы, тесно взаимодействуют между собой. Говоря о методах социального регулирования, А. Б. Венгеров метафорически сравнивает их с поездкой на ослике, рассматривая как побуждение, понуждение (стимулирование) и принуждение². Социальное регулирование может облекаться в различные формы: правовые (посредством законов и подзаконных актов); моральные (кодексы профессиональной этики, кодексы чести, обычаи); эстетические (стиль, мода) и иные.

В юридической литературе регуляторы социального поведения подразделяют на нормативные и ненормативные.

Нормативные регуляторы устанавливают четкие рамки поведения участников общественных отношений, вводя общую (равную) меру поведения, применимую ко всем без исключения, т. е. норму, которая носит неперсонифицированный характер, обладает многократностью действия, а ее реализация обеспечивается механизмом социального регулирования, включая и возможность принуждения.

К нормативным регуляторам относят правовой, моральный, юридико-технический, нормативно-технический, групповой (корпоративный). В ка-

¹ См.: Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 31.

² См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права. Теория права. Т. 1. М.: Юрист, 1996. С. 79.

честве разновидности правового регулятора выступает правовой обычай, или обычное право, прецедент, иногда доктрина.

К ненормативной регулятивной системе следует отнести ценностный, директивный и информационный регуляторы, а также институт прогнозирования (предсказаний)¹.

Рассмотрим существующие нормативные и ненормативные средства регулирования, применимые к Интернету.

Выработка права для киберпространства связана с исследованием возможных способов регулирования, применимых к Сети. Л. Лессиг в своей статье «The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach» (Закон лошади: чему бы мог научить виртуальный закон) объяснил, что поведение в этой сфере может быть урегулировано четырьмя типами регуляторов: напрямую законом; социальными (корпоративными) нормами; законами рынка и конкуренции, а также техническими нормами².

Регулирование, осуществляемое правовыми нормами, является наиболее результативным и эффективным способом регуляции, поскольку эти нормы исходят от всего общества и регулируют его основные базовые отношения. Позитивное право обеспечивается и гарантируется со стороны государства: в случае нарушения объективного права государство обладает возможностью легального принуждения. Механизм принуждения используется в целях восстановления нарушенного права, имеет охранительные, а также воспитательные функции. Выше уже приводились примеры законов, которые регулируют поведение в кибернетическом пространстве: это и законодательство об информации, электронной подписи, защите авторского права на информационные продукты, защите от клеветы, распространении порнографии, посягательства на частную жизнь граждан и многое другое. Каким бы трудным ни было их применение, именно на положения позитивного права следует ссылаться, чтобы решить конкретное дело в суде по существу.

Вторым нормативным регулятором выступают социальные (корпоративные) нормы, принятые самими участниками Сети, выражающие волю участников, имеющие для них обязательное значение и, несомненно, регулирующие их поведение. Кроме того, данные нормы предусматривают возможность наступления неблагоприятных последствий, установленных отдельной корпоративной группой или коллективом, объединенным общими целями и задачами. Они не исходят от какой-либо центральной власти (например, правительства) и порой могут выступать более эффективным средством регулирования, так как действуют децентрализованным образом. Корпоративные нормы, как правило, регулируют те общественные отношения, которые не урегулированы законами. Их сходство с правовыми нормами заключается в документальной фиксации и определенной степени детализации.

¹ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права. Теория права. Т. 1. М.: Юристъ, 1996. С. 75–95.

² См.: Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Harvard Law Review. № 113. 1999. P. 507–508. URL: <http://cyber.law.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf>.

Участники Интернета, без сомнения, используют также достижения технологии, чтобы упорядочить поведение, т. е. стимулировать или прекращать определенные виды деятельности. Различные сетевые договоры между участниками и сетевой этикет также регулируют поведение участников информационного пространства¹.

Имеет широкое распространение точка зрения, согласно которой экономика и рынок обладают способностью регулировать действия участников, устанавливая границы как индивидуального, так и коллективного поведения. Ценовая политика различных интернет-компаний, например, расходы на доступ к некоторой информации и услугам Интернета, так же, как и другие факторы (скорость, перегрузка и т. д.), существенно влияют на возможный выбор потребителей в киберпространстве и выступают примерами регулирования поведения участников самим рынком.

Правовое социальное регулирование отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в киберпространстве, возможно также посредством экономической конкуренции. Этот факт нужно учитывать при выработке законодательных актов, затрагивающих информационную сферу. Сетевые протоколы и платный сервис могут выступать в качестве первого средства установления правил нужного поведения. Данный источник обладает определенным преимуществом по отношению к другим регуляторам ввиду его способности управлять доступом к Сети, исключая деятельность, несовместимую с правилами, установленными в кибернетическом пространстве.

Можно также описывать разнообразие, связанные с практикой кибернетического пространства регуляторы (программное обеспечение, которое используется в этой среде; сетевые протоколы и иные нормативно-технические регуляторы), которые вытекают из архитектурных характеристик самой Сети. Следует обратить внимание на многочисленные примеры регулирования, осуществляемого путем кодирования: введение паролей; возможность оставаться анонимным или иметь несколько идентификаций; использование криптографии, различных фильтров и систем предупреждения посягательств на авторское право. Такие характеристики также устанавливают рамки поведения и влияют на активность пользователей в Интернете.

В своем анализе рассмотренных способов регулирования Л. Лессиг отмечает два свойства, которые позволяют лучше понять природу этих регуляторов и у которых имеется стратегическая значимость для решения вопроса, какой тип регуляторов использовать:

1) возможность прямого или непосредственного действия, которое регулятор осуществляет, причем чем директивнее этот регулятор, чем непосредственнее он может действовать, чем большую сферу действия охватывать, тем

¹ Например, Л. Лессиг в статье «Закон лошади: чему бы мог научить виртуальный закон» приводит следующие примеры: если участник Сети будет говорить о ксенофобии в некоторых телеконференциях, то он подвергнется суровой обструкции; украдет идентификацию другого пользователя в процессе онлайн видеоигры, то ему будет запрещена игра; если он чересчур болтлив, то он окажется, вероятно, в фильтре зауд, надоедливых или прилипал (*Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Harvard Law Review. № 113. 1999. P. 508*).

значительнее его возможности эффективного регулирования; нормативное регулирование этой среды будет наиболее значимым и результативным, нежели ненормативное;

2) «пластичность», определяемая Л. Лессигом как легкость, с которой регулятор может быть подвержен изменениям или модифицирован; сюда же можно отнести и способность его восприятия участниками Сети.

Необходимо также дать характеристику юридико-техническому и нормативно-техническому регулятору социально значимого поведения. Следует уточнить, что социальные нормы регулируют поведение людей и их групп между собой, технические же определяют отношение человека к технике.

Если говорить о юридико-техническом регуляторе, то он направлен на упорядочение отношений между людьми и в нем сочетаются как правовые, так и технические нормы: всевозможные инструкции, методические материалы, ГОСТы, СНИПы и т. д. Данный регулятор действует по схеме «субъект — субъект». В отличие от него нормативно-технический регулятор устанавливает технические и технологические нормы, определяя отношения лица к технике, и действует по схеме «субъект — объект». Проникновение правовых норм в технические связано прежде всего с усложнением производства и обмена. В связи с этим объектом регулирования со стороны права все больше становятся ранее недоступные ему области. Нормативно-технические регуляторы имеют целью защищать и гарантировать конкретные ценности в Сети определенными способами действия, например, кодированием.

Можно проиллюстрировать это положение, приводя в качестве примера требования различных онлайн-служб. Так, например, системные администраторы могут обязывать членов телеконференций или интернет-аукционов иметь единственную электронную идентификацию, совпадающую с их настоящей, существующей у них в реальном мире идентификацией личности. Это в определенном смысле может регулировать поведение, ограничивая диапазон обсуждаемых тем, устанавливая определенные модели поведения и некоторые ценности, так как индивиды в данном случае связаны своей фактической репутацией.

Некоторые службы предлагают устройства блокировки. Речь идет о программном обеспечении, позволяющем посредством специальной блокировки одному пользователю мешать другому лицу обращаться к тому или иному сайту. Данное средство контроля, предложенное, например, родителям малолетних лиц, защищает детей от информации, которая кодируется таким образом. Это дает родителям возможность получить определенное поведение их детей, которого они могли бы добиться не иначе, как убеждением или угрозой. Подобную процедуру регулирования с помощью права трудно себе представить.

Итак, программное обеспечение и технические нормы фактически определяют ограничения и возможности поведения потребителей услуг. Так, Л. Лессиг считает, что в этом смысле технические нормы могут защищать некоторые ценности, а технические коды в кибернетическом пространстве в некоторой степени заменять законы реального мира. Они позволяют

более ловко и изворотливо регулировать и дисциплинировать участников и являются инструментом, способным благоприятно заменять другие способы регулирования¹. Если предположить, что ученый прав и регулирование техническими кодами в этой среде будет выступать наравне с законами, то идентификация личности авторов кодирования будет в этом случае ключевым моментом.

Таким образом, социальные (корпоративные) нормы и сетевые договоры имеют широкое применение и играют активную роль в процессе регулирования киберпространства. Необходимо, однако, отличать случаи, когда контрагенты в Интернете заключили сетевой договор, от случаев, при которых может иметь место регулирование посредством кодирования или блокировки.

Очевидно, будет ошибочно сопоставлять такие способы регулирования, как кодирование и договор. Термин «сетевой договор» означает любое соглашение между равноправными субъектами права. Такие договоры в отличие от технических кодов должны включать некоторое число узловых специфических признаков; они имеют ряд особенностей, касающихся порядка заключения, содержания, ответственности сторон и оснований прекращения. Определенные требования установлены для действительности такого рода соглашений:

- а) лица, участвующие в договоре, должны быть способны к заключению именно данного его вида;
- б) содержание договора должно быть правомерно;
- в) необходимо, чтобы волеизъявление лиц соответствовало их подлинной воле;
- г) существенное значение имеет сама форма заключения и выполнения сетевого договора.

Контракты должны предусматривать на случай неисполнения возможность обращения за защитой нарушенного права в компетентный юрисдикционный орган, поэтому для каждого соглашения судебные власти могут установить: должно ли быть выполнено соответствующее обязательство или нет. Суды учитывают различные принципы, отраженные в обязательственном праве и касающиеся возможности выполнения обязательств (законность, надлежащее исполнение, справедливая коммерческая практика, возмещение имущественного и морального вреда и др.). Иными словами, договор отражает сочетание публичных ценностей и частных обязательств.

Ситуация выглядит иначе в отношении кодирования. Когда технический код, являясь нормативно-техническим регулятором, служит для того, чтобы осуществлять какую-либо защиту, или его использование предполагает, что пользователь возьмет на себя какие-либо обязательства, рассматриваемые нами, общественные ценности занимают второстепенное место. Автор технического кода также не подчинен принципам и нормам обязательственного права, если разработка норм права и их применение в некоторой степени сопровождаются гарантией принятия в расчет общественных ценностей, там, где обязательственное право включает публичный элемент.

¹ См.: *Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach*. P. 507–508.

Отсюда возможно вмешательство национальных государственных властей в Сеть через выработку законодательства, регулирующего процессы кодирования. Так, американский конгресс в 2001 г. принял закон, требующий от телефонных компаний выбирать сетевую архитектуру, которая облегчает радиоперехваты¹. Указанный закон является наглядным примером законодательного вмешательства в Сеть, стремящегося изменить правила, установленные архитектурой Сети. Можно привести и другие примеры, в частности закон ФРГ 1997 г. по защите данных в сфере телеинформатики², который отвечает требованиям системных мер по сохранению данных в течение определенного времени³.

В рамках сказанного возникает проблема — Интернет и «стратегии выхода» субъектов (участников). Она сводится к тому, что способность участников Сети «оставлять» среду сама по себе составляет форму регулирования. Архитектура Интернета предоставляет эту возможность, ибо лишена любого механизма централизованного регулирования. В Сети не существует единой точки, в которой (или по которой) все сделки или информация должны протекать или осуществляться в строгой форме. Из этого следует, что все узлы Интернета действительно равномошны, все они и каждый в отдельности способны выполнять ключевые функции маршрутизации информации.

Важную роль в регулировании кибернетического пространства может играть обычное право. Электронные документы можно сравнивать и проводить их аналогию с обычным правом, с так называемым правом продавцов (торговым правом — *lex mercatoria*)⁴. Д. Пост видит в этом праве «некий пример свободного и спонтанного образования правил, освобожденного от любого контроля со стороны государства»⁵. Для того чтобы более детально разобраться в этих вопросах, будет весьма полезно обратиться к понятию обычного права и к аналогиям. В частности, остановимся на аналогии с *lex mercatoria*, которое рассматривается как одна из моделей обычного права. (*lex mercatoria* — везде пишется в два слова).

Известно, что исторически в территориальном отношении обычное право выступало как право определенного города и развивалось спонтанно и корпоративно. Образование обычаев носило стихийный характер. Собственно социальной нормой обычай становился лишь при трансформации в поведенческую привычку в силу длительного применения, затем он санкцио-

¹ Акт о совершенствовании системы кибербезопасности США (CSEA) // *Cyber security enhancement act of 2001: Hearing*. Washington: GPO, 2002.70 p. (U. S. Congress, 107. Session, 2). URL: <http://www.buzer.de/sl1.htm?g=TDDSG+1997&f=1>.

² Речь идет о немецких актах *Mediendienste-Staatsvertrag (MDSStV)*. URL: <http://netlaw.de/gesetz/mdstv.htm>, а также *Teledienste-Datenschutzgesetz (TDDSG)*. URL: http://www.kanzlei.de/iukdg_2.html

³ См. подробнее: *Greenleaf G. An Endnote on Regulating Cyberspace: Architecture Vs Law?* // *UNSW Law Journal*. Sydney, 1998. Vol. 21. № 2. P. 593–622. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/UNSWLJ/1998/52.html>

⁴ См.: *Расолов И. М.* Предмет коммерческого права. Взаимосвязь гражданского и коммерческого права // *Коммерческое право*. М.: ЮНИТИ- ДАНА, 2001. С. 3–28.

⁵ *Post D. G.* Anarchy, State, and the Internet: An Essay on Law-Making in Cyberspace // *Journal of Online Law*. 1995. № 1. Art. 3.

нировался решениями суда, усиление роли которого происходило главным образом в связи с расширением торговли и необходимостью находить средства регулирования разногласий по-другому, нежели ссылаясь на локальное местное обычное право. Нужно было осуществлять единое и общее унифицированное признание некоторых правил поведения, поэтому постепенно появились юридический прецедент и статутное право.

В настоящее время существует еще один способ санкционирования обычаев — закрепление или отсылка к ним в текстах законов. Речь идет о праве, основанном на обычаях, пользующихся признанием и достаточным авторитетом, чтобы придавать ему обязательную силу в сфере товарно-денежных отношений. Обычное право, которое образовалось в эту эпоху, могло быть признано нормативным и служить авторитетом. Вместе с тем его нормативный характер был ограничен рамками определенной территории¹. Для признания обычая была необходима широкая поддержка населения и длительность существования. В исследуемой нами области обычаи как источник права кибернетического пространства существуют уже не первый год, причем в самых разнообразных формах и проявлениях. Среди них выделяют устные и письменные, упорядоченные и неупорядоченные, местные и региональные, общие и локальные, правовые и неправовые.

Итак, может ли киберпространство выступать моделью, позволяющей нам констатировать, что сила обычая не основана на каких-либо актах или действиях той или иной суверенной власти? Для того чтобы обладать реальной исполнительной силой, юридические рамки кибернетического пространства должны прямо черпать свою власть и авторитет в «праве реального пространства», иначе говоря, в уже существующих и признанных нормах международного договорного права². Этот вывод вытекает из предыдущих заключений. Что касается международного частного права, то оно, несомненно, будет выполнять существенную роль в правовом регулировании кибернетического пространства, так как из-за децентрализации последнего многие отношения здесь строятся на основе саморегуляции участников, поскольку регулирование отводит большое место нормативно-техническим регуляторам. Таким образом, мы считаем, что в рассматриваемой среде должна быть установлена не централизованная, а децентрализованная система регулирования, которая не исключит все другие модели образования права. Юридические рамки обеспеченности, устанавливаемые здесь, в конечном счете окажутся композиционными, даже если саморегулирование частных субъектов (участников) будет преобладать.

И наконец, следует очертить проблемы, вытекающие из децентрализованного характера процессов регулирования кибернетического пространства.

¹ См.: *Goldsmith J., Lessig L. Grounding the Virtual Magistrate*. Paper prepared for NCAIR Conference on Online Dispute Resolution. Washington, DC. 1996. May. P. 2–49. URL: <http://www.umass.edu/dispute/ncair/groundvm.htm>.

² Op. cit.

Во-первых, возникнет необходимость учитывать публичные интересы или «коллективные ценности» в киберпространстве. На наш взгляд, ситуация не выглядит безнадежно. Вероятно, с учетом различных самостоятельных характеристик Сети определенные нормы поведения будут установлены, а недопустимые акты пресечены; появится некий сетевой этикет, определенное согласие, консенсус пользователей. Это связывается в первую очередь с возможностью регулирования Интернета при помощи архитектуры Сети и различных технических спецификаций. Добавим к этому способность пользователей самостоятельно выбирать между различными нормативными режимами, предложенными операторами системы, и другими посредниками. Иными словами, все это может быть осуществлено путем саморегуляции, однако и национальные законодательные власти также не должны бездействовать.

Во-вторых, появляются потребности в идентификации участников. Органы, которые имеют отношение к мировой инфраструктуре информации, в настоящее время обсуждают важный вопрос разработки эффективных механизмов идентификации лиц и отдельных актов поведения субъектов интернет-отношений. Например, МВД России инициировало разработку специального закона, который призван решительным образом изменить ситуацию в отношении идентификации лиц, совершающих правонарушения.

Исходя из анализа вносимых в Комитет по безопасности Государственной Думы РФ норм, можно заключить следующее.

Во-первых, фирмам-провайдерам в России будет запрещено анонимно заключать договоры на оказание услуг связи.

Владельцев крупных сайтов обяжут регистрироваться под реальными именами и адресами, как это делается в сфере предпринимательства. Предполагается, в частности, что под любой редакционной или авторской статьей (публикацией) в Интернете будет стоять не абстрактная подпись, а лицо, которое при желании можно идентифицировать. За распространение противозаконной информации автора и распространителя можно будет установить и привлекать к ответственности.

Идентификация лиц в киберпространстве станет также важным шагом в развитии международного частного и публичного права, в особенности в решении проблем заключения крупных сетевых договоров, которые объективно могут влиять на рынок мировой электронной торговли.

Во-вторых, в договоре об оказании информационных услуг обязательно должен присутствовать пункт, обязывающий провайдера незамедлительно в одностороннем порядке расторгнуть соглашение, если правоохранительные органы предъявят мотивированное письменное решение¹.

В-третьих, можно констатировать факт вмешательства государства в Сеть в целях защиты прав и законных интересов людей. Станут ли государства активнее вмешиваться в эту среду, чтобы запрещать и ограничивать некоторую информационную правовую деятельность и защищать интересы

¹ См. более подробно: РФ. 2006. 1 нояб.

своих граждан в этой сфере? Необходимо признать, что у государств будет существовать постоянное желание это сделать. Положительное решение данного вопроса в большей степени зависит от качества самоуправления, существующего в Сети, и от будущей практики самого права кибернетического пространства.

В связи с этим следует указать на некоторые принципы, закрепленные в Уставе ООН¹ 1945 г. и преамбуле Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами² от 24 октября 1970 г., чтобы более внятно ответить на этот вопрос. Прежде всего это принципы суверенного равенства государств (п. 1 ст. 2 Устава ООН) и невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства (п. 7 ст. 2 Устава ООН). Такая доктрина (*lex fori*) исходит из положения, что определенное государство может осуществлять свою юрисдикционную (судебную) власть в пределах своей территории. Реализация этой власти в другом государстве не имеет оснований. В случае «конфликта законов» каждое государство должно оценивать одновременно свой собственный интерес и интерес другой страны соразмерно. В итоге требуется признать компетенцию другой страны, если ее участие в рассматриваемом деле очевидно большее. (*lex fori* — пишется в два слова)

Данные положения имеют существенное значение для права кибернетического пространства и правового регулирования информационных отношений, поскольку идеи, лежащие в основе этих правил международной вежливости, раскрывают вопросы подсудности и подведомственности информационных споров, а также вопрос о том, кто имеет необходимую компетенцию для квалификации правонарушения в Интернете и выносит решение по конкретному делу. Здесь необходимо также обратить внимание на практику судебных органов решать какое-либо дело путем передачи полномочий. Конвергенция этих доктрин и их влияние на судебную практику имеют существенное значение для процессов правового регулирования кибернетического пространства. Принцип невмешательства во внутренние дела и передача полномочий есть основа разумного управления государственными ресурсами. Иными словами, принятие конкретных решений должно быть доверено тем, кто более четко осознает потребности и особенности данной сферы.

В-четвертых, следует также подчеркнуть, что опасности и риски негативных явлений, вытекающие из практики Интернета, не свидетельствуют о необходимости введения какой-либо особо жесткой модели регулирования для этой среды. Кроме того, модель децентрализованного регулирования не исключает согласованной политики различных государств в данной сфере, ведь именно они должны гарантировать общественную безопасность и защищать базовые интересы субъектов интернет-отношений и граждан.

¹ Международное право в документах / сост. Н. Т. Блатова. М.: Юридическая литература. 1982. С. 196–228.

² Международное публичное право: сб. док. М.: БЕК, 1996. Т. 1. С. 2–8.

Международная договорная работа и международные переговоры в этой сфере являются частью наднационального информационного права и юридического обеспечения сетей, которые необходимо развивать, даже если осуществляемая в кибернетическом пространстве практика сталкивается с многочисленными препятствиями, связанными с внутренними проблемами самих государств.

Информационные споры и ответственность провайдеров. Институт рассмотрения информационных споров, наиболее интересный и мало разработанный в науке информационного права. К сожалению, в литературе ему уделяется небольшое внимание. В связи с этим весьма интересными являются последние изменения в законодательстве, которые некоторым образом направлены на дальнейшее обособление этих норм в отдельный институт информационного права. Здесь прослеживаются прямые и обратные связи между этим институтом и институтом информационной безопасности, институтом информационных прав и свобод человека и гражданина, институтом интернет-права.

Следует отметить, что до сегодняшнего момента в российском законодательстве четко не были определены механизмы привлечения к ответственности провайдеров за размещение на обслуживаемых ими сайтах недостоверной информации, а также не установлена возможность предъявления к ним претензий за качество размещаемой информации.

Споры в интернет-праве условно можно разделить на две группы.

1. Споры, касающиеся информации с морально-этической составляющей. Некоторую ясность в данный вопрос внесли последние поправки в законодательство о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. В частности, Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ введен Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющий идентифицировать сайты. Сайты, внесенные в данный реестр, будут заблокированы. Распространение вредной информации, размещаемой на этих электронных площадках в Российской Федерации, запрещено. Закон впервые устанавливает четкие процедурные нормы для блокирования вредного контента:

1) создание, формирование и ведение реестра осуществляются федеральным органом исполнительной власти, выполняющим функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации (Роскомнадзором);

2) Роскомнадзор может привлечь к формированию и ведению реестра оператора реестра — организацию, зарегистрированную на территории Российской Федерации;

3) основаниями для включения в реестр сведений являются:

а) решения уполномоченных Правительством РФ федеральных органов исполнительной власти, принятые в соответствии с их компетенцией в по-

¹ СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4328.

рядке, установленном Правительством РФ, в отношении распространяемых посредством сети Интернет:

б) материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера;

в) информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах приобретения таких средств, веществ и их прекурсоров, о способах и местах культивирования наркосодержащих растений;

г) информация о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства;

д) вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети Интернет, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Причем решение о включении в реестр может быть обжаловано владельцем сайта в суд в течение трех месяцев со дня принятия такого решения.

Процедура блокировки будет выглядеть следующим образом. В течение суток с момента получения от оператора реестра уведомления о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в реестр провайдер хостинга обязан проинформировать об этом обслуживаемого им владельца сайта и уведомить его о необходимости незамедлительного удаления вредной интернет-страницы.

В течение суток с момента получения от провайдера хостинга уведомления о включении доменного имени в реестр владелец сайта обязан удалить интернет-страницу, содержащую информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. В случае отказа или бездействия владельца сайта провайдер хостинга обязан ограничить доступ к такому сайту в сети Интернет в течение следующих суток.

В случае непринятия провайдером хостинга и (или) владельцем сайта необходимых мер сетевой адрес, позволяющий идентифицировать сайт в российских зонах Интернета, включается в реестр.

В течение еще одних суток с момента включения в реестр сетевого адреса, позволяющего идентифицировать сайт в сети Интернет, оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети, обязан ограничить доступ потребителей к такой информации.

В Федеральном законе от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»¹ (Антипиратский закон) ужесточены меры борьбы с контрафактной продукцией, обращающейся, прежде всего, в Интернете и в других сетях международного информационного обмена. Процессуальные нормы, выработанные законодателем, некоторым образом перекликаются с теми, что описаны

¹ СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3479.

выше, и касаются блокировки информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей. Хостинг-провайдеры и владельцы сайтов обязаны удалять или блокировать в течение суток противоправный контент по требованию правообладателя, которое может быть направлено заказным письмом или по электронной почте. Хостинг-провайдер имеет право потратить еще одни дополнительные сутки, чтобы сначала уведомить владельца сайта об удалении материалов.

Информационные посредники обязаны оказывать помощь правообладателям, а также следственным органам. Владелец сайта, перед тем как удалить вредную информацию, обязан ее скопировать и хранить в целях передачи правоохранительным органам, а также в необходимых законом случаях предоставить правообладателю сведения о пользователе, разместившем вредную информацию. Пользователь, чья информация была удалена, может направить возражения владельцу сайта в течение 10 рабочих дней, представив доказательства правомерности распространения собственной информации. Если в течение месяца с момента направления возражений правообладателю владелец сайта или хостинг-провайдер не будет уведомлен об обращении в суд заинтересованного лица по существу спора (о нарушении третьими лицами его авторских прав), то владелец сайта или хостинг-провайдер вправе восстановить доступ к такой спорной информации.

Согласно ст. 1253.1 ГК РФ «Особенности ответственности информационного посредника» оператор связи не несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав при одновременном соблюдении следующих условий:

- 1) он не является инициатором этой передачи и не определяет получателя указанного материала;
- 2) он не изменяет указанный материал при оказании услуг связи, за исключением изменений, осуществляемых для обеспечения технологического процесса передачи материала;
- 3) он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содержащего соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным.

Ужесточены санкции за нарушение авторских прав в Интернете в КоАП РФ. Так, игнорирование обращений правообладателей грозит гражданам штрафом в размере 3–5 тыс. руб., должностным лицам и индивидуальным предпринимателям — в размере 30–50 тыс. руб., юридическим лицам — в размере 300–500 тыс. руб. и (или) административным приостановлением деятельности на срок до 90 суток и конфискацией технических средств.

2. Споры по поводу информации с экстремистским содержанием. С 2013 г. Роскомнадзор выполняет программу мониторинга электронных средств массовой информации на предмет экстремизма. Пилотный продукт начал работать в тестовом режиме в начале 2013 г., а к середине 2014 г. действует в городах с населением больше 100 тыс. человек. Система мониторинга коснется всех каналов, которые вешают и в эфире, и через кабель, и через

спутник. Блокировка будет осуществляться по ключевым словам. Трудность для разработчиков программы, которая будет фильтровать вредную информацию, заключается в том, что это не только текст, фотографии, но и весь мультимедийный контент. Поэтому данная программа должна быть технически намного сложнее, нежели существующие прежде аналоги, которыми пользовались специальные службы. В связи с этим можно прогнозировать большое количество судебных исков в адрес Роскомнадзора со стороны ретрансляторов телерадиовещания, а также других информационных посредников, которые иногда не понимают смысл того, что они периодически выдают в эфир на разных языках.

Отслеживать подобную информацию они не в состоянии, так как это лишит их существенной части прибыли (затраты на новые технические средства, профессиональных переводчиков, обслуживающий персонал). Таким образом, сайты с экстремистским содержанием по действующему законодательству должны блокироваться только по решению суда. И исключения здесь невозможны. Поэтому некоторые аналитики считают, что для регулирования интернет-отношений в России может быть применена модель, аналогичная правилам дорожного движения, однако необходимости в полном отказе от анонимности при этом они не видят.

Вместе с тем, как мы думаем, необходима еще более детальная и четкая проработка законодательного разрешения в отношении ответственности информационных посредников, причем как в России, так и в странах СНГ. Это также касается возможного манипулирования общественным мнением и неоправданного отсечения «неудобных» сайтов со стороны официальных властей (например, в период выборов кампаний). Тем более последние судебные процессы только подтверждают актуальность подобной постановки вопроса.

На наш взгляд, изменения и дополнения в российское законодательство должны вноситься по принципу, в соответствии с которым провайдер должен нести ответственность за качество информации, размещаемой на его сервере, в случае, если:

- 1) данная информация размещалась по его инициативе и (или) за его счет;
- 2) провайдер был осведомлен или имел возможность быть осведомленным о содержании информации, размещаемой на его сервере;
- 3) преднамеренные или непрофессиональные (противоречащие профессиональной подготовке, работе и возможности) действия провайдера повлекли размещение незаконной информации на его сайте.

Таким образом, ответственность провайдера наступает в зависимости от наличия его вины в размещении информации, нарушающей права третьих лиц.

Необходимо законодательно закрепить право провайдера по результатам проверки:

- или блокировать информацию, для выявления противозаконности содержания которой не требуется специальных знаний;
- или информировать компетентные органы о наличии сомнительной информации для более тщательной и компетентной проверки.

На наш взгляд, потенциал провайдера необходимо использовать в интересах упрощения процедуры по сбору доказательств в судебном процессе.

Это может касаться обязанности провайдеров регулярно копировать информацию с лог-файла, предоставлять ее для экспертизы или в процессе разрешения информационных споров.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что проблема рассмотрения информационных споров и ответственности провайдеров — это особенно острая и насущная проблема не только государственной информационной политики, но и вообще национальной безопасности.

Правовые проблемы, связанные с развитием сетей международного информационного обмена. В связи с такой постановкой вопроса возникает множество правовых проблем, связанных с деятельностью субъектов интернет-отношений. Раскроем их, но сначала сформулируем несколько принципиальных выводов.

1. Межграницные и межнациональные цифровые сети приводят к существенной модификации (изменению) обычных способов регулирования. С одной стороны, государственное регулирование должно соединяться (комбинироваться) с саморегулированием субъектов интернет-отношений (участников), т. е. речь идет о вмешательстве публичных органов государственной власти в Интернет с целью разъяснения принципов регулирования, а также для превентивных действий против совершения различных правонарушений в сетях. С другой — учитывая границы, присущие любой чисто национальной инициативе, международное сотрудничество (кооперация) государств в этой области будет как никогда полезно для защиты публичных интересов субъектов интернет-отношений, в которых доминирует частная инициатива (частный интерес). Иными словами, Интернет и цифровые сети выявляют двойную взаимозависимость: между публичными и частными субъектами (участниками) и между самими государствами. Все это делает выработку и осуществление любой политики в этой области очень сложными.

2. Исследуя совокупность существующих законов, применяемых к участникам интернет-отношений в странах Европы и США (в частности, законодательные положения о защите прав потребителя и те положения, которые гарантируют соблюдение общественного порядка), можно сделать вывод об отсутствии потребности введения какого-либо глобального, общемирового, специфического закона для Интернета. В рассматриваемой среде, где любой тип информационной деятельности может быть осуществлен самостоятельно, существующие правила уже регулируют какую-либо свою область: рекламу, налоговую систему, интеллектуальную собственность. В то же время определенные международные (наднациональные) нормы, как уже отмечалось, необходимы.

3. То или иное правительство должно определять общие стратегические направления, обеспечивающие координацию межгосударственных позиций по проблемам Интернета, права и цифровых сетей с различными учреждениями и организациями: Советом Европы, ЮНСИТРАЛ, ОЭСР, ВТО,

ВОИС и др. Сегодня координация в этой области с планетарной точки зрения кажется недостаточной. Необходимо как можно скорее сформировать межведомственный, наделенный легитимной силой и способный влиять на работу публичных служб и частных участников в Сети координирующий орган, главной целью которого станет содействие выработке общих позиций на международных переговорах по Интернету.

4. Мир сетей находится в состоянии перманентной эволюции. В связи с этим функции наблюдения и постоянного анализа будут крайне важны и полезны. Никакое решение не может быть высказано раз и навсегда. Необходимо следовать за эволюцией цифровых сетей, чтобы наилучшим образом решать острые юридические проблемы деятельности Интернета. Именно постоянно действующий координирующий орган (ячейка) мог бы привлекать все заинтересованные стороны к решению насущных проблем.

В противовес предыдущим размышлениям о профессиональной этике в Сети данный подход предлагает общий метод действия, основанный на разумном наблюдении за информационным обществом и убеждении, что новые способы регулирования должны быть установлены незамедлительно.

В этом контексте появляется задача решения связанных с совершенствованием регулирования мировой инфраструктуры Интернета проблем, среди которых сегодня можно выделить три исходных, являющихся предметом углубленного изучения с учетом их значимости и актуального характера современных интернет-отношений:

- эффективная защита интеллектуальной собственности, стимулирование новых информационных продуктов и услуг в Интернете;
- борьба против незаконного содержания информации и противоправного поведения в Сети;
- адаптация правового регулирования электронных сообщений и онлайн-услуг к смежным явлениям информатики.

Рассмотрим их в контексте изложенных идей информационного права.

Эффективная защита интеллектуальной собственности. Существующий юридический режим защиты интеллектуальной собственности — литературной, художественной, промышленной — не должен быть поставлен под сомнение развитием сетей. Для выполнения этой задачи нужно решить четыре проблемы.

1. Наиболее остро стоит проблема подделки, или контрафактной продукции, для устранения которой у обладателей интеллектуальных прав существуют общие средства, разумеется, при поддержке публичных властей. Что касается литературных и художественных произведений, технические механизмы их защиты и идентификации должны ощутимо ограничить подделки. Необходимо также воздействовать на провайдеров, в частности, мерами гражданской и уголовной ответственности, побуждая их блокировать доступ к контрафактной продукции или информации такого содержания, когда она «схвачена» и преследуется законными владельцами. Наконец, последовательное развитие юридических процедур в этой области позво-

лит дополнять защиту обладателей прав новыми нормами. Так, например, с 2012 г. в Российской Федерации начал работать Суд по интеллектуальным правам.

2. Существует проблема в определении применяемого закона и подсудности спора при нарушении права интеллектуальной собственности, например, в случае подделки. Предлагается придерживаться такого решения этого вопроса, на которое в настоящее время ориентируется международная юридическая практика — в зависимости от доли ущерба применяется закон и провозглашается суд наиболее пострадавшей стороны, т. е. право той страны, которой нанесен больший ущерб. Вместе с тем, чтобы избежать увеличения количества судебных процессов, надо дать право пострадавшему самому выбрать суд, т. е. возможность обращаться в любой компетентный судебный орган для возмещения полноты ущерба.

В этом вопросе, видимо, был бы компетентен суд той страны, которая наиболее затронута ущербом (как правило, это суд по местопребыванию потерпевшего). В процессе разбирательства дела в расчет должны приниматься законы, размер ущерба и других стран.

3. Не менее важно решение проблемы авторского права и копирования информационных продуктов, размещаемых в сетях.

С 1 августа 2013 г. действует Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», названный в народе «антипиратским». Данный Закон разработан в целях совершенствования механизмов защиты авторских прав от нарушений, связанных с размещением информации, содержащей объекты авторских и смежных прав, информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет.

Им закрепляются правовые основания и определяется порядок ограничения доступа к информационным ресурсам, посредством которых осуществляется распространение аудиовизуальных произведений и фонограмм с нарушением интеллектуальных прав правообладателей. Данным законом часть четвертая ГК РФ дополнена положениями об особенностях ответственности информационных посредников и о мерах защиты гражданских прав, которые могут применяться к информационным посредникам. В частности, ст. 1253.1 устанавливает условия освобождения информационного посредника (интернет-провайдера) от ответственности за нарушение интеллектуальных прав в сети Интернет. Также в ГК РФ вводится норма, согласно которой к информационному посреднику могут быть предъявлены требования о защите интеллектуальных прав, в том числе требования об удалении информации, нарушающей исключительные права, или об ограничении доступа к ней, независимо от того, несет ли информационный посредник ответственность за нарушение интеллектуальных прав.

Существует легальный принцип, по которому режим защиты информации устанавливается путем проставления автором пометки о запрете на сайте. Копирование признается разрешенным, если авторы получили вознаграждение

за копирование своего произведения (уникальной информации, разработки), а также в случае, когда такая оплата была распространена на все носители сведений. Аналогичный механизм мог бы быть предусмотрен относительно «технических копий», сделанных провайдерами на их информационных серверах.

Показательным примером является инициатива британских провайдеров. В 2008 г. интернет-провайдеры BT, Virgin, Orange, Tiscali, BSkyB и Carphone Warehouse подписали специальный меморандум о взаимодействии, разработанный британским министерством бизнеса и предпринимательства.

Документ предусматривает введение ограничительных мер на пользование Интернетом для тех клиентов, которые были уличены в нелегальном размещении и скачивании музыкальных произведений. Среди предложенных правительством способов борьбы с музыкальным пиратством — ограничение скорости Интернета для нарушителей и другие технические меры воздействия, а также создание легальной системы обмена файлами.

Особый вопрос — архитектура доменных имен, настоящий «позвоночник» Интернета, которая должна быть улучшена в рамках международных дискуссий о праве на наименования и торговые марки. Имеет важное значение, в частности, чтобы The Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN), осуществляющая регулирование системы доменных имен, пользовалась бы международным «мандатом», вырабатывала четкие принципы, применимые к национальным доменным зонам. Что касается условий организации системы доменных имен, можно, в частности, побудить создание около двадцати родовых областей, соответствующих главным секторам экономической деятельности, для того, чтобы облегчить сосуществование одноименных имен (знаков).

Необходимо также предусмотреть в случае судебного спора в отношении доменных имен (знаков) некий посреднический механизм или механизм арбитража, который будет обязателен для спорящих сторон. Наконец, относительно Рунета необходимо найти правильное решение в регулировании доменных имен, чтобы стимулировать привлекательность зоны .ru и зоны .rf для наших коммерсантов.

4. Имеет место также проблема правового регулирования работы на удаленном доступе (телеработы) и авторского гонорара наемных работников. Увеличение числа продуктов, произведенных наемными работниками, выдвигает на первый план большое количество юридических проблем для трудового и гражданского права с учетом роста мультимедийных произведений в Интернете.

Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ТК РФ введена гл. 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников». Данная глава предусматривает, что трудовой договор с дистанционными работниками может заключаться в электронном виде, а также вводится норма о том, что сведения о дистанционной работе по желанию

работника могут не вноситься в трудовую книжку. Документами, подтверждающими период дистанционной работы, в этом случае являются копии трудового договора и приказа о прекращении трудового договора, заверенные надлежащим образом работодателем. При этом работник, выполняющий работу вне места расположения работодателя, распределяет свое рабочее время и время отдыха по своему усмотрению, если иное не предусмотрено трудовым договором. Документы, предъявляемые при поступлении на работу, представляются указанными работниками в электронном виде.

Кроме того, ознакомление дистанционных работников с документами, предусмотренными ст. 68 ТК РФ, допускается в электронном виде с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи.

Все размышления по вопросу защиты интеллектуальной собственности в целом должны стремиться найти точку равновесия между законными стремлениями (запросами) авторов, права которых необходимо обеспечить и в среде сетей, и экономическими интересами корпораций.

Борьба против незаконного содержания информации и противоправного поведения в Сети. Борьба с «отклонениями» в киберпространстве необходима, чтобы оно стало цивилизованным, правовым, открытым и дружественным. С этой целью нужно заботиться о соблюдении норм информационного права, наблюдении и последующем контроле со стороны органов прокуратуры и МВД, развигивать механизмы саморегулирования самими участниками, которые призваны обеспечивать определенную самодисциплину в цифровых сетях.

Для начала следует определить применяемый закон и подсудность (компетентность) спора. Например, в уголовном деле правила более или менее ясны и позволяют в большей части случаев применять национальный закон. По гражданским делам в настоящее время следует придерживаться существующих норм международного частного права, даже если будет существовать опасность повсеместных конфликтов и, следовательно, затруднения в применении судебных решений.

Затем нужно облегчить действия судебных и следственных органов, чтобы гарантировать эффективное применение норм информационного права. Для этого необходимо усиление деятельности по идентификации субъектов Сети, что предполагает введение минимальной информации на сайте и обязанность провайдеров сохранять данные соединения и коммуникации участников в целях идентификации абонентов, поскольку это отвечает потребностям вышеуказанных органов власти. В частности, проект модельного закона «Об Интернете» для стран СНГ в ст. 13 устанавливает, что государство принимает законодательные и иные меры в целях противодействия использованию Интернета в преступных целях. В указанных целях государство устанавливает обязанность операторов услуг Интернета хранить информацию о пользователях и об оказанных им услугах не менее шести месяцев и предоставлять данные сведения по запросу судебных и (или) правоохранительных органов.

Кроме того, ст. 64 Федерального закона «О связи» предусматривает, что операторы связи обязаны предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности РФ, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи, а также иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами. Операторы связи обязаны реализовывать установленные федеральным органом исполнительной власти в области связи по согласованию с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности РФ, требования к сетям и средствам связи для проведения этими органами в случаях, установленных федеральными законами, мероприятий в целях реализации возложенных на них задач, а также принимать меры по недопущению раскрытия организационных и тактических приемов проведения указанных мероприятий.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в ст. 11 допускает в случае введения на какой-либо территории РФ правового режима контртеррористической операции ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам теле-коммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи, в почтовых отправлениях для выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта, о лицах, его подготовивших, совершивших, и в целях предупреждения совершения других террористических актов. В данном случае возможно приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей и средств связи.

Помимо этого, в обычных ситуациях судья должен обладать правомочием запрещать доступ или размещение сайта, который служит местом наиболее серьезных правонарушений. На наш взгляд, нецелесообразна специализация отдельных судей в отношении дел, касающихся Интернета. Вместе с тем необходимо предпринять существенные усилия для их обучения пользованию нужными техническими средствами, что позволит судам эффективно рассматривать интернет-споры. В этом смысле создание компетентной межведомственной комиссии, призванной заниматься проблемами преступности в области высоких технологий, было бы весьма полезно. В сентябре 2008 г. при участии Координационного центра домена RU в Российской академии правосудия состоялась первая лекция для судейского корпуса, которую прослушали более ста судей из многих регионов России. Представленный лекционный материал был посвящен характеристике интернет-отношений, особенностям социального регулирования в киберпространстве, проблемам сбора доказательств в Интернете. Большое внимание уделялось системе регистрации доменных имен и принципам ее построения, понятийному аппарату, рассмотрению судебных споров в отношении доменов. И данную образовательную работу в нашей стране следует продолжать.

В международном плане важно усилить информационные обмены в рамках Интерпола и Европола. Судебное сотрудничество (кооперация) должно быть облегчено, и его специфические формы по проблемам сетей, вероятно, должны развиваться и в этом направлении. В настоящее время прямая передача судебных поручений от судьи к судье (между судьями) должна быть отрегулирована как в самой России, так и внутри СНГ и российско-белорусского союза. Важны международные переговоры в этой сфере, которые, однако, почти не ведутся из-за того, что у названных государств имеются значительные колебания во взглядах, поскольку многие из них отождествляют внедрение у себя Интернета с отходом от суверенитета. Необходимо, чтобы политическая воля продвигала такое сотрудничество вперед.

Россия должна развивать собственный опыт по саморегулированию Сети, и определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, ст. 15 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает, что регулирование использования информационно-телекоммуникационных сетей, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц, осуществляется в РФ с учетом общепринятой международной практики деятельности саморегулируемых организаций в этой области. Таким образом, Россия признает существенную роль механизмов саморегулирования в интернет-сфере. Однако саморегуляция не заменит общей концепции позитивного и информационного права и должна сочетаться с правовым регулированием.

Адаптация правового регулирования электронных сообщений и онлайн-услуг к информатике и телекоммуникациям. Интернет часто представляется как прототип нового явления — продукта конвергенции (слияния) между способами распространения информации. Существующие до сих пор разделение и специализация информационных сетей на сети аудиовизуального распространения и телекоммуникационные сети постепенно теряют свой смысл. И это имеет особое значение сегодня, когда аналоговое телерадиовещание постепенно уходит в прошлое. Интернет в действительности не является ни сетью, ни службой; он доступен для всех сетей и предлагает доступ ко многим службам; обладает транснациональным содержанием большой разновидности.

До недавнего времени каждый тип сети был посвящен исключительно какой-либо услуге (например, кабель в услугах аудиовизуального распространения, телефонная сеть в голосовой телефонии и т. д.). Отныне под воздействием феномена технологической конвергенции (Интернета) сети не посвящены больше отдельным услугам и позволяют распространять любые виды информации и услуг: аудиовизуальные программы, голосовую телефонию, интерактивные коммуникации, коммерческие услуги и т. д., а традиционное различие между регулированием услуг и сетей аудиовизуального распространения, с одной стороны, и регулированием услуг и сетей телекоммуникаций — с другой, теряет свою актуальность.

Сегодня довольно трудно проводить различие между «реальными» актами сообщения (связи), осуществляемого СМИ через газеты, журналы, телеви-

дение, и сообщениями через Интернет. В то же время стоит отметить, что предназначение веб-сайтов может быть иное. Речь в данном случае идет о коммерческой связи (магазины онлайн, сайты-проспекты, сайты клиентуры, распространение индивидом своей биографии и т. п.).

Новое разграничение должно быть проведено между двумя типами регулирования: информационно-телекоммуникационных сетей и содержания сервиса (услуг).

Телекоммуникационные сети, которые представляют собой простые инфраструктуры доставки (транспорта), должны подвергаться другой юридической регламентации независимо от распространяемого (передаваемого) содержания, т. е. для них нужно устанавливать иное регулирование. Правовой режим содержания сервиса также необходимо изменять; он должен зависеть не от режима сетей, а только от предмета или цели службы.

По отношению к уже существующим услугам (службам) должно осуществляться применение норм касающегося их различного отраслевого законодательства, в которое также целесообразно внести изменения. Следует позаботиться о том, чтобы услуги (службы) были подвергнуты эквивалентному нормативно-правовому регулированию и соответственно ограничениям для исключения любых нарушений правил конкуренции между ними. К тому же в информационном праве должно быть соблюдено существенное различие между «публичным сообщением» и «частной корреспонденцией», установленное как российским, так и европейским законодательством.

Для решения этих и многих других задач можно предложить следующие меры.

1. Предпочтение самоконтроля контролю априори.

По своей структуре единой сети и способу настоящего функционирования Интернет с трудом впишется в схему управляемого предварительного контроля типа априори. Это утверждение, высказанное нами еще в 2000 г. в печати, нашло закрепление в Декларации о свободе обмена информацией в Интернете от 28 мая 2003 г. В развитие этой мысли следует особо подчеркнуть, что никакой единственный (единый) орган государственной власти не сможет управлять такими потоками информации в этой среде; каждый участник Сети может в любое время по своей собственной инициативе быть отправителем и получателем информации, автором (соавтором, потребителем); информационные потоки не знают границ. Вредным в таких условиях является принудительное императивное регулирование Интернета, регламентация обязанностей и содержания информации, установленных, как известно, по отношению к телевидению.

В связи с этим необходимо, с одной стороны, установить эффективный последующий контроль в Интернете, а также способствовать быстрой процедуре правосудия, для чего органы суда и следствия нужно обеспечить постоянным доступом к информации, циркулирующей в сети, а также должна быть создана новая процедура разбирательства в отношении виновных лиц, действующих в интернет-среде. Кроме того, следует усилить специальные ор-

ганы расследования и подразделения (в системе МВД, прокуратуры и ФСБ), специализирующиеся на том или ином виде правонарушений в сфере высоких технологий, например педофилии.

С другой — надо содействовать самоконтролю участников за своим поведением в Сети посредством «родительского фильтра», кодирования, а также путем выработки кодексов профессиональной этики, фиксирующих правила поведения, принятые самими пользователями Интернета. Такие кодексы уже введены в действие поставщиками интернет-услуг (провайдерами) в Великобритании, Франции, Бельгии, Австралии, Японии, Новой Зеландии, на Мальте; аналогичные акты должны быть разработаны в России и распространяться на всех электронных издателей, а также в сфере электронной торговли (коммерции). Они могут быть предложены всем пользователям Сети. В основу российского Кодекса профессиональной этики в Интернете могут быть положены положения проекта Этического кодекса для информационного общества, разрабатываемого ЮНЕСКО с 2006 г.¹ Нужно, наконец, чтобы последующие сетевые договоры между поставщиком доступа и абонентом, а также между издателем и сервером благоприятствовали принятию типовых условий, гарантирующих защиту прав индивида и потребителя.

2. Уточнение юридической ответственности участников.

Необходимо принять за основу два положения: во-первых, ответственность несет автор информации, помещенной в Сети, так как он обязан отвечать за ее содержание (следует обязать его отождествлять себя); во-вторых, провайдеры привлекаются к ответственности только за то, что они способны контролировать, и освобождаются от нее, если их вмешательство в Сеть является чисто техническим.

Таким образом, исходя из норм европейского права и информационного права, необходимо сделать выбор между системой специальной юридической ответственности, принятой для печати (на примере Франции), и системой общей (неспециальной) юридической ответственности. В ходе проведенного анализа выяснилось, что эта альтернатива скорее политического, нежели технического порядка. Учитывая, в частности, риск неограниченной деятельности в Сети в случае презумпции ответственности сервера даже заочно (за неимением выбора), мы рекомендуем принятие системы общей юридической ответственности (на примере России) как более простой и лучше приспособленной к эмпирическим и постепенным шагам, которые требует информационное право.

3. Дальнейшее развитие международно-правового сотрудничества — очень важный аспект для будущего развития как Интернета, так и каждого государства, поскольку новое информационное пространство выходит за национальные государственные границы и порой ставит под сомнение территориальные и юрисдикционные основы государств в вопросах применения права. В связи с этим вопрос о границах действия права в пространстве становится особенно актуальным и щепетильным.

¹ URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/unesco/etcodex.pdf>.

Судебное сотрудничество могло бы привести к внедрению некоторых документов Совета Европы, принятых в отношении уголовных процедур и связанных с технологией информации. Речь идет, в частности, о рекомендациях № R (89) 9 о преступлениях, связанных с компьютером, от 13 сентября 1989 г.¹ № R (95) 11 относительно отбора, обработки, представления и архивации судебных решений в правовых информационно-поисковых системах от 11 сентября 1995 г.² и № R (95) 12 относительно управления системой уголовного правосудия от 11 сентября 1995 г.³ Важным также является подписание специальных договоров с иностранными государствами (в частности, с США, где установлена большая часть серверов) о выдаче преступников, а также разработка механизма обмена информацией по примеру Интерпола.

Следует, наконец, развивать международное сотрудничество (кооперацию) через те же инстанции Интернета (в частности, Internet Research Task Force, ICANN), чтобы выработать общую для всех описательную лексику веб-сервиса, облегчающую доступ пользователя к Сети, а также разработать положения о соблюдении прав на торговые марки и постоянном адресе для каждого пользователя в Сети.

4. Содействие различным формам коммуникации, просвещения и мобилизации участников. Необходимы специальные информационные программы и кампании обучения. Целесообразно издание Правительством РФ справочника (записной книжки) прав и обязанностей в Интернете; Минобрнауки России обязано более оперативно утверждать различные программы обучения работе в сетях, например, программу «Чистый Интернет».

Органы местного самоуправления должны открыть «бесплатные пространства» для свободного доступа всех людей к Интернету, давать доступы к информации в сетях всем публичным органам государственной власти и общественным организациям.

5. Содействие развитию национального сегмента в Интернете. Конституция РФ (ст. 26) прямо закрепляет право каждого лица на пользование родным языком, так же, как и на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Не секрет, что Сеть является сегодня англоязычной и большинство обменов происходит на английском языке. Естественно, Интернет построен по американским стандартам, которые не всегда соответствуют российским или европейским нормам. Необходимо, чтобы и отечественная промышленность мобилизовала свои ресурсы. Для этого следует последовательно добиваться права на регистрацию доменных имен с использованием кириллицы. Появление в Интернете доменов на национальных языках будет способствовать повышению значимости русской языковой культуры в мире. Первый домен с использованием

¹ URL: [https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec\(89\)9&Language=lanEnglish&Ver=original&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75](https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec(89)9&Language=lanEnglish&Ver=original&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75).

² URL: <http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=131>.

³ URL: <http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=128>.

кириллицы в России был зарегистрирован в 2010 г. Как представляется, дальнейшее развитие многоязычных доменов может происходить в направлении включения поддержки и других языков народов Российской Федерации.

§ 5. Отношения в сфере электронной экономической деятельности

С развитием информационно-коммуникационных технологий, в том числе в части осуществления электронной экономической деятельности, рассмотрение вопросов, связанных с особенностями становления, реализации и защиты прав граждан и соответствующих отношений в данной сфере, становится все более актуальным.

Электронная экономическая деятельность стала неотъемлемой частью современной экономики. Все больше потребителей приобретают товары посредством сети Интернет, а коммерческие организации так или иначе используют возможности данной сети при осуществлении предпринимательской деятельности (регистрация субъектов предпринимательской деятельности, сдача отчетных документов, получение выписок из реестров и проч.).

Электронная экономическая деятельность развивается быстрыми темпами. Это связано, безусловно, с бурным развитием информационных технологий и особенно сети Интернет. Количество пользователей сети Интернет ежегодно увеличивается в несколько раз¹.

Следует заметить, что развитие электронной экономической деятельности в разных странах идет неодинаковыми темпами.

Наиболее быстро рассматриваемая деятельность развивается в США. Это связано с более гибким правовым регулированием, предусматривающим разнообразные льготы (например, в 1998 г. принят The Internet Tax Freedom Act (о налоговой свободе в Интернете).

В Европе развитие электронной экономической деятельности немного уступает США, но, тем не менее, достаточно успешно реализуется, что подтверждается активной позицией государства и значительными бюджетными вложениями в развитие информационных технологий. В рамках Европейского союза, например, в 2000 г. принята Директива № 2000/31/ЕС о некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в частности, электронной коммерции на внутреннем рынке. Согласно этому документу, электронный контракт имеет такую же полновесную юридическую силу, как и любой другой традиционный контракт.

В Руководстве по принятию одного из значимых документов международного уровня — Типового закона ЮНСИТРАЛ «On Electronic Commerce» (об электронной коммерции (торговле) 1996 г. — указывается, что в послед-

¹ По данным аналитических агентств, в России в 2015 г. количество интернет-пользователей увеличилось до 80 миллионов человек, а по итогам 2016 г. составит 100 миллионов человек. URL: <http://rg.ru/2013/08/07/internet-site-anons.html>, <https://lenta.ru/news/2016/01/28/survey/> (дата обращения: 17.05.2016).

нее время быстрыми темпами расширяется использование современных средств связи, таких как электронная почта и электронный обмен данными, для заключения международных торговых сделок, и, как ожидается, эта практика получит дальнейшее развитие по мере расширения доступности технических вспомогательных средств, таких как информационные магистрали и Интернет. В то же время передачу юридически значимой информации в форме безбумажных сообщений могут затруднить юридические препятствия по использованию таких сообщений или неопределенность относительно их юридической силы или действительности. Цель Типового закона состоит в том, чтобы предложить вниманию национальных законодателей свод международно-признанных норм, устанавливающих возможный порядок устранения некоторых таких юридических препятствий и создания более надежной правовой базы для так называемой «электронной торговли».

В Российской Федерации правовому регулированию электронной экономической деятельности до настоящего времени уделялось гораздо меньше внимания, нежели в США и Европейском союзе. Но при этом в рамках правового поля также реализуются некоторые идеи по регламентации отдельных направлений признания и развития электронной экономической деятельности, хотя и имеются определенные трудности, связанные с разработкой соответствующего законодательства. В начале 2000-х годов в Государственной Думе рассматривалось пять соответствующих законопроектов об электронной торговле, но ни один из них не был одобрен депутатами¹.

Таким образом, до настоящего времени важный и нужный обществу, целевому сообществу законопроект об электронной экономической деятельности не принят.

Представляется, что принятие консолидированного (единого) закона об электронной экономической деятельности является весьма необходимым и актуальным.

Тем не менее следует отметить, что в России в настоящее время активно идет процесс построения информационного общества, что подтверждается постепенным внедрением информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизни.

Интернет-рынок нашего государства пока еще находится в начальной стадии своего развития и освоение его осуществляется в регионах страны неравномерно, поскольку российские бизнес-структуры достаточно осторожно осваивают глобальную сеть, хотя уже и сейчас существуют в целом успешные интернет-проекты.

¹ Проекты Федерального закона № 310163-4 «Об электронной торговле» (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ В. Я. Комиссаровым), Федерального закона № 136018-4 «Об электронной торговле» (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ В. Я. Комиссаровым, К. В. Ветровым, А. Н. Хайруллиным), Федерального закона № 132754-4 «Об электронной торговле» (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ В. Л. Горбачевым, В. А. Язевым), Федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле» (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ Л. С. Маевским, А. В. Шубиным, О. А. Финько, В. И. Волковским), Федерального закона № 47432-3 «Об электронной торговле» (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ В. Я. Комиссаровым).

Относительные объемы электронных продаж в Российской Федерации, к сожалению, пока что еще несравнимы с американским и европейским масштабами.

Это вызвано, с одной стороны, более низким уровнем жизни основного населения страны (в том числе с учетом последних негативных тенденций в экономике, связанных с кризисными проявлениями), с другой — меньшей степенью развития единой банковской системы, механизмов оплаты по банковским чекам и кредитным картам.

Тем не менее все же заметим, что, несмотря на отсутствие единого нормативного правового акта по вопросам электронной экономической деятельности, в России все же реализован достаточно обширный комплекс полномочий субъектов по использованию информационно-коммуникационных технологий в рамках данного направления, включая оформление сделок, реализацию товаров, работ, услуг посредством сети Интернет, применению электронных подписей и т. д.

Таким образом, во многих странах сделаны все необходимые предварительные шаги к формированию электронного рынка.

В связи с этим представляется обоснованным и рациональным проанализировать основные положения международного и российского законодательства, касающиеся юридической природы отношений, возникающих между хозяйствующими субъектами в названной сфере.

Нормативно-правовое регулирование отношений в сфере электронной экономической деятельности. Прежде всего хотелось бы внести ясность в терминологический аппарат исследования и, в первую очередь, определиться со значением понятия «электронная экономическая деятельность» (зачастую в юридической литературе употребляются также понятия «электронная коммерция», «электронный бизнес», «электронная предпринимательская деятельность», «электронная сделка», «электронная торговля»).

Несмотря на то, что до сих пор ни на законодательном, ни на доктринальном уровне терминологического единства данных категорий не наблюдается, попробуем все же разграничить эти понятия и установить их взаимосвязи и взаимозависимости, что, несомненно, важно при регулировании соответствующих отношений.

Автор одного из первых трудов на данную тему, А. А. Тедеев, хоть и называет свою книгу «Электронная коммерция», в самом исследовании проявляет более широкий подход к этому явлению и говорит об электронной экономической деятельности, а также о предпринимательской деятельности в сети Интернет. При этом он считает допустимым употреблять термины «электронная торговля» и «электронная коммерция» как взаимозаменяемые¹.

Исследователь А. И. Савельев указывает, что экономические отношения, возникаемые посредством сети Интернет, сводятся к понятиям электронного бизнеса, электронной коммерции и электронной торговли².

¹ См.: Тедеев А. А. Электронная коммерция: правовое регулирование и налогообложение. М., 2002.

² См.: Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М., 2014.

Таким образом, в доктрине предлагается достаточно разнообразный и зачастую противоречивый понятийный аппарат в рамках рассматриваемой темы.

Что касается правового регулирования, то на международном уровне основным документом, регламентирующим электронную экономическую деятельность, как уже указывалось выше, является Типовой закон ЮНСИТРАЛ «On Electronic Commerce» (об электронной коммерции (торговле) 1996 г. Хотя в названии данного документа и используются слова «электронная торговля», содержание самого этого понятия прямо не раскрывается, а сводится к термину «электронный обмен данными» (ст. 2). Как указано в Руководстве по применению Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, в ходе подготовки данного документа Комиссия приняла решение о том, что при рассмотрении этой темы она будет исходить из широкого понятия «электронный обмен данными», что позволит охватить разнообразные, связанные с торговлей виды использования данных, которые в широком смысле можно включить в категорию «электронной торговли», хотя могут быть использованы и другие описательные термины.

Следует отметить, что определение электронной коммерции содержится только в рамках международного правового регулирования, например, в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г. № 19 «О плане мероприятий по реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности». Так, под электронной коммерцией данный документ понимает совокупность технических и организационных форм совершения финансовых и торговых транзакций, осуществляемых с использованием электронных систем.

Что касается национального правового регулирования, то в настоящее время в российском законодательстве определения категорий «электронная экономическая деятельность», «электронная коммерция», «электронная торговля» отсутствуют, но это не означает, что отношения, возникающие в данной сфере, не подпадают под регулирование документов, регламентирующих общие положения договорного права, правовой статус участников хозяйственной деятельности и другие вопросы, связанные с осуществлением электронной экономической деятельности.

Кроме того, в отдельных преимущественно стратегических, концептуальных и ведомственных документах Российской Федерации данные категории все же упоминаются, хотя их понятие и не раскрывается, например, в:

Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212;

Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р;

Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2011 г. № 1540-р;

Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р;

Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года, утвержденных Правительством РФ 14 мая 2015 г.;

Прогнозе научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденном Правительством РФ¹;

Положении о порядке осуществления наблюдения в национальной платежной системе, утвержденном Банком России 31 мая 2012 г. № 380-П.

Следует заметить, что, например, Конституция Российской Федерации оперирует понятием «экономическая деятельность» (ст. 8, 34), а Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) — понятием «предпринимательская деятельность» (ст. 2). Гражданское законодательство предусматривает возможность заключения договора с помощью обмена электронными документами при соблюдении определенных условий (ст. 434 ГК РФ), что позволяет сделать вывод, что в Российской Федерации в целом признается электронная экономическая деятельность в рамках договорных отношений, хотя говорить о должном уровне ее нормативного регулирования пока преждевременно.

Помимо вышеуказанных документов сфера электронной экономической деятельности регулируется также следующими нормативными правовыми актами:

- Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей»;
- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;
- Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»;
- Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»;
- Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»;
- Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»;
- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»;
- Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2007 г. № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом».

Проанализировав положения вышеуказанных документов, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации создаются условия и активно внедряются технологии, направленные на развитие компаний, работаю-

¹ Данный документ опубликован не был, размещен на официальном сайте Правительства Российской Федерации: <http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf> (дата обращения: 18.05.2016).

щих в области электронной торговли, на эффективное взаимодействие всех участников процесса электронной экономической деятельности в рамках электронного обмена информацией.

Что касается достаточно разбросанной и неоднозначно воспринимаемой терминологии в рамках электронной экономической деятельности, то, пожалуй, следует согласиться с позицией исследователя Д. В. Кофейникова, который отмечает, что в русском языке электронная составляющая экономической деятельности применима прежде всего к торговле, но все же слово «коммерция» звучит не очень удачно, потому что оно несет некую отрицательную коннотацию. Нельзя не признать, что в настоящее время в профессиональной литературе данный термин употребляется чаще всего для обозначения деятельности, которая в значительной мере состоит из торговых операций и включает в себя множество транзакций в различных целях.

Применительно к целям, намеченным странами БРИКС¹, необходимо учесть, что экономическое сотрудничество между странами еще только налаживается, и первым этапом в таком сотрудничестве выступает именно торговля. Руководители стран БРИКС поставили задачу пока только организовать торговлю, поэтому целесообразно использовать термин «электронная торговля». Но торговлю трудно отделить от других видов экономического сотрудничества, а для иных видов экономической деятельности в сети Интернет специальных терминов не разработано, значит, правомерно использовать для них понятие «электронная коммерция». Таким образом, экономическое сотрудничество с помощью сети Интернет и через эту сеть может быть обозначено словами «электронная коммерция», часть которой и один из ее видов — это электронная торговля².

Основываясь на вышеуказанном концепте и учитывая международный подход к возможности терминологического разнообразия, в данной работе понятия «электронная экономическая деятельность» и «электронная коммерция» предлагается рассматривать в качестве тождественных. При этом электронную торговлю представляется целесообразным выделить в одну из форм электронной коммерции (наряду с иными формами организации электронной экономической деятельности), что более подробно будет рассмотрено ниже.

Таким образом, под электронной экономической деятельностью (электронной коммерцией) следует понимать совокупность правовых, организационных и технических форм совершения финансовых и торговых транзакций, осуществляемых в рамках ведения предпринимательской деятельности в сети Интернет.

Классификация отношений в сфере электронной экономической деятельности. Основываясь на положениях законодательства Российской Федерации по вопросам организации и осуществления электронной экономической деятельно-

¹ Группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика.

² См.: Кофейников Д. В. Понятие и существенные характеристики электронной торговли в России и за рубежом // Современное право. 2015. № 12. С. 138–142.

сти и на вышесодержащихся выводах, предлагается отношения, складывающиеся в рамках электронной коммерции, условно разделять на несколько групп:

- отношения, возникающие в сфере электронной торговли (пожалуй, самая распространенная форма электронной коммерции);
- отношения, связанные с применением электронных денег;
- отношения, реализуемые в профессиональных сферах (электронные страховые услуги, электронный банкинг, электронный маркетинг);
- отношения по электронному обмену информацией.

В соответствующих разделах настоящего исследования более подробно рассмотрим только первые две формы электронной коммерции.

Исследователь А. И. Савельев предлагает несколько иную классификацию отношений, возникающих в сфере электронной коммерции, — в зависимости от того, каким образом субъекты предпринимательской деятельности используют возможности сети Интернет для достижения своих целей:

- информационно-рекламная поддержка существующего неэлектронного бизнеса в целях облегчения коммуникаций с действующими и потенциальными контрагентами, формирования положительного имиджа компании и повышения спроса на товары (услуги);
- организация продаж через Интернет товаров или услуг существующего неэлектронного бизнеса;
- создание полноценного интернет-предприятия, охватывающего весь цикл отношений по продвижению продукта до потребителя: как информационный (преддоговорный), так собственно его реализацию (договорной)¹.

С точки зрения субъектного состава участников электронной торговли традиционно принято выделять следующие ее виды: Business-to-Consumer (B2C); Business-to-Business (B2B); Consumer-to-Consumer (C2C); Business-to-Government (B2G).

Сегмент B2C (бизнес — потребитель) является самым распространенным, поскольку в его рамках возникает самое большое число отношений в любой из форм электронной коммерции. К данному сегменту относятся большинство интернет-магазинов (Exist.ru, Ulmart.ru, Citilink.ru и проч.) и все договоры, заключаемые между предпринимателем и потребителем.

Сегмент B2B (бизнес — бизнес) — менее распространенный по сравнению с B2C, но тем не менее весьма значимый на электронном рынке, поскольку отношения, возникающие в этом сегменте, способствуют активному развитию отношений, реализуемых в рамках B2C (облачные технологии, рекламные услуги и проч.).

Сегмент C2C (потребитель — потребитель) характеризуется возникновением отношений между продавцом и покупателем, которые не являются субъектами предпринимательской деятельности (виртуальные площадки Avito.ru, онлайн-аукцион Ebay и проч.).

¹ См.: Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М., 2014.

Сегмент B2G (бизнес — государство) заключается во взаимоотношениях предпринимателей и государства, чаще всего по вопросам поддержания системы электронных государственных закупок.

Классификацию электронной торговли в юридической литературе проводят также по видам товаров и характеру работ и услуг. Так, по первому основанию различают прямую и традиционную (косвенную) торговлю. Прямая торговля связана с продажей «мягких» товаров, поставка которых возможна в электронной форме (звуковые файлы, программное обеспечение), косвенная — с продажей «твердых» товаров (все остальные движимые и недвижимые товары). По второму основанию выделяют банковскую, страховую, маркетинговую, консультационную, образовательную, издательскую торговлю и услуги электронной связи.

Практическая значимость классификации электронной экономической деятельности состоит в корректном и эффективном применении законодательства, выработке направлений его дальнейшего совершенствования.

Отношения, возникающие в сфере электронной торговли. Как уже указывалось выше, в рамках российского правового поля определение понятия «электронная торговля» отсутствует.

Тем не менее, попробуем все же выяснить содержание данной категории и ее основные признаки.

На уровне регулирования отношений стран-участников СНГ принят Модельный закон об электронной торговле (принят в г. Санкт-Петербурге 25 ноября 2008 г. постановлением № 31—12 на 31-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ). В данном документе под электронной торговлей понимается торговля, осуществляемая с использованием информационных систем, информационно-коммуникационной сети и электронных процедур. Помимо этого, Модельный закон содержит определение понятий «электронная процедура», «электронная сделка» и «электронное сообщение».

Законопроекты по вопросам регулирования электронной торговли (например, проекты Федерального закона № 310163-4 и № 136018-4 «Об электронной торговле» под таковой понимают деятельность (предпринимательскую деятельность) по продаже/поставке товаров, выполнению работ, оказанию услуг, осуществляемая с использованием электронных сообщений.

В целом, как правильно отмечает Д. В. Кофейников, правоотношения, связанные с электронной торговлей, не отличаются по своей сути от других торговых правоотношений. На это справедливо обращалось внимание в литературе. Так, С. В. Васильев определяет, что «электронная торговля — это не новый вид договоров, а усовершенствованный способ оформления традиционных обязательств, таких, как купля-продажа, возмездное оказание услуг, расчеты и др.» и «основным квалифицирующим признаком электронной торговли по отношению к другим гражданско-правовым институтам является особый способ передачи данных при заключении сделок, т. е. от традиционных сделок отличие в основном только в форме заключения,

при этом характер и содержание правоотношений между сторонами договора не меняется»¹.

Аналогичный подход заложен в основу правового регулирования отношений в рамках электронной торговли и в зарубежном законодательстве (США, страны Европы). Так, например, в США электронная торговля квалифицируется как часть электронной коммерции или электронного бизнеса и выражает правоотношения, связанные с совершением, исполнением сделок с помощью сети Интернет.

В Европейском союзе электронная торговля рассматривается достаточно широко и подразделяется на «традиционную электронную коммерцию» и «электронную коммерцию в сети Интернет». Вместе с тем определяется, что электронная коммерция представляет собой два вида действий: заказ посредством электронных средств связи материальных товаров, которые должны быть физически доставлены (заказчику) с использованием традиционных каналов (почтовые услуги, коммерческие курьеры), и непосредственная электронная коммерция: онлайн-заказ, оплата и доставка нематериальных благ и услуг (компьютерное программное обеспечение, развлекательный контент, информационные услуги на глобальном уровне).

К традиционной электронной коммерции относятся только отношения между предпринимателями (бизнес для бизнеса, B2B). Сюда входят закрытые клубы, как правило, принадлежащие к одной отрасли; закрытые сообщества собственников; известные друг другу партнеры. То есть рынок здесь рассматривается как своеобразный клуб.

Иные особенности характерны для электронной коммерции в сети Интернет. В эту сферу входят: бизнес для потребителя (B2C); бизнес для бизнеса (B2B); бизнес для публичных учреждений (органов власти и управления); открытый рынок с неограниченным числом участников; открытые сети; известные друг другу и неизвестные партнеры. Следовательно, в этом случае рынок характеризуется как сеть и объединяется Интернетом².

Примерно такие же тенденции отмечаются в законодательстве стран БРИКС.

Необходимо обратить также внимание на правовую позицию Организации экономического сотрудничества и развития³, которую справедливо считают главным двигателем глобализации мировой экономики⁴. В официальном издании ОЭСР говорится: «Электронная коммерция в целом относится

¹ Кофейников Д. В. Понятие и существенные характеристики электронной торговли в России и за рубежом // Современное право. 2015. № 12. С. 138–142. Васильев С. В. Правовое регулирование электронной коммерции // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 4 / под ред. М. И. Брагинского. М., 2002.

² Цит. по: Кофейников Д. В. Понятие и существенные характеристики электронной торговли в России и за рубежом // Современное право. 2015. № 12. С. 138–142.

³ Международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики, создана в 1948 г. (Россия не входит).

⁴ Организация экономического сотрудничества и развития // Энциклопедия международных организаций: в 3 т. Т. I. Международные межправительственные организации / под ред. Л. Н. Галенской и С. А. Малинина. СПб., 2003.

ко всем формам коммерческих сделок, относящихся как к организациям, так и к физическим лицам, которые основаны на электронной обработке и передаче данных, включая текст, звук и визуальные образы. Она также приводит к эффектам, когда электронный обмен коммерческой информацией может влиять на институты (учреждения) и процессы, которые поддерживают и регулируют коммерческую деятельность».

Что касается форм электронной торговли, то большинство исследователей сводят всю электронную торговлю только к транзакциям, совершаемым через Интернет.

По обобщенным данным ОЭСР, выделяется несколько сложившихся форм электронной торговли:

- онлайн-сайты для розничных продаж непосредственно потребителям;
- обслуживание онлайн-рынков, где третьими сторонами производятся продажи от предпринимателей потребителям (бизнес для потребителя, B2C);
- покупки и продажи товаров и услуг предпринимателями (бизнес для бизнеса, B2B);
- сбор и использование демографических данных через WEB-контакты и социальные сети для обслуживания предпринимателей;
- обмен электронными данными (бизнес для бизнеса, B2B);
- маркетинговая деятельность;
- предпродажная подготовка для вывода на рынок новых товаров и услуг¹.

Однако Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле определяет электронную торговлю достаточно широко, выходя за пределы сети Интернет, и обосновывает это тем, что типовой закон должен охватывать вопросы, вытекающие из всех отношений торгового характера, как договорных, так и недоговорных. Отношения торгового характера включают следующие сделки, не ограничиваясь ими: любые торговые сделки на поставку товаров или услуг или обмен товарами или услугами; дистрибьюторские соглашения; коммерческое представительство и агентские отношения; факторинг; лизинг; строительство промышленных объектов; предоставление консультативных услуг; инжиниринг; купля/продажа лицензий; инвестирование; финансирование; банковские услуги; страхование; соглашения об эксплуатации или концессии; совместные предприятия и другие формы промышленного или предпринимательского сотрудничества; перевозка товаров и пассажиров воздушным, морским, железнодорожным или автомобильным транспортом. В этом случае электронная торговля не сводится лишь к купле-продаже товаров, работ, услуг посредством применения онлайн-технологий.

Весьма интересной представляется позиция И. М. Рассолова, который разграничивает электронную торговлю и интернет-торговлю. Основным критерием такого разграничения является применение соответствующих

¹ OECD. Research Handbook on Governance of the Internet. 2012.

электронных средств для взаимодействия субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность¹.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие характерные черты электронной торговли:

- предпринимательская деятельность, в процессе которой субъекты права заключают, изменяют, исполняют и прекращают договоры посредством обмена электронными сообщениями;
- особый способ осуществления торговых операций с помощью информационно-коммуникационных сетей, в частности, сети Интернет;
- обязательное наличие специализированного оборудования и программного обеспечения, которое обеспечивает безопасный и надежный доступ в информационно-телекоммуникационную сеть.

Представляется, что для эффективного развития электронной торговли в России необходима особая законодательная стратегия, которая будет способствовать ее интеграции в глобальный открытый рынок и восприятию характерных для него универсальных правил.

Такая стратегия должна быть разработана с учетом международного законодательства и тенденций его развития и реализована в законе об электронной торговле.

Отношения, связанные с применением электронных денег. Несомненно, возможность применения такой «цифровой наличности», как электронные деньги, имеет определенные преимущества, в частности, в рамках открытия виртуального счета, удобства пользования, быстроты взаимодействия, расчетов в интернет-магазинах и прочих направлениях реализации электронной коммерции.

Долгое время в российском законодательстве определение электронных денег отсутствовало. Хотя в ряде стратегических и концептуальных документов вопросам использования электронных денег периодически уделялось некоторое внимание, например, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895. Так, в названном документе указывается, что разработка и внедрение национальных защищенных систем электронных платежей на базе интеллектуальных карт, систем электронных денег и электронной торговли, стандартизация этих систем, а также разработка нормативной правовой базы, регламентирующей их использование, являются одними из ключевых особенностей обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в различных сферах общественной жизни.

Надо отметить, что до недавнего времени более пристальное внимание к вопросам применения электронных денег уделялось на международном уровне.

Так, например, в Европейском союзе принята Директива от 18 сентября 2000 г. № 2000/46/ЕС «Об электронных деньгах» (далее — Директива), со-

¹ *Рассолов И. М.* Информационное право: учебник и практикум для академического бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015.

гласно которой электронные деньги означают денежную стоимость, которая представлена в требовании к эмитенту, которая:

- а) сохраняется на электронном устройстве;
- б) выпускается для получения средств на сумму не меньшую, чем стоимость в денежном выражении;
- в) принимается как средство платежа за обязательствами другими, чем обязательство эмитента.

В рамках данной Директивы созданы правовые гарантии по использованию электронных денег как в отношении лиц, выпускающих такие средства, так и потребителей; гармонизированы правила по развитию электронной экономической деятельности.

Нормы Европейской Директивы «Об электронных деньгах» имплементированы в законодательство государств-членов Европейского союза. Помимо данного документа, на территории Европейского союза приняты и другие акты, направленные, в частности, на установление определенных требований к лицам, выпускающим электронные деньги, чтобы их финансовая ответственность по выпуску электронных денег была обеспечена достаточными активами (Директива об электронной торговле (2000/31/ЕС), Директива о дистанционной торговле (1997/7/ЕС) и др.).

Другие страны также регулируют отношения, возникающие в связи с использованием электронных денег, с более или менее жесткими условиями их применения, но, что безусловно важно, не исключая саму возможность их эмиссии (например, США, Сингапур, Австралия).

Что касается России, то в настоящее время определение электронных денег сводится к формально-выраженному понятию «электронные денежные средства», которое содержится в Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (п. 18 ст. 3) (далее — Закон об НПС). Так, под электронными денежными средствами понимаются денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

Закон также определяет основные права и обязанности операторов электронных денежных средств, до этого основывавших свою деятельность преимущественно на общих диспозитивных нормах гражданского законодательства.

Проанализировав различные подходы к определению электронных денег, можно выделить некоторые характеристики данной категории:

- представляют собой электронный суррогат банковских купюр и монет;
- хранятся на электронном носителе, например, чип-карте или в памяти компьютера;

- имеют определенную стоимость;
- обмениваются по отношению к обычным деньгам;
- служат платежным средством в Интернете по отношению к определенным продавцам.

Другими словами, электронные деньги являются альтернативой оплаты реальными денежными средствами.

Существующие в настоящее время системы электронных денег в зависимости от используемого программно-технического устройства, на котором они хранятся, принято подразделять на два вида:

- электронные деньги на аппаратной основе (на базе карт);
- электронные деньги на программной основе (на базе сети Интернет).

Электронные деньги на программной или аппаратной основе, используемые в коммуникационных сетях (в частности, в сети Интернет), называются сетевыми¹.

Системы электронных денег, относящиеся к первой группе, представляют собой подтип электронных денег, инструментом обращения которых является карта со встроенным чипом, на котором записана информация о хранящихся на нем электронных деньгах.

Приобретая у эмитента подобную карту, клиент может расплачиваться ею в специальных торговых точках, оборудованных соответствующим образом.

В настоящий момент подобный тип электронных денег относительно мало распространен, поскольку во многом дублируется обычной банковской картой международных платежных систем.

Вторым типом электронных денег являются электронные деньги на базе сети Интернет. Ключевым аспектом таких электронных денег является отсутствие у них материального объекта, с помощью которого можно было бы осуществлять их оборот. Все платежи происходят онлайн в Интернете без какого-либо перемещения материальных объектов.

В отличие от банковских платежей с использованием удаленного управления счетом через интернет-банкинг, у таких систем электронных денег нет «наличных» электронных денег, которые принимались бы всеми участниками системы в качестве эквивалента².

Закон об НПС достаточно подробно регулирует отношения, связанные с оказанием платежных услуг, в том числе осуществлением перевода электронных денежных средств, и использованием электронных средств платежа.

В связи с вступлением в силу отдельных положений Закона об НПС Центральный банк РФ на официальном сайте периодически публикует перечень операторов электронных денежных средств (по состоянию на 29 апреля 2016 г. — 101 кредитная организация, приславшая в соответствии с Указанием Банка России от 14 ноября 2011 г. № 2694-У «О порядке уведомления Банка России оператором электронных денежных средств» уведомления о начале

¹ См.: *Овсейко С.* Юридическая природа электронных денег // Юрист. 2007. № 9. С. 18.

² Электронные деньги: учебник / Д. А. Кочергин. М.: Маркет ДС; ЦИПСИР, 2011. (Серия: Библиотека исследований платежных систем и расчетов).

деятельности по переводу электронных денежных средств), среди которых такие банковские структуры, как Альфа-Банк, Тинькофф Банк, Банк Москвы, оператор платежного сервиса Яндекс. Деньги¹.

Несмотря на несомненную значимость и ключевую роль Закона об НПС (урегулирован понятийный аппарат, определен порядок взаимодействия субъектов платежных систем, определен круг ответственности операторов платежных систем, установлены границы взаимодействия операторов с банками и т. д.), правовое регулирование в сфере обращения электронных денег вряд ли можно признать достаточным.

Оборот «цифровой наличности» стремительно развивается, появляются новые формы взаимодействия субъектов, которые до сих пор не урегулированы в законодательстве либо урегулированы частично (например, оборот денег в онлайн-играх, социальных сетях).

Кроме того, в последнее время весьма активно развиваются расчеты с помощью биткойнов (цифровой криптовалютой). Причем отношение мирового сообщества к возможности осуществления расчетов с помощью биткойнов весьма неоднозначно. Некоторые страны (например, Япония) признали на национальном уровне такую криптовалюту в качестве официальной виртуальной денежной единицы, другие же, наоборот, запретили (например, Китай), остальные страны пока остаются вне правового поля регулирования биткойнов, но в целом к ним относятся скорее негативно. В России в информации Центрального банка РФ от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» отмечается, что «по «виртуальным валютам» [в частности, биткойн] отсутствует обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты. Операции по ним носят спекулятивный характер, осуществляются на так называемых «виртуальных биржах» и несут высокий риск потери стоимости»².

Банк России предупреждает, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Аналогичное предупреждение вынесено также Федеральной службой по финансовому мониторингу «Об использовании криптовалют»³.

Надо отметить, что в ближайшее время в российском парламенте планируется рассмотрение законопроекта, направленного на установление юридической ответственности (вплоть до уголовной) за обмен и использование биткойнов (и иной криптовалюты).

¹ Перечень операторов электронных денежных средств по состоянию на 29 апреля 2016 г. URL: http://www.cbr.ru/PSystem/?PrId=oper_zip (дата обращения: 22.05.2016).

² Пресс-служба Банка России. URL: http://www.cbr.ru/press/PR.aspx?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 18.08.2016).

³ Информационное сообщение Росфинмониторинга от 6 февраля 2014 г. «Об использовании криптовалют». URL: <http://www.fedsfm.ru/news/957> (дата обращения: 18.08.2016).

Отсутствие должного устоявшегося правового регулирования в условиях применения электронных денег порождает массу вопросов, вследствие чего происходит уход от ответственности за неправомерное поведение в сфере оборота электронных денег. Представляется, что нормативный подход должен обеспечиваться комплексными методами, с учетом налогового, финансового законодательства и законодательства в области связи, бухгалтерского учета и т. д.

Особенности и проблемы реализации отношений, возникающих в сфере электронной экономической деятельности. Важнейшей характеристикой любого правоотношения является взаимодействие его участников, которое проявляется в реализации их взаимных прав и обязанностей. Права и обязанности участников правоотношений в сфере электронной коммерции составляют юридическое содержание последних.

Под правами субъектов правоотношений в сфере электронной коммерции понимается мера возможного или дозволенного поведения данного лица.

Субъективные информационные права имеют общую внутреннюю структуру, которая проявляется в наличии следующих трех основных элементов:

- правомочие на собственные действия, заключающееся в возможности совершения фактических и юридически значимых действий;
- правомочие на чужие действия, заключающееся в возможности требовать от обязанного лица исполнения возложенных на него обязанностей;
- правомочие на защиту, заключающееся в возможности прибегнуть к государственно-принудительным мерам (досудебным или судебным) в случае нарушения субъективного права или неисполнения одним из участников правоотношения своих обязанностей.

Под обязанностью участника информационного правоотношения понимается установленная законом мера должного или требуемого поведения, которой, как правило, корреспондирует субъективное право другого лица. Юридическая обязанность обладает внутренней структурой, которая характеризуется наличием следующих элементов:

- необходимость совершения определенных действий или воздержание от них;
- необходимость исполнения требований управомоченного субъекта;
- необходимость реализации ответственности за нарушение субъективных прав других участников отношения или за неисполнение их законных требований.

Исходя из указанных теоретических подходов к содержанию правоотношения в сфере электронной коммерции, можно рассмотреть некоторые особенности реализации прав и обязанностей соответствующих субъектов.

В рамках электронной торговли, как и традиционной, основными субъектами отношений выступают продавец и покупатель. При этом в рамках электронной экономической деятельности отношения зачастую приобретают трехсторонний характер, когда между главными его субъектами — продавцом и покупателем — выступает некое третье лицо, выполняющее посреднические

услуги. Таким образом, можно говорить как о субъектах электронной коммерции, так и об иных участниках таких отношений, к которым относятся банки, торговые посредники и иные лица, оказывающие вспомогательные (второстепенные) услуги по выполнению условий, относящихся к предмету договора.

ГК РФ предусматривает два способа заключения договоров, которые можно применить при заключении розничного договора купли-продажи в электронной форме:

1) путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору;

2) путем направления одной стороной договора оферты в электронной форме и ее принятия другой стороной путем совершения конклюдентных действий.

ГК РФ допускает заключение договора путем обмена электронными сообщениями, однако не содержит специфического регулирования таких договоров и не приводит дополнительные информационные обязанности. В соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» обмен электронными сообщениями представляет собой обмен этими сообщениями, каждое из которых подписано электронной подписью или иным аналогом собственноручной подписи отправителем такого сообщения (ст. 11). При этом согласно ст. 26.1 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей», а также Правилам продажи товаров дистанционным способом, утвержденным постановлением Правительства РФ от 27 сентября 2007 г. № 612, продажа товаров посредством средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и др., в том числе сети Интернет) относится к дистанционному способу продажи вне зависимости от того, осуществлялась коммуникация посредством служб или в частном порядке, были ли средства коммуникации индивидуально доступны.

При этом названные Правила определяют продажу товаров дистанционным способом как продажу товаров по договору розничной купли-продажи, заключаемому на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, содержащимся в каталогах, проспектах, буклетах либо представленным на фотоснимках или с использованием сетей почтовой связи, сетей электросвязи, в том числе информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также сетей связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов, или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора.

Письменная форма для электронного договора представляет собой электронный документ, выражающий его содержание и волеизъявление сторон договора и подписанный контрагентами аналогами собственноручной подписи.

При заключении электронного договора особую актуальность приобретает проблема идентификации сторон договора, поскольку в данном случае должно быть достоверно определено, что документ исходит от стороны по данной электронной сделке.

Особенностью электронных сделок является то, что значительная их часть заключается без непосредственного участия человека, т. е. при помощи автоматизированных информационных систем, которые именуют обычно «электронными агентами» или, как их иногда еще называют, программами-роботами. Использование электронных агентов и иных средств автоматизации договорного процесса является неизбежным следствием перехода к информационному обществу и адаптации бизнес-процессов к новым требованиям. Технические средства начинают использоваться не только как средство коммуникации между людьми, но и в качестве заменителя человека при принятии решений, что не может не ставить вопрос о действительности волеизъявления сторон при заключении договора подобным способом¹.

В действующем российском законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие деятельность электронных агентов и правовые последствия возможной ошибки программы, когда допускается вероятность заключения договора на невыгодных для оферента и акцептанта условиях.

Несмотря на явный пробел в законодательстве, что с теоретической точки зрения позволяет прийти к выводу о возможности признания заключения такого договора недействительным, практика заключения анонимных электронных договоров широко распространена.

В юридической литературе невозможность идентификации контрагентов называют одним из факторов, тормозящих развитие электронной торговли².

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что основными сложностями, возникающими при заключении электронного договора, являются:

- 1) соблюдение письменной формы для электронного договора, к которому на данный момент не адаптировано российское общество;
- 2) сложность персональной идентификации контрагентов, что обеспечивает действительность электронного договора.

К указанным выше трудностям реализации законодательства в сфере электронной коммерции относится и вопрос о реализации прав субъектов персональных данных в сети Интернет в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

В сфере электронной коммерции получила широкое распространение практика дачи согласия на обработку персональных данных путем проставления «галочки» (web-метки) в соответствующем поле интернет-сервиса при оформлении заказа или регистрации на веб-сайте. На практике зачастую возникает проблема доказать не только факт дачи такого согласия, но и факт дачи согласия конкретным лицом.

¹ См.: *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М., 2014.

² См.: *Еманова Н. С.* Порядок заключения электронного розничного договора купли-продажи // СПС «КонсультантПлюс».

К персональным данным в сфере электронной коммерции наряду с общепринятыми данными (фамилия, имя, отчество и проч.) относятся также логин и пароль, адрес электронной почты, иные сведения, которые пользователь указывает о себе при регистрации на веб-сайте или оформлении заказа в интернет-магазине.

Что касается понятийного аппарата, затрагивающего специфику договорных отношений в сфере электронной коммерции, то в юридической доктрине введена категория «сетевой договор», под которым понимается зафиксированное на материальном носителе правовое соглашение лиц, обладающее необходимыми реквизитами и заключаемое при помощи информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена. Это также особое обязательство, определяющее права и субъективные обязанности договорных контрагентов в сфере электронного документооборота (торгового оборота). При этом весьма важная роль отводится посреднику в сфере интернет-торговли — лицу, которое от имени другого лица отправляет, получает или хранит потенциально ценную информацию, способствует заключению (исполнению) сетевого договора, а также оказывает другие сопутствующие услуги¹.

В юридической литературе высказывается также точка зрения, что целесообразно ввести в научный оборот такую категорию, как «электронный договор», в рамках которого можно вычлениить четыре основных системообразующих элемента, характеризующих договоры в Интернете:

1) электронная форма (несмотря на законодательное закрепление электронной формы правового общения, практика все еще далека от восприятия этой формы);

2) юрисдикция (договор, заключенный в Интернете, в абсолютном большинстве случаев находится вне юрисдикционного поля государства);

3) применение принципа презумпции в тех случаях, когда в обычной жизни он неприменим вообще (это относится к большинству случаев договорных отношений, когда идентификация стороны договора практически невозможна и в таких случаях применяется принцип презумпции правосубъектности стороны договора);

4) конвенциональный характер многих договорных отношений в виртуальном пространстве, поскольку нормативно эти отношения не закреплены (безвозмездность, презумптивность правосубъектности и проч.).

Вышеперечисленные элементы позволяют отнести договоры, заключаемые в Интернете, к нетипичным договорам².

При всем многообразии мнений по поводу договорных правоотношений в сети Интернет, заключения электронных сделок можно утверждать,

¹ См.: *Рассолов И. М.* Правовые проблемы электронной торговли: цивилистическое исследование. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 76–77; *Рассолов И. М.* Актуальные проблемы организации и управления электронной торговлей и электронными платежами в свете нового российского законодательства // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: *Абдулжалилов А.* Правовая характеристика договоров, заключаемых в Интернете // СПС «КонсультантПлюс».

что для юридической науки данные вопросы являются одними из самых неоднозначных и неурегулированных, вызывающих множество проблем в правоприменительной практике.

Современное развитие общественных отношений объективно создает условия, при которых существующие традиционные институты уже не в состоянии адекватно ответить на возникшие потребности общества в урегулировании этих общественных отношений.

Безусловно, российское законодательство делает определенные шаги к развитию сферы электронной коммерции. На сегодняшний день с уверенностью можно сказать лишь о том, что нормативная правовая база электронной экономической деятельности в России носит неупорядоченный характер и нуждается в последующей правовой регламентации.

Пути преодоления проблем, связанных с реализацией отношений в рамках электронной экономической деятельности. На основании проанализированного материала можно сделать вывод, что в целом в России достаточно активно и зачастую успешно развивается электронная экономическая деятельность, что констатируется в программных, стратегических и отчетных документах государственных структур.

При этом нельзя не заметить, что реализация отдельных механизмов такой деятельности сталкивается с определенными трудностями, среди которых, безусловно, следует назвать несовершенство законодательного регулирования.

Несмотря на значительное количество документов в области информатизации, правоотношения в электронной сфере нельзя признать урегулированными надлежащим образом, поскольку граждане и организации не имеют полноценной юридически защищенной возможности реализации своих прав в сфере осуществления электронной коммерции.

Отсутствие единого законодательного акта по вопросам электронной экономической деятельности (электронной коммерции, электронной торговли), отсутствие унифицированного терминологического подхода к определению основных категорий — все это порождает на практике массу вопросов, которые не могут быть качественно и эффективно рассмотрены по объективным причинам. Кроме того, отсутствие должного правового регулирования позволяет не всегда добросовестным субъектам уходить от юридической ответственности.

Проблемы законодательства, препятствующие совершенствованию реализации механизмов электронной коммерции, можно условно разделить на две группы: «проблемы формы» и «проблемы содержания».

«Проблемы формы» связаны с отсутствием логически выстроенной, понятной и прозрачной системы законодательных и подзаконных правовых актов в рассматриваемой сфере, когда в основу правового регулирования закладывается минимальное число базовых законов, положения которых получают свое дальнейшее развитие в подзаконных актах.

«Проблемы содержания» связаны с отдельными направлениями реализации электронной коммерции, требующими тщательной правовой регламентации и конкретизации, среди которых можно выделить следующие:

- правовой статус сети Интернет и возможности использования его инфраструктуры для заключения, изменения и прекращения правоотношений;
- особенности заключения договоров в сети Интернет (например, посредством совершения конклюдентных действий);
- защита персональных данных в сети Интернет;
- защита прав потребителей при заключении договоров в сети Интернет;
- особенности использования криптовалюты при проведении электронных платежей;
- использование электронной документации и электронной почты как доказательства в суде;
- участие в электронной коммерции электронных агентов и разграничение зон ответственности за принимаемые решения;
- распространение рекламы в сети Интернет (условия допустимости массовых рассылок электронных сообщений рекламного характера).

Торговые отношения, ведущиеся через сеть Интернет, или иные виды предпринимательской деятельности, нацеленной на обслуживание торговых отношений, подлежат правовому регулированию с учетом некоторых особенностей, присущих только этому виду торговли. Совершенствование законодательства в соответствии с вышеуказанными направлениями должно носить комплексный характер и осуществляться поэтапно. Причем законодательный подход должен обеспечиваться сочетанием в себе решения разнообразных задач не только в области применения электронных технологий, но и в области связи, налогов, финансов, бухгалтерского учета и т. д.

В любом случае правовое регулирование электронной экономической деятельности должно осуществляться с позиций регламентации соответствующих правоотношений в рамках основополагающей отрасли, предусматривающей применение информационно-коммуникационных технологий — информационного права.

§ 6. Отношения в сфере информационной безопасности

Понятие информационной безопасности. В настоящее время в информационном праве не существует устоявшегося определения информационной безопасности. Это происходит потому, что многие авторы в своих определениях замкнуты исключительно на законодательные дефиниции и конструкции. Сама информационная безопасность как родовое понятие нами может быть раскрыта в нескольких значениях.

Первое, доктринальное значение. Оно состоит в том, что категория «информационная безопасность» может быть рассмотрена как:

а) состояние защищенности системы, личности, общества, государства и др.;

б) деятельность субъектов по обеспечению состояния защищенности объекта защиты;

в) системное свойство информационной системы, объекта защиты, которое не позволяет ему разрушиться, быть уничтоженным, ухудшить свое положение;

г) установленный порядок поведения субъектов в информационной сфере и ответственность за его нарушение.

Второй аспект понятия информационной безопасности — это необходимый элемент информационного правоотношения субъекта. Так, например, при заключении договора о предоставлении услуг связи пользователь или информационный посредник знает, что в процессе доступа к предоставляемой оператором информации он обязан подчиняться определенному порядку и требованиям информационной безопасности все время действия этого договора.

Третий аспект понятия информационной безопасности рассматривается нами как реализация важного принципа информационного права — принципа обеспечения информационной безопасности, находящего закрепление в различных законодательных актах (например, в Информационном кодексе стран-участников СНГ 2008 г. Стратегии развития информационного общества в РФ и др.).

И, наконец, четвертый аспект информационной безопасности — это соответствующий институт информационного права, т. е. система правовых норм, регулирующих отношения по обеспечению безопасности (состояния защищенности национальных интересов в информационной сфере) на личностном, корпоративном, государственном уровне.

Таким образом, можно выделить несколько признаков этого института информационного права:

— *наличие* системы норм права, регулирующих совокупность однородных отношений;

— определенный порядок и состояние защищенности объекта защиты (жизненно важных интересов);

— уровни обеспечения информационной безопасности: личностный (субъектный); корпоративный (общественный) и общегосударственный.

Следует отметить, что сам объект защиты вытекает и связан напрямую с категорией «безопасность», которая законодательно раскладывается через формулировку «жизненно важные интересы»¹. Данная формулировка давалась в старом Законе от 5 марта 1992 г. № 2446–1 «О безопасности»².

Жизненно важные интересы — это совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства.

Эти интересы (личностные, корпоративные, государственные) применительно к информационному праву должны быть направлены в информацион-

¹ Закон «О безопасности» определял безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В настоящее время действует новый Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», который хоть и не конкретизирует понятийный аппарат в сфере информационного права, но вместе с тем развивает государственные механизмы в сфере защиты информации.

² РГ. 1992. № 103. 6 мая.

ную сферу, а само состояние защищенности должно быть обеспечено от воздействия внешних и внутренних угроз (в зависимости от источников угроз). Причем мы считаем, что, несмотря на положения программных документов в сфере информационной безопасности, говорить о сбалансированности интересов в информационной сфере не приходится. Исходя из выделенного нами принципа информационного права (обеспечения приоритетности интересов общества и государства), считаем общественные и государственные интересы в информационной сфере преобладающими. Итак, к основным объектам безопасности в информационной сфере относятся: личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

В содержании информационной безопасности можно условно различить две стороны, органически сочетающиеся между собой: объективную и субъективную. *Объективная* сторона — это состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере; порядок деятельности специальных органов, без которого не может существовать слаженная система безопасности. Этот порядок в значительной части регулируется нормами информационного права и формируется как особая специфическая разновидность системы безопасности, приспособленная к условиям информационной сферы. В объективном смысле — это также система норм права об информационной безопасности, т. е. соответствующий институт информационного права.

Субъективная сторона информационной безопасности состоит в выполнении определенных охранительных действий субъектов информационного права в отношении объекта охраны. Таким образом, в субъективном смысле — это элемент информационного правоотношения субъекта и его обязанность соблюдать необходимые меры безопасности.

Нарушение механизмов защиты приведет к ущербу национальным интересам и навредит престижу РФ в информационной сфере, которые также относятся к субъективной стороне информационной безопасности.

Есть еще один важный аспект — *степень соблюдения информационной безопасности* в обществе, государстве и конкретным субъектом. В этой связи обладатель информации, должностное лицо, программист, информационный посредник обязаны соблюдать свои функциональные обязанности, технические и должностные инструкции, а также другие локальные акты в сфере информационной безопасности.

Законодательное определение информационной безопасности мы находим в Доктрине информационной безопасности, утвержденной Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895¹.

Согласно Доктрине под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

¹ РГ. 2000. № 187. 28 сент.

Доктрина представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Она служит основой для:

- формирования государственной политики в области обеспечения информационной безопасности РФ;
- подготовки предложений по совершенствованию правового, методического, научно-технического и организационного обеспечения информационной безопасности страны;
- разработки целевых программ обеспечения информационной безопасности РФ.

Доктрина напрямую связана со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537¹. Стратегия устанавливает, что национальная безопасность страны существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать. Поэтому угрозы информационной безопасности РФ и методы ее обеспечения являются общими для этих сфер.

В Доктрине информационной безопасности сделана попытка сгруппировать национальные интересы в информационной сфере на четыре блока:

1. *Интересы личности в информационной сфере*, которые заключаются в реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, на использование информации в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития, а также в защите информации, обеспечивающей личную безопасность.

2. *Интересы общества в информационной сфере*, которые состоят в обеспечении интересов личности в этой сфере, упрочении демократии, создании правового социального государства, достижении и поддержании общественного согласия в обществе.

3. *Интересы государства в информационной сфере*, которые заключаются в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

4. *Национальные интересы в информационной сфере* определяют стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности.

В этой связи выделяются четыре основные составляющие национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере.

¹ РГ. 2009. № 88. 19 мая.

Первая составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, культурного и научного потенциала страны.

Вторая составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя информационное обеспечение государственной политики страны. Это связано с доведением до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике РФ, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни, с обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам.

Третья составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации, в том числе индустрии средств информатизации, телекоммуникации и связи. Сюда также включается обеспечение потребностей внутреннего рынка современной продукцией и выход этой продукции на мировой рынок, а также обеспечение накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов. В современных условиях только на этой основе можно решать проблемы создания наукоемких технологий, технологического перевооружения промышленности, приумножения достижений отечественной науки и техники. Россия должна занять достойное место среди мировых лидеров микроэлектронной и компьютерной промышленности.

Четвертая составляющая национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере включает в себя защиту информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России.

Киберпреступления и киберпреступность: понятие, основные черты и формы проявления. Главной особенностью киберпреступления (компьютерного преступления, преступления в сфере высоких технологий) является использование сетей компьютера для совершения противоправного поступка или преступления в виртуальном пространстве¹. Следует отметить, что сам термин «киберпреступность» впервые появился в зарубежной печати в начале 60-х гг. XX в., когда были выявлены первые случаи преступлений, совершенных с использованием ЭВМ. Такое наименование однородных преступлений стало использоваться в практической деятельности правоохранительных органов, хотя изначально, конечно, не имело под собой ни терминологического, ни криминологического обоснования.

Одна из характерных черт исследуемого вида преступлений — это высокая латентность (по нашим подсчетам, лишь 10–12% этих преступлений

¹ См., например: Компьютерные преступления и информационная безопасность. М.: Новый юрист, 1998. С. 16–21.

становятся достоянием гласности)¹. Следует также отметить устойчивую тенденцию к «организованности» киберпреступлений и выходу их за национальные рамки. Немаловажной чертой является и интернациональность участников преступного сообщества. Как правило, руководитель преступной организации не совершает преступлений лично, он только отдает приказы своеобразным руководителям проектов (направлений). Преступники, находящиеся на втором уровне иерархии, создают вредоносные программы, сети инфицированных компьютеров, похищают ценную информацию. Похищенная информация перепродается посредниками (распространителями), представляющими третий уровень преступной сети.

Цивилизованные страны совершенно закономерно пытаются найти пути решения этой проблемы. Ведь чем более масштабной она становится, тем более высокий уровень организации государств требуется для ее разрешения. Так, в рамках ООН регулярно проводятся конференции по профилактике и пресечению киберпреступности, вырабатываются механизмы противодействия этому виду преступлений, принимаются универсальные стандарты и нормы, гарантирующие надежное использование компьютерных систем и средств телекоммуникаций. Такая работа ведется давно².

Условно можно выделить три позиции в отношении данных преступлений:

1. Преступления в сфере компьютерной информации — это самостоятельный вид преступной деятельности, который подразумевает введение новых самостоятельных составов преступлений. Подтверждением данной позиции является основной антитеррористический документ США — «Патриотический акт» (Patriotact) 2001 г.³, который впервые ввел в оборот новое законодательное понятие «кибертерроризм» и расширил трактовку термина «терроризм». Под кибертерроризмом в США понимаются различные квалифицированные формы хакерства, нанесение ущерба защищенным компьютерным сетям граждан, юридических лиц и государственных ведомств, включая ущерб, причиненный компьютерной системе, используемой государственным учреждением при организации национальной обороны или обеспечении национальной безопасности. В соответствии со ст. 810 Акта 2001 г. наказание за подобные действия ужесточаются до 10 лет лишения свободы для лиц, которые совершают это деяние впервые, и до 20 лет лишения свободы в случае рецидива преступления. Целый ряд уголовных составов выделен в специальной главе 13 УК Швеции, устанавливающей ответственность за киберпреступления.

¹ Латентность киберпреступлений составляет: в России — 90%; в Великобритании — 85%; в Германии — 75%; в США — 80%.

² На VIII Конгрессе (Гавана, 1990 г.) только отмечалась опасность компьютерных преступлений в мире; на IX Конгрессе (Каир, 1995 г.) обращалось внимание общественности на рост данной категории преступлений; на X Конгрессе (Вена, 2000 г.) говорилось об этом явлении как о серьезной проблеме для многих развитых стран; на XI Конгрессе (Бангкок, 2005 г.) было обращено внимание на качественно новое состояние киберпреступности, охватывающей большинство стран планеты.

³ URL: <http://www.epic.org/privacy/terrorism/hr3162.html>

2. Кибернетических преступлений как самостоятельного вида не существует, их следует рассматривать как квалифицирующий признак обычных «традиционных» преступлений. При этом компьютер и его сети выступают в качестве предмета преступления, орудия преступления или средства, на котором подготавливаются противоправные деяния.

В качестве примера можно привести британский Закон о терроризме 2000 г. (Terrorism Act 2000), который к терроризму относил действия лиц, которые «серьезно нарушают работу какой-либо электронной системы или серьезно мешают ее работе». Подобные квалифицирующие признаки нашли закрепление в Уголовных кодексах разных стран. Например, § 2 ст. 278 УК Польши предусматривает ответственность за хищение чужого имущества путем несанкционированного использования компьютерных программ. Часть 3 ст. 615 УК Италии запрещает неправомерный доступ к компьютеру или телекоммуникационной системе. Особая ответственность установлена за неправомерный доступ к компьютерам или телекоммуникационным системам оборонного значения, а также системам, предназначенным для охраны общественной безопасности. Статья 193 УК Республики Кыргызстан предусматривает ответственность за незаконное получение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, путем незаконного проникновения в компьютерную систему или сеть. Российское уголовное законодательство, в отличие от других стран, например, США, Испании, Польши и др., не выделяет квалифицированные составы преступлений по признаку использования компьютеров как средства совершения какого-либо преступления.

3. Широкая трактовка кибернетических преступлений. В соответствии с ней преступления в киберпространстве являются любые преступные посягательства с использованием компьютерной техники и информационных технологий¹.

Исходя из анализа можно сделать вывод о том, что киберпреступления нужно исследовать со следующей позиции: *необходимо рассматривать киберпреступления как такие действия в Интернете, при которых компьютер является либо орудием, либо предметом посягательств в кибернетическом пространстве*. При этом, в частности, преступное завладение техническими средствами и их компонентами в сфере интернет-коммуникаций должно рассматриваться как один из случаев совершения киберпреступлений².

Одновременно киберпреступления можно исследовать как противозаконные действия в сфере автоматизированной обработки информации. В данном случае в качестве главного классифицирующего признака, позволяющего отнести эти преступления к обособленной группе, выделяется общность способов, орудий и объектов посягательств. Иными словами, объектом посягательства здесь выступает информация, обрабатываемая в виртуальном пространстве, а компьютер служит орудием посягательства.

¹ См., например: Черкасов В. Н. Информационные технологии и организованная преступность // Преступность и коррупция: современные российские реалии / Саратовский центр по исслед. проблем организ. преступности и коррупции. Саратов: Сателлит, 2003. С. 144–146.

² См.: Компьютерные преступления и информационная безопасность. М.: Новый юрист. С. 14–21.

Законодательство многих стран (в том числе и России) развивается именно в рамках последнего подхода, поэтому, на наш взгляд, следует принять указанную формулировку. Будем считать, что к *киберпреступлениям относятся такие общественно опасные деяния, которые совершаются с использованием средств компьютерной техники в отношении информации, обрабатываемой и используемой в Интернете.*

Ответственность наступает при наличии основания (прямой действительный ущерб) и трех условий:

- 1) противоправного действия или бездействия причинившего ущерб;
- 2) вины в форме умысла или неосторожности (форма вины влияет на вид ответственности);
- 3) наличия причинной связи между противоправным действием или бездействием и причиненным ущербом.

Следовательно, для реализации юридической ответственности важно установить причинно-следственные связи между негативными последствиями, наступившими в результате нарушения правового предписания, и действиями (бездействием) предполагаемого нарушителя, действующего в Интернете.

Несмотря на «жесткий» характер основных видов юридической ответственности, главная цель их применения не может быть сведена только к наказанию виновного субъекта. Определяющая цель применения юридической ответственности — поддержание нормального порядка в виртуальном пространстве Интернета, основанного на следовании большинства субъектов интернет-отношений установленным нормам материального права, и нарушение ими норм «жесткого» права.

К сожалению, не все субъекты правовых отношений сознательно следуют позитивному порядку в Интернете. Многие из них нарушают этот порядок и подвергаются воздействию норм права, устанавливающих негативную юридическую ответственность. Однако на часть субъектов сам факт наличия норм права, устанавливающих юридическую ответственность, действует как сдерживающий фактор, предупреждающий их неправомерные действия. Таким образом, установление юридической ответственности факультативно имеет в этом случае еще и нравственно-воспитательное значение.

Ответственность в информационном праве — это сложное, многоплановое явление. Она включает в себя:

- 1) оценку своего поведения и его социально значимых последствий;
- 2) осознание собственного долга, сформулированного в информационно-правовых нормах; действия, сообразующиеся с этим;
- 3) наложение соответствующих взысканий от имени государства, общественной организации, коллектива за поведение, отклоняющееся от нормы;
- 4) компенсацию ущерба, причиненного неправомерным поведением.

В итоге можно заключить, что негативная юридическая ответственность в информационном праве — *это применение к виновному лицу, совершившему правонарушение, мер воздействия, предусмотренных санкцией нарушенной информационно-правовой нормы в определенном регламентированном порядке.* Это также особое правоотношение между правонарушителем и компетентным

органом власти, содержанием которого является обязанность виновного правонарушителя претерпеть определенные неблагоприятные последствия личного, имущественного или организационного характера, обеспеченные государственным принуждением и выражающие отрицательное отношение общества к такому поведению.

Сущность такой ответственности состоит в обязанности индивида выполнить требования, которые предъявляются ему всем обществом (социумом). Негативную юридическую ответственность по информационному праву могут охарактеризовать три признака:

- 1) наличие неблагоприятных последствий для правонарушителя;
- 2) государственно-правовое принуждение;
- 3) осуждение правонарушения и его субъекта со стороны общества и государства.

Мы считаем, что в рассматриваемой сфере необходимо различать ответственность по видам в зависимости от характера совершенного правонарушения в Интернете (дисциплинарная, административная, гражданская и уголовная ответственность).

В связи с характеристикой общественных отношений, складывающихся в Интернете, можно сделать вывод, что наиболее часто к правонарушителям здесь применяются меры гражданской, а также уголовной ответственности (в случае совершения преступления при помощи технических средств Сети и распространения информации, уголовно наказуемой), реже — административной.

Европейские эксперты в рамках работы ОБСЕ считают важным:

Активно присоединяться и исполнять международные решения, в первую очередь Конвенцию по борьбе с киберпреступностью. Соблюдать резолюции Совета Европы и решения Интерпола по данному вопросу;

Разработать Кодексы поведения для провайдеров (Code of practice), а также правовые механизмы взаимодействия провайдеров с правоохранительными органами в сфере борьбы с киберпреступностью.

Создать единый европейский и зональные центры по мониторингу соответствующей информации.

Международное уголовное право уже сегодня предлагает многочисленные решения по вопросу правового регулирования кибернетического пространства. Действительно, общие механизмы выдачи преступника иностранному государству и международной правовой помощи в сфере уголовного права уже сегодня могут применяться в отношении преступлений, совершенных в электронной среде Интернета.

Так, в Европе давно уже действуют соглашения о выдаче преступников иностранному государству. Некоторые из них Россия подписала и ратифицировала. Среди них, например, Европейская конвенция о выдаче¹ от 13 декабря

¹ Федеральный закон от 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней» // СЗ РФ. 1999. № 43. Ст. 5129. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 9 марта 2000 г. Официальный перевод текста Конвенции на русский язык см.: СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2348.

1957 г., Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам¹ от 20 апреля 1959 г. До недавних пор не существовало детального договора между Россией и США по данному вопросу. Действовало лишь Соглашение между двумя странами о порядке исполнения судебных поручений от 22 ноября 1935 г. (в форме обмена нотами)². Только 17 июня 1999 г. был подписан Договор между РФ и США о взаимной правовой помощи по уголовным делам, который был ратифицирован Федеральным законом от 3 ноября 2000 г.³ Развивая это сотрудничество, следует в ближайшее время подписать еще один специальный договор между Россией и США о взаимной выдаче преступников, который затрагивал бы и сферу Интернета. Это окажет положительное воздействие на рынок интернет-услуг. Тем более что некоторые соглашения между государствами вполне состоятельны в вопросах коллизионного права в этой сфере. Например, Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам 1988 г.⁴ предоставляет жертве клеветы широкий выбор гражданских процедур, которые позволяют ей защитить свои права. Исполнение судебных решений осуществляется автоматически в странах — участницах данного Соглашения.

Российским юристам еще предстоит выработать свою точку зрения по проблеме юридической ответственности лиц, совершивших правонарушение в мировом кибернетическом пространстве и в сфере компьютерной информации, анализируя гл. 28 УК РФ и другие национальные нормы права. Рекомендация Совета Европы № R (95) 13 относительно проблем уголовных процедур, связанных с технологией обработки информации от 11 сентября 1995 г., могла бы послужить базой для такой правовой работы⁵. Следует подвергнуть всестороннему анализу этот нормативный акт в целях совершенствования отечественной правоприменительной практики в сетях. Вероятно, соответствующие законодательные изменения могли бы быть успешно внесены и в другие международные акты.

Все это ставит перед Российской Федерацией задачу совершенствования законодательства в сфере борьбы с киберпреступлениями. Наличие

¹ Федеральный закон от 25 октября 1999 г. № 193-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней» // СЗ РФ. 1999. № 43. Ст. 5132. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 9 марта 2000 г. Официальный перевод текста Конвенции на русский язык см.: СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2349.

² Соглашение в форме обмена нотами между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о порядке исполнения судебных поручений (Москва, 22 ноября 1935 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IX. М., 1938. С. 79–84.

³ См.: Федеральный закон «О ратификации договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам» от 3 ноября 2000 г. // СЗ РФ. 2000. № 45. Ст. 4401.

⁴ Текст Конвенции опубликован: Международные конвенции о взаимодействии судов и судебно-правовом сотрудничестве по гражданским и коммерческим делам. Библиотечка журнала «Вестник ВАС РФ». Специальное приложение к № 10, октябрь 2000 г. М.: ЮРИТ-Вестник, 2000. С. 29–64. Российская Федерация в настоящей Конвенции не участвует // СПС «Гарант».

⁵ См. более подробно: Преступления в сфере компьютерной информации: квалификация и доказывание: учеб. пособие / под ред. Ю. В. Гаврилина. М.: Юридический институт МВД РФ, 2003.

в Уголовном кодексе РФ трех статей о преступлениях в сфере компьютерной информации (ст. 272–274) и отдельных записей в иных правовых актах об ответственности руководителей информационных систем, пользователей информации в Сети, провайдеров, СМИ и т. д. сегодня уже явно недостаточно. Необходимо разработать и принять в нашей стране специальный Закон «О борьбе с киберпреступностью», а также внести соответствующие дополнения в уже действующее законодательство. Скорейшее присоединение России к Конвенции о киберпреступности решило бы многие проблемы в сфере уголовного права, способствовало бы выработке понятийного аппарата теории права и государства. Тем более, как нам представляется, теперь это вопрос лишь времени¹.

Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности в сети Интернет.

Отношения в сети Интернет всегда представляли и еще долго будут представлять проблему для законодателя. Сложность правового регулирования данных отношений определяется особенностью общественных отношений, складывающихся в виртуальной среде.

В первую очередь это определяется трансграничностью сети и невозможностью зачастую привязать события в сети Интернет к определенным географическим границам. Пользователь может легко оказаться на сайте, расположенном в другом городе, государстве или на другом континенте. Более того, как правило, пользователи даже и не имеют представления о том, где расположен тот или иной сайт. Такая возможность порождает множество правовых проблем: защиты личной информации о пользователе, защиты интеллектуальной собственности, регулирования содержания предоставляемой информационным посредником пользователю информации. Архитектура сети Интернет, а именно ее децентрализованный характер, выражающийся в отсутствии единого центра, контролирующего все информационные процессы, происходящие в Интернете, является одной из основных причин невозможности их эффективного унифицированного правового регулирования.

Законодатель сталкивается с проблемой идентификации пользователей сети Интернет. Сам по себе IP-адрес, которым обладает каждое из устройств, подсоединенных к сети Интернет, позволяет лишь идентифицировать в сети Интернет такое устройство, но не позволяет произвести идентификацию лица, которое его использует.

Особая роль интернет-провайдеров в осуществлении процессов информационного обмена в сети Интернет, а также зависимость пользователей от их деятельности не могут не влиять на правовые аспекты регулирования отношений в сети Интернет. Недаром интернет-провайдеров нередко обо-

¹ Сначала Россия приняла решение подписать Конвенцию с заявлением. Президент РФ подписал распоряжение от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // СЗ РФ. 21 ноября 2005 г. № 47. Ст. 4929. Однако в марте 2008 г. Россия отказалась поставить свою подпись под этим документом. См.: Распоряжение Президента РФ от 22 марта 2008 г. № 144-рп «О признании утратившим силу Распоряжения Президента РФ от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности».

значают как «хранителей врат» Интернета (Internet «gatekeepers»), в связи с чем они становятся основным проводником политики государства в отношении Интернета.

Рассмотрим основные проблемы правового регулирования отношений в сети Интернет в контексте обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства.

Создание российского государственного сегмента информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Как уже отмечалось, внедрение современных информационных технологий в различные сферы жизни общества и государства сопровождается изменением форм информационных отношений между государством и обществом. Одним из важнейших направлений в развитии единого информационного пространства является развитие государственной информационной инфраструктуры, которая позволит в более полной мере удовлетворять интересы граждан, коммерческих и государственных структур. И конечно, вопросы развития и безопасности информационно-телекоммуникационных сетей, входящих в состав государственной информационной инфраструктуры, и в частности сети Интернет, сегодня представляют наибольший интерес.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года ставит задачу преодолеть технологическое отставание в важнейших областях информатизации, телекоммуникаций и связи, определяющих состояние национальной безопасности, разработать и внедрить технологии информационной безопасности в системах государственного и военного управления, системах управления экологически опасными производствами и критически важными объектами, а также обеспечить условия для гармонизации национальной информационной инфраструктуры с глобальными информационными сетями и системами.

1 октября 2014 г. состоялось заседание Совета безопасности, посвященное вопросам противодействия угрозам национальной безопасности в информационной сфере, на котором обсуждались меры по повышению уровня защищенности отечественных сетей связи и информационных ресурсов, обеспечению устойчивого функционирования российского сегмента сети Интернет.

В своем вступительном слове Президент РФ В. В. Путин отметил, что защита информационного пространства России от современных угроз сегодня является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности. Надежная работа информационных ресурсов, систем управления и связи имеет исключительное значение для обороноспособности страны, для устойчивого развития экономики и социальной сферы, для защиты суверенитета России в самом широком смысле этого слова.

Очевидно, что отдельные страны пытаются использовать свое доминирующее положение в глобальном информационном пространстве для достижения не только экономических, но и военно-политических целей. Активно применяют информационные системы в качестве инструмента так называемой «мягкой» силы для достижения своих интересов.

Российские ведомства фиксируют постоянный рост компьютерных атак на российские информационные ресурсы. По словам Президента РФ, за последнее время, за полгода, количество атак увеличилось в разы, просто сопоставимо даже с прошлым годом. При этом методы, средства и тактика проведения подобных атак совершенствуются, а их интенсивность прямо зависит от текущей международной обстановки.

В глобальной сети открыто распространяются материалы террористической и экстремистской направленности. Увеличилось количество преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, например, незаконных проникновений в корпоративные сети кредитно-финансовых учреждений.

Президент РФ отметил, что за последние годы был сделан ряд важных шагов по обеспечению безопасности России в информационной сфере. Действует такой стратегический, комплексный документ, как Доктрина информационной безопасности. С начала прошлого года формируется государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы России. Создаются современные, защищенные сети и системы связи для нужд обороны и безопасности государства, для эффективной работы правоохранительных органов.

Активно идет взаимодействие с партнерами в области обеспечения международной информационной безопасности, в том числе в рамках ООН, БРИКС, ШОС. Так, на прошедшем саммите БРИКС лидеры стран решительно осудили факты массовой электронной слежки и сбора данных о частных лицах, которые осуществляются некоторыми специальными службами известных стран.

Вместе с тем очевидно, что сегодня нам необходимо выработать и реализовать комплекс дополнительных мер в области информационной безопасности, в их числе Президент РФ назвал:

- необходимость качественно повысить защищенность отечественных сетей связи и информационных ресурсов, в первую очередь тех, что используют государственные структуры, исключить незаконное вмешательство в их работу, а также утечку конфиденциальной и персональной информации;
- обеспечить устойчивость и безопасность российского сегмента сети Интернет, не ограничивая доступ в сеть, не ставя ее под тотальный контроль, не огосударствливая Интернет, не ограничивая законные интересы и возможности людей, общественных организаций, бизнеса в информационной сфере;
- обеспечить развитие отечественных технологий, техники и информационных продуктов, эффективно стимулировать их использование госструктурами и российскими компаниями;
- расширение сотрудничества в сфере обеспечения международной информационной безопасности с глобальными и региональными организациями.

Задача создания защищенного сегмента сети Интернет для органов государственной власти нашла свое дальнейшее развитие в Указе Президента РФ от 22.05.2015 № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности

Российской Федерации», в котором был утвержден Порядок подключения информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей к информационно-телекоммуникационной сети Интернет и размещения (публикации) в ней информации через российский государственный сегмент информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В целях противодействия угрозам информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории РФ было установлено преобразовать сегмент международной компьютерной сети Интернет для федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ, находящихся в ведении ФСО России, в российский государственный сегмент информационно-телекоммуникационной сети Интернет, являющийся элементом российской части сети Интернет и обеспечивающий:

а) подключение к сети Интернет предназначенных для взаимодействия с ней государственных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей государственных органов, а также информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами;

б) размещение (публикацию) в сети Интернет информации государственных органов.

Утвержденный Указом порядок подключения информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей к информационно-телекоммуникационной сети Интернет и размещения (публикации) в ней информации через российский государственный сегмент информационно-телекоммуникационной сети Интернет установил:

— подключение информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей к информационно-телекоммуникационной сети Интернет через российский государственный сегмент сети Интернет осуществляется по каналам передачи данных, защищенным с использованием шифровальных (криптографических) средств;

— подключение государственных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, а также информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, находящихся в ведении организаций, к сети Интернет через российский сегмент осуществляется по защищенным каналам.

Размещение (публикация) в сети Интернет информации государственных органов и организаций через российский сегмент осуществляется с использованием программно-технических средств этих органов и организаций или ФСО России, которая:

а) разрабатывает и утверждает положение о российском государственном сегменте сети Интернет, в котором определяются процедура и технические условия подключения информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей к сети Интернет и размещения (публикации) в ней информации через российский сегмент;

б) осуществляет создание, поддержание и развитие сетей шифрованной связи, предназначенных для защиты информации от несанкционированного доступа и для обеспечения ее целостности при передаче через российский сегмент, а также управление указанными сетями;

в) осуществляет подключение государственных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей государственных органов, а также информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, к сети Интернет через российский сегмент;

г) разрабатывает и утверждает перечень государственных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, находящихся в ведении Администрации Президента РФ, Аппарата Правительства РФ, Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, Счетной палаты РФ, который согласовывается с указанными государственными органами в части, их касающейся.

ФСО России обеспечивать поддержание, эксплуатацию и развитие российского государственного сегмента сети Интернет.

Подключение находящихся в ведении Администрации Президента РФ, Аппарата Правительства РФ, Следственного комитета РФ, федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ государственных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей к российскому государственному сегменту сети Интернет и обеспечение размещения (публикации) информации в сети Интернет в соответствии с утвержденным Порядком необходимо осуществить до 31 декабря 2017 г. Совету Федерации, Государственной Думе, судебным органам Российской Федерации, органам прокуратуры РФ, Счетной палате РФ, а также организациям, созданным для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, рекомендовано осуществить подключение находящихся в ведении названных органов и организаций информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей к российскому государственному сегменту сети Интернет и обеспечить размещение (публикацию) информации в сети Интернет в соответствии с утвержденным данным Указом порядком.

Система адресации в сети Интернет. Одна из угроз безопасности интернет-ресурсов, непосредственно связанная с возможностью ее внешнего контроля, заключается в реализованной централизованной иерархической структуре системы адресации в сети Интернет.

Как известно, каждое устройство, подключенное к сети Интернет, должно идентифицироваться и отграничиваться от бесчисленного множества других устройств, что может быть достигнуто лишь при наличии упорядоченной системы реестров адресов.

Система распределения IP-адресов построена по иерархическому принципу. ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers), некоммерче-

ская организация, созданная по законодательству штата Калифорния, США, осуществляет координацию распределения IP-адресов и корреспондирующих с ними доменных имен. Необходимо подчеркнуть, что в основе деятельности ICANN лежит Меморандум о взаимопонимании, заключенный с Министерством торговли США, которое обладает определенными контрольными функциями в отношении деятельности ICANN. Впоследствии данный Меморандум был заменен на Соглашение о совместной проектной деятельности (Joint Project Agreement), заключенное в 2006 г. Несмотря на международный характер деятельности ICANN и активное участие в ней интернет-сообщества, государственных органов различных стран, данная компания, находясь под юрисдикцией США, обладает фактическим контролем над реестрами, содержащимися в корневых серверах. Удаление записи о каком-либо доменном имени из соответствующего реестра означает блокирование ресурса в сети. Некоторые авторы видят в наличии у определенных субъектов такой фактической власти возможность установления экстерриториальной юрисдикции над интернет-отношениями, потенциально даже более эффективной, нежели обычная территориальная юрисдикция, с которой сопряжены проблемы последующего принудительного исполнения вынесенного решения в другой стране.

Способ практически мгновенного блокирования доступа к сайту, если он зарегистрирован в российских национальных доменах.ru или.рф, российским властям предоставил Координационный центр Национального домена сети Интернет — автономная некоммерческая организация, уполномоченная выполнять функции национальной регистратуры и, соответственно, разрабатывать правила регистрации доменных имен второго уровня. В своей деятельности Координационный центр опирается на опыт международных организаций, таких как ICANN, координирующая вопросы распределения доменных имен и IP-адресов, обеспечивающая стабильное и безопасное функционирование систем уникальных интернет-идентификаторов, Совет европейских национальных регистратур верхнего уровня (CENTR), Азиатско-Тихоокеанская ассоциация доменов верхнего уровня (APTLD), представляющие региональные объединения национальных регистратур, Международный союз электросвязи (МСЭ), Форум по управлению Интернет (IGF) и др.

В сентябре 2012 г. Координационным центром была утверждена новая редакция Правил регистрации доменных имен в доменах.RU и.РФ.

Ранее правила позволяли регистратору прекращать делегирование домена в зоне.РФ без согласия администратора только на основании судебного акта либо мотивированного запроса одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Правила для домена.RU вообще не предусматривали такого основания, как запрос силовых структур.

Новая редакция правил предусматривает возможность аннулирования регистрации доменного имени только на основании вступившего в силу судебного акта.

Мониторинг и блокирование доступа к информации в сети Интернет. Блокирование доступа к информации, распространение которой является не-

законным, — один из самых простых способов прекратить правонарушение в сети Интернет. Однако, как показывают исследования, такой способ далеко не всегда является эффективным и имеет ряд серьезных недостатков.

Так, по мнению Европейского комиссара по правам человека Томаса Хаммарберга, практически во всех странах процедура блокирования не является достаточно прозрачной и осуществляется более или менее произвольно, что не позволяет обществу знать, какой именно контент и по какой причине подвергается цензуре. Доказанным фактом можно также считать и то, что имеющиеся сегодня технологии блокирования не позволяют достичь искомого результата в полной мере: либо блокирование оказывается недостаточным и легко преодолевается, либо оно оказывается избыточным (т. е. необходимость закрыть доступ к какому-либо одному ресурсу приводит к неизбежному закрытию одновременно огромного количества других интернет-ресурсов, не имеющих отношения к совершенному правонарушению).

Согласно позиции ООН, поскольку любые ограничения в отношении распространения контента затрагивают право на свободу слова и выражения, а также право на защиту частной жизни и персональных данных, такие ограничения должны удовлетворять критериям необходимости и пропорциональности.

В своем докладе 2011 г. Генеральной Ассамблее ООН специальный докладчик ООН по обеспечению и защите права на свободу слова и выражения Франк Ла Рю отметил, что полномочия по цензуре никогда не должны быть делегированы частной организации. Решение о блокировании контента должно приниматься судебными инстанциями или органом, который независим от любого политического, коммерческого или иного влияния.

Следует отметить, что во многих странах используются технологии фильтрации интернет-контента.

Российское законодательство о мониторинге и блокировании интернет-контента начинает активно развиваться с 2012 г., когда были внесены изменения в целый ряд федеральных законов. Так, одним из первых оснований для блокирования ресурсов в сети Интернет стал Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Статья 12 указанного Закона запрещает использование сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности. Вопросы блокирования интернет-ресурсов, распространяющих экстремистские материалы, была рассмотрена нами в параграфе 5.1.

Затем эти вопросы получили развитие в Федеральном законе от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ, суть которого заключается в создании Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

На основании заключений, выданных должностными лицами ФСКН России, Роспотребнадзора, Роскомнадзора, или судебного решения происходит включение в реестр отдельных страниц, сайтов или IP-адресов.

Возможности для вынесения представлений о блокировке или удалении информации в сети Интернет также содержатся в Федеральном законе

от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в ст. 13 которого указывается: «Полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляются следующие права:...вносить в соответствии с федеральным законом руководителям и должностным лицам организаций обязательные для исполнения представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности граждан и общественной безопасности, совершению преступлений и административных правонарушений». В рамках уголовного судопроизводства порядок внесения таких представлений установлен ч. 2 ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

Аналогичные полномочия имеются также у прокуроров согласно Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Согласно этим полномочиям сотрудники силовых структур могут требовать от провайдеров хостинга или операторов связи блокировки определенного контента в Интернете, признав его «причиной или условием» совершения правонарушения. Однако технологии реализации блокирования доступа также не определены.

Проблема идентификации пользователей сети Интернет. Пользователь может осуществлять свою информационную деятельность из любой точки мира, отправляя и получая любую информацию. Источник происхождения сообщения может быть скрытым или закодированным. Пользователь сети может иметь псевдоним или электронную идентификацию личности, отличную от его реальной идентификации. Более того, обмен информацией может производиться не человеком, а компьютерной программой. Сам по себе IP-адрес, которым обладает каждое из устройств, подсоединенных к сети Интернет, позволяет лишь идентифицировать в сети Интернет такое устройство, но не позволяет произвести идентификацию лица, которое его использует. Максимум, что можно установить, — это факт передачи информации определенным интернет-провайдером либо получение информации при помощи услуг определенного провайдера. Именно интернет-провайдер присваивает пользователю определенный IP-адрес, подключая его компьютер к своему каналу связи. Часть IP-адреса идентифицирует компьютер пользователя, другая часть — идентифицирует провайдера.

Очевидно, что не для всех информационных отношений необходима идентификация конечного пользователя информации. Поскольку идентификация тесным образом связана с проблемой неприкосновенности частной жизни физического лица, то любое решение по идентификации должно удовлетворять требованиям защиты интересов физического лица и его персональных данных. Также идентификация необходима только при определенных обстоятельствах, например, при обращении за информацией к другим субъектам, не участвовавшим в них, но обеспечивающим функционирование инфраструктуры, за счет использования функционала которых осуществляется информационные процессы, таким как операторы связи, информационные посредники, организаторы распространения информации, владельцы поисковых систем.

Особенно остро указанная проблема встает в процессе перехода к оказанию государственных и муниципальных услуг в электронном виде, когда перед государством встает задача предоставить людям и органам государственной власти инструмент для безопасной онлайн-идентификации.

В России с 2010 г. идет процесс развития единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) — информационной системы, обеспечивающей санкционированный доступ участников информационного взаимодействия (граждан-заявителей и должностных лиц органов исполнительной власти) к информации, содержащейся в государственных информационных системах и иных информационных системах.

В рамках инфраструктуры электронного правительства задача создания и развития федеральной государственной информационной системы «Единой системы идентификации и аутентификации» (ФГИС ЕСИА) возложена на Минкомсвязь России. Цель ЕСИА — упорядочить и централизовать процессы регистрации, идентификации, аутентификации и авторизации пользователей.

Положение о федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» утверждено приказом Минкомсвязи России от 13 апреля 2012 г. № 107.

Созданная Минкомсвязью России ФГИС ЕСИА предоставляет информационным системам органов государственной власти решение по достоверной идентификации пользователей (физических и юридических лиц, органов государственной власти). Достоверность достигается за счет того, что:

- регистрация лица в ЕСИА сопряжена с проверкой значимых для удостоверения личности критериев;
- ЕСИА обеспечивает защиту размещенной в ней информации в соответствии с законодательством РФ.

Система ориентирована на пользователя и предоставляет возможности:

- идентификации и аутентификации с использованием единой учетной записи и широкого спектра поддерживаемых методов аутентификации при доступе к различным информационным системам органов государственной власти;
- управления своими персональными данными, размещенными в ЕСИА, и контроля над их предоставлением в информационные системы органов государственной власти.

Основные функциональные возможности ЕСИА:

- идентификация и аутентификация пользователей, в том числе:
- однократная аутентификация, которая дает пользователям ЕСИА следующее преимущество: пройдя процедуру идентификации и аутентификации в ЕСИА, пользователь может в течение одного сеанса работы обращаться к любым информационным системам, использующим ЕСИА, при этом повторная идентификация и аутентификация не требуется;

— поддержка различных методов аутентификации: по паролю, по электронной подписи, а также двухфакторная аутентификация (по постоянному паролю и одноразовому паролю, высланному в виде sms-сообщения);

— поддержка уровней достоверности идентификации пользователя (упрощенная учетная запись, стандартная учетная запись, подтвержденная учетная запись);

— ведение идентификационных данных, а именно — ведение регистров физических, юридических лиц, органов и организаций, должностных лиц органов и организаций и информационных систем;

— авторизация уполномоченных лиц органов государственной власти при доступе к следующим функциям ЕСИА:

— ведение регистра должностных лиц органов власти в ЕСИА;

ведение справочника полномочий в отношении информационной системы и предоставление пользователям ЕСИА (зарегистрированным в ЕСИА как должностные лица) полномочий по доступу к ресурсам систем, зарегистрированным в ЕСИА;

— делегирование вышеуказанных полномочий уполномоченным лицам нижестоящих органов государственной власти;

— ведение и предоставление информации о полномочиях пользователей в отношении информационных систем, зарегистрированных в ЕСИА.

Распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2014 г. № 991-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, утвержденного распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р», установлено, что должна быть обеспечена интеграция официальных сайтов и порталов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, используемых в процессе предоставления приоритетных услуг, с ЕСИА. ЕСИА должна использоваться для регистрации и аутентификации пользователей на региональных и муниципальных порталах, а также на официальных сайтах с первого квартала 2015 г. Таким образом, авторизация посредством ЕСИА теперь может использоваться не только для доступа к услугам на Портале государственных услуг, но и для доступа к услугам на сайтах самих государственных и муниципальных органов. Также интегрироваться с ЕСИА могут не только сайты и информационные системы государственных органов власти и органов местного самоуправления, но и информационные системы организаций.

Важной особенностью дальнейшей разработки и построения механизмов идентификации должен являться учет особенностей существующих стандартов и протоколов обмена и хранения информации. При этом должно допускаться создание механизмов, когда идентификация проводится не непосредственно участниками отношений в момент их возникновения или развития, а только при определенных обстоятельствах при обращении за информацией к другим субъектам, не участвовавшим в них, но обеспечивающим функционирование инфраструктуры — аппаратно-программных

решений, за счет использования функционала которых передается и хранится информация (операторов связи, информационных посредников, организаторов распространения информации).

Охрана прав субъекта персональных данных в сети Интернет. Очевидно, что в современном информационном обществе очень сложно сохранить свою частную жизнь действительно приватной. Особенно это связано с появлением информационно-телекоммуникационных сетей, где информация не только быстро распространяется, но и может храниться неограниченное время.

Начиная с середины прошлого столетия законодательство о персональных данных многих развитых стран пополнилось новыми законами о неприкосновенности частной жизни, которые призваны обеспечить защиту граждан от незаконного использования их персональных данных и гарантировать им право доступа к своим персональным данным для проверки их точности и достоверности. Однако на практике кардинальных изменений не произошло: Google, Facebook, Apple и другие крупные интернет-компании постоянно уличают в незаконном сборе информации.

Важнейшая проблема связана с переводом в электронный вид оказания государственных услуг и осуществления государственных функций. Сегодня государственные органы, однажды получившие согласие гражданина, имеют право передавать его данные между собой неопределенно долго с минимальными ограничениями, не уведомляя владельцев. Это может создавать риск нецелевого использования этих данных. Поэтому многими специалистами предлагается ограничить право госорганов обрабатывать персональные данные без согласия субъекта только целями предоставления конкретной услуги.

В мае 2013 г. был принят целый пакет изменений в 14 законодательных актов, среди которых Федеральный закон «О персональных данных», ТК РФ, ГПК РФ, законодательство о прокуратуре, о пенсионных фондах, о государственной социальной помощи. Эти изменения направлены на более эффективное обеспечение конфиденциальности и защиты персональных данных. Цель этих изменений — привести федеральный закон в соответствие с требованиями времени: учитывать особенности социальных сетей, аспекты, связанные с оказанием услуг в электронном виде, использование «облачных» сервисов.

Так, существующая проблема трансграничной передачи персональных данных получила только частичное решение. Согласно закону до начала осуществления трансграничной передачи персональных данных оператор, осуществляющий обработку персональных данных на территории РФ, обязан убедиться в том, что иностранным государством, на территорию которого осуществляется передача персональных данных, обеспечивается адекватная защита прав субъектов персональных данных.

Критериев, определяющих адекватность защиты прав субъектов персональных данных на территории иностранного государства, в законе не предусмотрено. Оператору, осуществляющему трансграничную передачу персональных данных, необходимо руководствоваться законодательством иностранного государства, на территорию которого осуществляется пере-

дача персональных данных, законодательством РФ в области защиты прав субъектов персональных данных, а также международными нормативными актами, в том числе Конвенцией о защите прав физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г. с учетом перечня стран, подписавших и ратифицировавших данную Конвенцию.

В случае, если государство не присоединилось к Конвенции, для оценки адекватности защиты прав субъектов персональных данных на территории другого государства оператору, осуществляющему трансграничную передачу персональных данных, необходимо самостоятельно убедиться: что государство имеет свои национальные законы по защите прав субъектов персональных данных и есть механизм правовой защиты этих прав; что зарубежный контрагент знает об этих законах и применяет их на практике; что существуют государственные технические регламенты или стандарты по защите информации в целом и персональных данных в частности и субъект, которому осуществляется передача персональных данных, применяет их. Большинству операторов персональных данных, не являющимися крупными компаниями, осуществить указанный перечень действий самостоятельно невозможно. Поэтому Роскомнадзор взял на себя решение этой проблемы. Так, приказом Роскомнадзора от 15 марта 2013 г. № 274 утвержден перечень государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных, в который вошли 17 стран.

Сегодня проблемы трансграничной передачи персональных данных тесно связаны с проблемами обработки персональных данных в «облаках». «Облачные» сервисы предполагают расположение серверов, реализующих «облачные» вычисления, в разных странах. Если информация попадает в «облако» какого-нибудь крупного оператора, то в большинстве случаев невозможно сказать, на территории какой страны будет храниться та или иная информация. И более того, как предупреждает Эдвард Сноуден, как только данные попадают в «облако», сразу же это становится доступно третьим лицам в лице спецслужб.

21 июля 2014 г. принят Федеральный закон № 242-ФЗ, который устанавливает требование к операторам персональных данных хранить персональные данные российских граждан на территории РФ. Так, согласно ст. 15.5 Закона об информации в целях ограничения доступа к информации в сети Интернет, обрабатываемой с нарушением законодательства РФ в области персональных данных, создается автоматизированная информационная система «Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных». В реестр нарушителей включаются:

- 1) доменные имена и (или) указатели страниц сайтов в сети Интернет, содержащих информацию, обрабатываемую с нарушением законодательства РФ в области персональных данных;
- 2) сетевые адреса, позволяющие идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, обрабатываемую с нарушением законодательства РФ в области персональных данных;
- 3) указание на вступивший в законную силу судебный акт;

4) информация об устранении нарушения законодательства РФ в области персональных данных;

5) дата направления операторам связи данных об информационном ресурсе для ограничения доступа к этому ресурсу.

Создание, формирование и ведение реестра нарушителей осуществляет Роскомнадзор. Основанием для включения в реестр нарушителей информации является вступивший в законную силу судебный акт.

Указанные поправки в законодательство вступили в силу с 1 сентября 2015 г. С принятием Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ возникло много вопросов с его реализацией: возможна ли параллельная обработка персональных данных россиян за рубежом при условии согласия субъектов; должны ли новые требования применяться к данным, собранным до 1 сентября 2015 г., и др. Поэтому операторы персональных данных ждут разъяснений и подзаконных актов Правительства РФ и Роскомнадзора.

Однако уже сегодня, стремясь выполнить требования законодательства, иностранные компании переносят часть своих информационных систем на российские серверы или в российские дата-центры.

Право на забвение в Интернете. Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных сетей, в частности сети Интернет, стало причиной значительных изменений в сфере распространения информации, которая благодаря социальным сетям, блогам и поисковым системам стала не только доступной любому пользователю в любой точке мира, но также и практически не поддающейся контролю. Это привело к тому, что личная информация, попав в Интернет, остается там навсегда.

Согласно Рольфу Веберу, право на забвение (right to be forgotten) «отражает требование индивида об удалении каких-либо данных для того, чтобы они стали недоступны для третьих лиц». Иными словами, данное право позволяет индивидам удалять видео, фотографии или любую другую информацию о себе, чтобы она стала таким образом недоступной для поисковых систем. В этом смысле необходимо отличать «право на забвение» от «права забывать» (right to forget) — второе относится к запрету на упоминание исторического события из-за срока давности произошедшего, что делает его неактуальным для общества. Право на забвение отделено также и от права на неприкосновенность частной жизни, так как подразумевает удаление информации уже публичной, но нежелательной для дальнейшего доступа со стороны третьих лиц. (Заменить название согласно закону. Право на забвение в Интернете)

В самом современном понимании права на забвение речь идет прежде всего об удалении ссылок в поисковых системах на материалы, содержащие персональные данные или нежелательную информацию, но не самих материалов.

Таким образом, право быть забытым или право на забвение сегодня рассматривается как право человека, позволяющее ему потребовать при определенных условиях удаления своих персональных данных из общего доступа через поисковые системы, т. е. ссылок на те данные, которые, по его мнению, могут нанести ему вред. Это касается устаревших, неуместных, неполных,

неточных или избыточных данных, или информации, законные основания для хранения которой исчезли с течением времени.

В Европе предпосылки права на забвение существуют в законодательстве Франции, в котором признается *le droit à l'oubli* — право, позволяющее осужденному, отбывшему срок наказания и реабилитированному, возражать против публикации фактов о его судебном прошлом. Подобный принцип действует и в Великобритании: по прошествии некоторого времени многие судебные приговоры считаются «исчерпанными». Как в Европе, так и в США в судебных отчетах не упоминаются имена несовершеннолетних, так как ошибки, совершенные в юности, не должны негативно влиять на взрослую жизнь. (*Le droit* пишется в два слова)

В 1995 г. в Европе была принята Директива 95/46ЕС о защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных, ст. 12 которой гарантирует частным лицам конфиденциальность личной информации и ее защиту от третьих лиц в сети Интернет.

В 2012 г. Еврокомиссия представила проект нового акта о защите персональных данных (*General Data Protection Regulation*), который призван заменить и усовершенствовать Директиву 95/46ЕС. По словам комиссара Евросоюза по вопросам юстиции Вивиан Рединг, право на забвение стало способом «дать людям контроль над своими данными», прежде всего над теми, что предоставлены самими индивидами, а не над упоминаниями в СМИ или где-либо еще. Целью нового законопроекта является обновление и усиление законодательной базы в сфере защиты онлайн конфиденциальности (с учетом тенденций глобализации, появления социальных сетей и облачных технологий) и поддержание европейской электронной экономики. В частности, ст. 17 нового законопроекта объясняет понятие «право на забвение и уничтожение» (*right to be forgotten and to erasure*). По этой статье индивиду предоставляется право требовать удаления своих персональных данных и отказа от их дальнейшего распространения, особенно тех данных, которые были опубликованы, пока он был несовершеннолетним, или которые более не соответствуют цели их публикации. Операторы данных по требованию владельца данных должны предпринять соответствующие обособанные шаги по удалению запрашиваемых ссылок.

В марте 2014 г. новая версия законопроекта была одобрена Европейским парламентом. Право на забвение было заменено более ограниченными правом на уничтожение данных. Индивид вправе потребовать от оператора данных (физического или юридического лица, самостоятельно определяющего цели и средства обработки данных) удаления своих персональных данных, включая любые ссылки и копии, распространяемые третьими лицами. Помимо условий для удаления данных и запрета на их дальнейшее распространение законопроект предусматривает также условия, при которых дальнейшее сохранение данных обусловлено исторической, статистической, научно-исследовательской необходимостью, общественным интересом.

Как видим, речь идет об удалении ссылок в поисковых системах на материалы, содержащие нежелательную для заявителя информацию, но не самих материалов. Право на забвение — не абсолютное: хранение данных должно быть разрешено, если это необходимо для исторических, статистических и научно-исследовательских целей, в целях общественного интереса в области здравоохранения, для осуществления права на свободу выражения мнений, когда это требуется по закону или если есть причина, чтобы ограничить обработку данных, а не стирать их. С осторожностью подходить к вопросу нахождения баланса между частными и общественными интересами, Европейский Суд предлагает обосновывать решения на характере рассматриваемой информации, ее «чувствительности» для частной жизни заявителя и интересе к ней общества (что в свою очередь может зависеть от роли заявителя в публичной жизни). Сложность заключается в том, что даже если на текущий момент информация не представляет ни для кого значимого интереса, в будущем ситуация может измениться так, что уничтоженные данные сыграли бы ключевую роль при принятии важного решения. Поэтому реализация права на забвение чаще всего сводится именно к ограничению доступности, т. е. замедлению распространения информации.

Федеральный закон «О персональных данных» в ст. 5 установил, что при обработке персональных данных должны быть обеспечены точность персональных данных, их достаточность, а в необходимых случаях и актуальность по отношению к целям обработки персональных данных. Оператор должен принимать необходимые меры либо обеспечивать их принятие по удалению или уточнению неполных или неточных данных. Хранение персональных данных должно осуществляться в форме, позволяющей определить субъекта персональных данных, не дольше, чем этого требуют цели обработки персональных данных, если срок хранения персональных данных не установлен федеральным законом, договором, стороной которого, выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных. Обрабатываемые персональные данные подлежат уничтожению либо обезличиванию по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в достижении этих целей, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ закреплён российский вариант права на забвение. Так, введено понятие поисковой системы, под которой понимается информационная система, осуществляющая по запросу пользователя поиск в сети Интернет информации определенного содержания и предоставляющая пользователю сведения об указателе страницы сайта в сети Интернет для доступа к запрашиваемой информации, расположенной на сайтах в сети Интернет, принадлежащих иным лицам, за исключением информационных систем, используемых для осуществления государственных и муниципальных функций, оказания государственных и муниципальных услуг, а также для осуществления иных публичных полномочий, установленных федеральными законами.

Согласно ст. 10.3 Закона об информации оператор поисковой системы, распространяющий в сети Интернет рекламу, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории РФ, по требованию гражданина (физического лица) обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства РФ, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость.

Оператор поисковой системы направляет заявителю уведомление об удовлетворении требования заявителя или мотивированный отказ в его удовлетворении в той же форме, в которой было получено указанное требование.

Заявитель, считающий отказ оператора поисковой системы необоснованным, вправе обратиться в суд с исковым заявлением о прекращении выдачи ссылок на информацию, указанную в требовании заявителя.

Оператор поисковой системы обязан не раскрывать информацию о факте обращения к нему заявителя с требованием за исключением случаев, установленных федеральными законами.

В целях введения административной ответственности за необоснованный (незаконный) отказ гражданину оператором поисковой системы прекратить выдачу ссылок, которые позволяют получить доступ к информации об этом гражданине, являющейся недостоверной, неактуальной или распространяемой с нарушением законодательства, разработан законопроект о внесении в КаАП РФ ст. 15.13.1, устанавливающей ответственность оператора поисковой системы за неосуществление требования гражданина. Указанная статья предусматривает ответственность в виде административного штрафа граждан и юридических лиц в размере 100 тыс. руб. за неисполнение оператором поисковой системы требования гражданина о прекращении выдачи ссылок, предъявленного в соответствии с законодательством, а также ответственность в виде административного штрафа граждан и юридических лиц в размере 3 млн руб. за неисполнение в течение пяти дней оператором поисковой системы решения суда по иску гражданина о прекращении выдачи ссылок, позволяющих получить доступ к информации об этом гражданине.

Данные поправки вызвали широкий резонанс и обсуждение в интернет-сообществе. Так, сотрудники поисковых систем и IT-специалисты отмечают, что право на забвение выглядит как «проект людей, не знающих, как работает Интернет», ведь поисковые системы не умеют идентифицировать пользователя и индексируют только общедоступную информацию.

Сомнения вызывает то, что одним из оснований ограничения выдачи ссылок выступает недостоверность информации по ссылке. Сложно себе

представить, как оператор поисковой системы сможет оценить информацию по этому критерию без участия суда. Также следует отметить, что в условиях, которые предъявляются к требованию заявителя, не содержится указание на конкретную ссылку, которую необходимо удалить. Требуется лишь при необходимости указать доменное имя и (или) сетевой адрес сайта в сети Интернет.

Указанные рассуждения говорят о том, что российское законодательство по вопросу охраны прав субъектов персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях еще далеко от совершенства и требует детальной проработки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

ГЛАВА 1 ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВООТНОШЕНИЕ КАК СИСТЕМА

§ 1. Общественная природа правоотношения	5
§ 2. Информационно-правовые отношения, их сущность.....	10
§ 3. Содержание информационных правоотношений, их виды	13
§ 4. Объекты информационных правоотношений	20
§ 5. Функционирование правоотношения	25
§ 6. Информационно-правовая деятельность в системе информационных правоотношений.....	28
§ 7. Юридическая ответственность за нарушения информационного законодательства.....	38

ГЛАВА 2 СУБЪЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

§ 1. Понятия и виды субъектов информационных правоотношений.....	46
§ 2. Информационная правосубъектность.....	50
§ 3. Правовой статус субъекта информационного правоотношения.....	57
§ 4. Государство как субъект информационных правоотношений.....	65
§ 5. Обладатель информации как субъект информационных правоотношений.....	68
§ 6. Информационный посредник как субъект информационных правоотношений в сети Интернет	71
§ 7. Потребитель (пользователь) информации как субъект информационных правоотношений	76

ГЛАВА 3 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

§ 1. Отношения в области реализации информационных прав и свобод человека и гражданина	80
§ 2. Отношения в сфере международного информационного обмена	92
§ 3. Отношения в сфере связи.....	94
§ 4. Отношения в сфере информационно-телекоммуникационных сетей	107
§ 5. Отношения в сфере электронной экономической деятельности.....	159
§ 6. Отношения в сфере информационной безопасности.....	178

Научное издание

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Коллективная монография

Оригинал-макет подготовлен компанией ООО «Оригинал-макет»
www.o-maket.ru; тел.: (495) 726-18-84

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.004173.04.09 от 17.04.2009 г.

Подписано в печать 17.11.2016. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Печать цифровая. Печ. л. 13,0. Тираж 1000 (1-й завод 100) экз. Заказ №

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.